

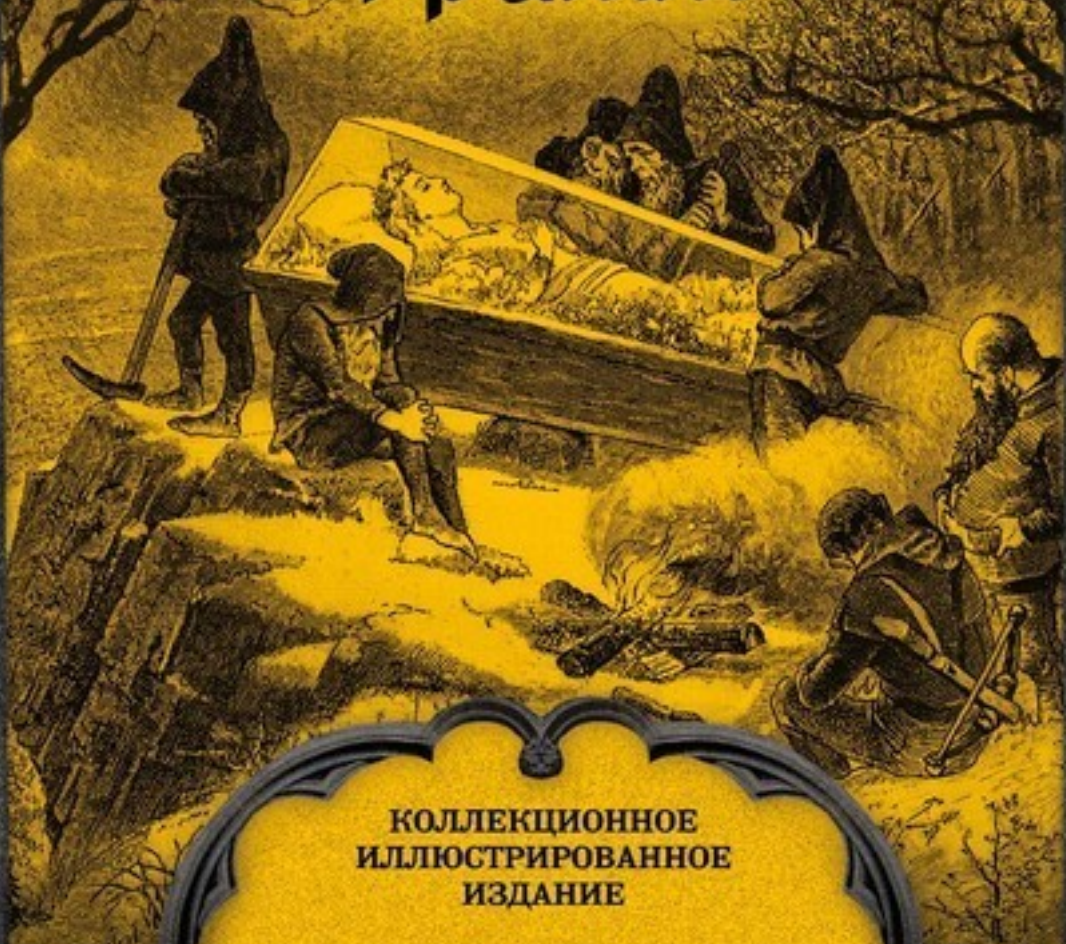
Яков
Гримм

Вильгельм
Гримм

Настоящие сказки братьев Гримм

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Подарочные издания. Иллюстрированная классика

Якоб и Вильгельм Гримм
**Настоящие сказки братьев
Гримм. Полное собрание**

«Алгоритм»

1800-1818

УДК 821.112.2-34
ББК 84(4Гем)-44

Гримм Я.

Настоящие сказки братьев Гримм. Полное собрание /
Я. Гримм — «Алгоритм», 1800-1818 — (Подарочные издания.
Иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-906979-68-1

Меня мачеха убила, Мой отец меня же съел. Моя милая сестричка Мои косточки собрала, Во платочек их связала И под деревцем сложила. Чивик, чивик! Что я за славная птичка! (Сказка о заколдованном дереве. Якоб и Вильгельм Гримм) Впервые в России: полное собрание сказок, собранных братьями Гримм в неадаптированном варианте для взрослых! Многие известные сказки в оригинале заканчиваются вовсе не счастливо. Дело в том, что в братья Гримм писали свои произведения для взрослых, поэтому сюжеты неадаптированных версий «Золушки», «Белоснежки» и многих других добрых детских сказок легко могли бы лечь в основу сценария современного фильма ужасов. Сестры Золушки обрезают себе часть ступни, чтобы влезть в хрустальную туфельку, принц из сказки про Рапунцель выкалывает себе ветками глаза, а «добрые» родители Гензеля и Гретель отрубают своим детям руки и ноги. Таких сказок вам еще не доводилось читать... В этом издании впервые публикуются все, включая самые мрачные и пугающие истории оригинального сборника братьев Гримм. Издание дополнено гравюрами и иллюстрациями XIX века.

УДК 821.112.2-34
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-906979-68-1

© Гримм Я., 1800-1818

© Алгоритм, 1800-1818

Содержание

Предисловие	7
Король-лягушонок, или Железный Генрих	10
Дружба кошки и мышки	14
Дитя Марии	16
Сказка о том, кто ходил страху учиться	21
Волк и семеро маленьких козлят	30
Верный Иоганн	32
Удачная торговля	38
Необыкновенный музыкант	42
Двенадцать братьев	44
Сброд оборванцев	50
Братец и сестрица	52
Колокольчик	57
Три человечка в лесу	60
Три пряжи	65
Гензель и Гретель	67
Три змеиных листика	74
Белая змея	77
Соломинка, уголек и боб	81
О рыбаке и его жене	82
Храбрый портняжка	88
Замарашка	96
Загадка	103
О мышке, птичке и жареной колбасе	105
Госпожа Метелица	108
Семь воронов	110
Красная шапочка	114
Бременские уличные музыканты	116
Поющая косточка	120
Черт с тремя золотыми волосками	122
Вошка и блошка	128
Девушка без рук	130
Разумный Ганс	135
Три языка	138
Умная Эльза	140
Портной в раю	143
Столик-Сам-Накройся, золотой осел и дубинка из мешка	145
Мальчик-С-Пальчик	155
Свадьба госпожи Лисицы	159
Первая сказка	159
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Братья Гримм
Настоящие сказки братьев
Гримм. Полная версия

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Братья Гримм и их сказки

Минуло много лет с той поры, как «Детские и домашние сказки» братьев Гримм впервые вышли в свет. Издание было самое скромное и по внешности, и по объему: в книжке было всего 83 сказки вместо 200, печатаемых в настоящее время. Предисловие, предпосланное сборнику братьями Гримм, было подписано 18 октября приснопамятного 1812 года. Книжка была оценена по достоинству в эту эпоху немецкого самосознания, в эту эпоху пробуждения горячих националистических стремлений и пышного расцвета романтики. Еще при жизни братьев Гримм их сборник, постоянно ими дополняемый, выдержал уже 5 или 6 изданий и был переведен почти на все европейские языки.

Этот сборник сказок был почти первым, юношеским трудом братьев Гримм, первой их попыткой на пути ученого собирания и ученой обработки памятников древней немецкой литературы и народности. Следуя этому пути, братья Гримм позднее добились громкой славы светил европейской науки и, посвятив всю жизнь своим громадным, поистине бессмертным трудам, оказали косвенным образом весьма сильное влияние и на русскую науку, и на изучение русского языка, старины и народности. Имя их пользуется и в России громкой, вполне заслуженной известностью, произносится и нашими учеными с глубоким уважением... Ввиду этого мы признаем, что здесь далеко не излишним будет помещение краткого, сжатого биографического очерка жизни и деятельности знаменитых братьев Гримм, которых немцы справедливо называют «отцами и родоначальниками германской филологии».

По происхождению братья Гримм принадлежали к среднему классу общества. Отец их был сначала адвокатом в Ганау, а потом поступил на службу по юридической части к князю Ганаускому. Братья Гримм родились в Ганау: Якоб – 4 января 1785 года, Вильгельм – 24 февраля 1786 года. От самой ранней юности они были связаны теснейшими узами дружбы, которая не прекращалась до гробовой доски. Притом же оба они, даже и по самой природе своей, как бы дополняли друг друга: Якоб, как старший, был и физически сложен крепче брата Вильгельма, который смолodu постоянно был очень болезненным и окреп здоровьем уже только под старость. Отец их умер в 1796 году и оставил семью свою в весьма стесненном положении, так что только благодаря щедрости своей тетки со стороны матери братья Гримм могли закончить ученье, к которому уже очень рано проявили блестящие способности. Учились они сначала в Кассельском лицее, потом поступили в Марбургский университет, с твердым намерением изучать юридические науки для практической деятельности по примеру отца. Они и действительно слушали лекции по юридическому факультету, занимались и изучением права, но природные наклонности стали сказываться и повлекли их в совершенно иную сторону. Все досуги свои еще в университете они стали посвящать изучению отечественной немецкой и иностранных литератур, а когда в 1803 году известный романтик Тик издал свои «Песни миннезингеров», которым предпослал горячее, прочувствованное предисловие, – братья Гримм разом почувствовали сильнейшее влечение к изучению немецкой старины и народности и решились ознакомиться с древненемецкой рукописной литературой по подлинникам. Вступив вскоре по выходе из университета на этот путь, братья Гримм уже не сходили с него до конца жизни.

В 1805 году, когда Якобу Гримму пришлось на время отлучиться в Париж с научной целью, братья, привыкшие жить и работать вместе, почувствовали в такой степени тягость этой разлуки, что положили никогда более, ни для каких целей не разлучаться – жить вместе и все делить между собою пополам.

Между 1805 и 1809 годами Якоб Гримм состоял на службе: был некоторое время библиотекарем Жерома Бонапарта в Вильгельмсгеге, а потом даже и статс-аудитором. После окон-

чания войны с Францией Якоб Гримм получил от курфюрста Кассельского поручение ехать в Париж и возратить в Кассельскую библиотеку те рукописи, которые были из нее увезены французами. В 1815 году он был послан вместе с представителем Кассельского курфюршества на Венский конгресс, и ему даже открывалась небезвыгодная дипломатическая карьера. Но Якоб Гримм чувствовал к ней полнейшее отвращение, да и вообще в служебных занятиях видел только помеху к занятиям наукой, которым был предан всей душой. Вот почему в 1816 году он покинул службу, отклонил предложенную ему профессию в Бонне, отказался от крупных окладов жалованья и предпочел всему скромное место библиотекаря в Касселе, где брат его уже с 1814 года был секретарем библиотеки. Оба брата сохраняли это свое скромное положение до 1820 года, усердно предаваясь в это время своим научным исследованиям, и этот период их жизни был плодотворнейшим по отношению к их научной деятельности. В 1825 году Вильгельм Гримм женился; но братья все же не разлучались и продолжали жить и работать вместе.

В 1829 году директор Кассельской библиотеки скончался; его место, конечно, по всем правам и справедливости должно было бы перейти к Якобу Гримму; но ему был предпочтен чужеземец, не заявивший себя никакими заслугами, и оба брата Гримм, оскорбленные этой вопиющей несправедливостью, нашли себя вынужденными подать в отставку. Само собою разумеется, что братья Гримм, в то время уже успевшие приобрести себе весьма громкую известность своими трудами, не остались без дела. Якоб Гримм был в 1830 году приглашен в Геттинген профессором немецкой литературы и старшим библиотекарем при тамошнем университете. Вильгельм поступил туда же младшим библиотекарем и в 1831 году был возведен в экстраординарные, а в 1835 году – в ординарные профессора. Обоим ученым братьям жилось здесь недурно, в особенности потому, что здесь они встретили дружеский кружок, в состав которого входили первые светила современной германской науки. Но пребывание их в Геттингене было непродолжительным. Новый король Ганноверский, вступивший на престол в 1837 году, задумал одним росчерком пера уничтожить конституцию, данную Ганноверу его предшественником, чем, конечно, и возбудил против себя во всей стране общее неудовольствие; но только семеро геттингенских профессоров имели достаточно гражданского мужества, чтобы гласно заявить протест против такого самовольного нарушения основного государственного закона. Между этими семью смельчаками находились и братья Гримм. На этот протест король Эрнст-Август ответил немедленным увольнением всех семи профессоров с их должностей и высылкой из ганноверских пределов тех из них, которые не были ганноверскими уроженцами. В трехдневный срок братья Гримм должны были покинуть Ганновер и временно поселились в Касселе. Но за знаменитых ученых вступилось общественное мнение Германии: открыта была общая подписка для обеспечения братьев Гримм от нужды, а два крупных германских книгопродавца-издателя (Реймер и Гирцель) обратились к ним с предложением составить сообща немецкий словарь на самой широкой научной основе. Братья Гримм приняли это предложение с величайшей готовностью и после необходимых, довольно продолжительных приготовлений принялись за работу. Но им не пришлось долго быть в Касселе: друзья о них позаботились и нашли им просвещенного покровителя в лице кронпринца Фридриха-Вильгельма Прусского, и, когда он в 1840 году вступил на престол, он тотчас же вызвал ученых братьев в Берлин. Они были избраны в члены Берлинской Академии наук и в качестве академиков получили право на чтение лекций в Берлинском университете. Вскоре и Вильгельм, и Якоб Гримм приступили к чтению лекций в университете и с тех пор жили в Берлине безвыездно до самой смерти. Вильгельм умер 16 декабря 1859 года; Якоб последовал за ним 20 сентября 1863 года, на 79-м году своей многотрудной и плодотворной жизни.

Что касается значения научной деятельности братьев Гримм, то оно, конечно, не подлежит нашей оценке в этой краткой биографической заметке. Мы можем здесь ограничиться только перечислением их важнейших трудов, доставивших им громкую славу европейских

ученых, и указать на то различие, которое существовало в деятельности Якоба и Вильгельма Гримм и до некоторой степени характеризовало их личное отношение к науке.

Вначале, в период юношеских увлечений германской стариной и народностью, братья Гримм главным образом посвящали свою деятельность собиранию, объяснению и изданию в свет памятников народного творчества. В этот период, к которому относятся и «Сказки», братья Гримм смотрели на труды свои как на общую собственность и честь авторства делили пополам, всюду выставляя на их заглавных листах: «братья Гримм». Только с 1818 года их научная деятельность распадается надвое: Якоб Гримм исключительно предается филологическим исследованиям германских наречий и на этих исследованиях строит свои важнейшие труды – «Немецкую грамматику» (1819 г.), «Древности немецкого права» (1828 г.) и «Немецкую мифологию» (1835 г.), – которые составили эпоху не только в германской филологии, но и вообще в области сравнительного языкознания. Вильгельм Гримм остался при более привлекавшем его изучении отдельных памятников древненемецкой литературы и немало сделал для их объяснения. С того времени, когда раздвоились пути научной деятельности ученых братьев, каждый из них уже стал подписывать свои труды полным своим именем.

Вильгельм Гримм посвятил себя деятельности более скромной, но не менее полезной и заслуживающей серьезного внимания. Он обратился к изучению отдельных поэтических произведений и народных преданий вообще, стал собирать и приводить в порядок немецкие героические саги, восстанавливать испорченные тексты рукописей и тем самым положил краеугольный камень в основу сравнительной истории литературы, занимающейся исследованием развития и роста одного и того же поэтического материала у различных народов. Вильгельм Гримм был в высшей степени одарен способностью тонкого распознавания и расследования тех видоизменений, которые происходят в одном и том же поэтическом мотиве при его странствованиях от народа к народу. С этой именно стороны он был главным деятелем в создании сборника «Сказок» и в особенности того образцового комментария к ним, который впоследствии явился в виде отдельного тома, прилагавшегося к сборнику «Сказок», изданных братьями Гримм. В этом комментарии к «Сказкам» Вильгельм Гримм дает богатый материал для сравнения немецких сказочных сюжетов со сказочной литературой французской, итальянской, испанской, английской, скандинавской, славянской и даже со сказочным запасом восточных литератур. Таким образом, Вильгельм Гримм, всю жизнь трудясь рядом с братом и другом своим, великим филологом, приобрел вполне заслуженную известность талантливого исследователя в области истории литературы.

Король-лягушонок, или Железный Генрих

В старые годы, когда стоило лишь пожелать чего-нибудь и желание исполнялось, жил-был на свете король; все дочери его были одна краше другой, а уж младшая королева была так прекрасна, что даже само солнышко, так много выдавшее всяких чудес, и то дивилось, озаряя ее личико.

Близ королевского замка был большой темный лес, а в том лесу под старой липой вырыт был колодец. В жаркие дни заходила королева в темный лес и садилась у прохладного колодца; а когда ей скучно становилось, брала она золотой мячик, подбрасывала его и ловила: это была ее любимая забава.

Но вот случилось однажды, что подброшенный королевной золотой мяч попал не в протянутые ручки ее, а пролетел мимо, ударился оземь и покатился прямо в воду. Королева следила за ним глазами, но, увы, мячик исчез в колодце. А колодец был так глубок, так глубок, что и дна не было видно.

Стала тут королева плакать, плакала-рыдала все громче да горестней и никак не могла утешиться.

Плачет она, заливаясь, как вдруг слышит чей-то голос: «Да что с тобой, королева? От твоего плача и в камне жалость явится». Оглянулась она, чтобы узнать, откуда голос ей звучит, и увидела лягушонка, который высунул свою толстую уродливую голову из воды. «Ах, так это ты, старый водошлеп! – сказала девушка. – Плачу я о своем золотом мячике, который в колодец упал». – «Успокойся, не плачь, – отвечал лягушонок, – я могу горю твоему помочь; но что дашь ты мне, если я тебе игрушку достану?» – «Да все, что хочешь, милый лягушонок, – отвечала королева, – мои платья, жемчуг мой, камни самоцветные, а еще в придачу и корону золотую, которую ношу».

«Король-лягушонок, или Железный Генрих».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Успокойся, не плачь, – отвечал лягушонок, – я могу горю твоему помочь!...»

И отвечал лягушонок: «Не нужно мне ни платьев твоих, ни жемчуга, ни камней самоцветных, ни твоей короны золотой; а вот если бы ты меня полюбила и стал бы я везде тебе сопутствовать, разделять твои игры, за твоим столиком сидеть с тобой рядом, кушать из твоей золотой тарелочки, пить из твоей стопочки, спать в твоей постельке: если ты мне все это обещаешь, я готов спуститься в колодец и достать тебе оттуда золотой мячик». – «Да, да, – отвечала королевна, – обещаю тебе все, чего хочешь, лишь бы ты мне только мячик мой воротил».

А сама подумала: «Пустое городит глупый лягушонок! Сидеть ему в воде с подобными себе да квакать, где уж ему быть человеку товарищем».

Заручившись обещанием, лягушонок исчез в воде, опустился на дно, а через несколько мгновений опять выплыл, держа во рту мячик, и бросил его на траву. Затрепетала от радости королевна, увидев снова свою прелестную игрушку, подняла ее и убежала вприпрыжку. «Постой, постой! – закричал лягушонок. – Возьми ж меня с собой. Я не могу так бегать, как ты».

Куда там! Напрасно ей вслед во всю глотку квакал лягушонок: не слушала беглянка, поспешила домой и скоро забыла о бедном лягушонке, которому пришлось не солоно хлебавши опять лезть в свой колодец.

На следующий день, когда королевна с королем и всеми придворными села за стол и стала кушать со своего золотого блюда, вдруг – шлеп, шлеп, шлеп, шлеп! – кто-то зашлепал по мраморным ступеням лестницы и, добравшись доверху, стал стучаться в дверь: «Королевна, младшая королевна, отвори мне!»

Она вскочила посмотреть, кто бы там такой мог стучаться, и, отворив дверь, увидела лягушонка. Быстро хлопнула дверью королевна, опять села за стол, и страшно-страшно ей стало.

Увидел король, что сердечко ее шибко бьется, и сказал: «Дитяtko мое, чего ты боишься? Уж не великан ли какой стоит за дверью и хочет похитить тебя?» – «Ах, нет! – отвечала она. – Не великан, а мерзкий лягушонок!» – «Чего же ему нужно от тебя?» – «Ах, дорогой отец! Когда я в лесу вчера сидела у колодца и играла, упал мой золотой мячик в воду; а так как я очень горько плакала, лягушонок мне достал его оттуда; и когда он стал настойчиво требовать, чтобы нам быть отныне неразлучными, я обещала; но ведь никогда я не думала, что он может из воды выйти. А вот он теперь тут за дверью и хочет войти сюда».

Лягушонок постучал вторично и голос подал:

Королевна, королевна!
Что же ты не отворяешь?!
Иль забыла обещанья
У прохладных вод колодца?
Королевна, королевна,
Что же ты не отворяешь?

Тогда сказал король: «Что ты обещала, то и должна исполнить; ступай и отвори!»

Она пошла и отворила дверь.

Лягушонок вскочил в комнату и, следуя по пятам за королевой, доскакал до самого ее стула, сел подле и крикнул: «Подними меня!» Королевна все медлила, пока наконец король не приказал ей это исполнить. Едва лягушонка на стул посадили, он уж на стол запросился; посадили на стол, а ему все мало: «Придвинь-ка, – говорит, – свое блюдо золотое поближе ко мне, чтоб мы вместе покушали!»

Что делать?! И это исполнила королевна, хотя и с явной неохотой. Лягушонок уплетал кушанья за обе щеки, а молодой хозяйке кусок в горло не лез.

Наконец гость сказал: «Накушался я, да и притомился. Отнеси ж меня в свою комнатку да приготовь свою постельку пуховую, и ляжем-ка мы с тобою спать». Расплакалась королевна, и страшно ей стало холодного лягушонка: и дотронуться-то до него боязно, а тут он еще на королевниной мягкой, чистой постельке почивать будет!

Но король разгневался и сказал: «Кто тебе в беде помог, того тебе потом презирать не годится».

Взяла она лягушонка двумя пальцами, понесла к себе наверх и ткнула в угол.

Но когда она улеглась в постельке, подполз лягушонок и говорит: «Я устал, я хочу спать точно так же, как и ты: подними меня к себе – или я отцу твоему пожалуюсь!» Ну, уж тут королевна рассердилась до чрезвычайности, схватила его и бросила, что было мочи, об стену. «Чай теперь уж ты успокоишься, мерзкая лягушка!»

Упавши наземь, обернулся лягушонок статным королевичем с прекрасными ласковыми глазами. И стал он по воле короля милым товарищем и супругом королевны. Тут рассказал он ей, что злая ведьма чарами оборотила его в лягушку, что никто на свете, кроме королевны, не в силах был его из колодца вызволить и что завтра же они вместе поедут в его королевство.

Тут они заснули, а на другое утро, когда их солнце пробудило, подъехала к крыльцу карета восьмериком: лошади белые, с белыми страусовыми перьями на головах, сбруя вся из золотых цепей, а на запятках стоял слуга молодого короля, его верный Генрих.

Когда повелитель его был превращен в лягушонка, верный Генрих так опечалился, что велел сделать три железных обруча и заковал в них свое сердце, чтобы оно не разорвалось на части от боли да кручины.

Карета должна была отвезти молодого короля в родное королевство; верный Генрих посадил в нее молодых, стал опять на запятки и был рад-радешенек избавлению своего господина от чар.

Проехали они часть дороги, как вдруг слышит королевич позади себя какой-то треск, словно что-нибудь обломилось. Обернулся он и закричал:

– Что там хрустнуло, Генрих? Неужто карета?

– Нет! Цела она, мой повелитель... А это

Лопнул обруч железный на сердце моем:

Истрадалось оно, повелитель, о том,

Что в колодце холодном ты был заключен

И лягушкой остаться навек обречен.

И еще, и еще раз хрустнуло что-то во время пути, и королевич в эти оба раза тоже думал, что ломается карета; но то лопались обручи на сердце верного Генриха, потому что господин его был теперь освобожден от чар и счастлив.

Дружба кошки и мышки

Кошка познакомилась с мышкой и столько пела ей про свою великую любовь и дружбу, что мышка наконец согласилась поселиться с ней в одном доме и завести общее хозяйство. «Да вот к зиме нужно бы нам наготовить припасов, а не то голодать придется, – сказала кошка. – Ты, мышка, не можешь ведь всюду ходить. Того гляди, кончишь тем, что в мышеловку угодишь».

Добрый совет был принят и про запас куплен горшочек жиру. Но не знали они, куда его поставить, пока наконец после долгих рассуждений кошка не сказала: «Я не знаю места для хранения лучше кирпичи: оттуда никто не отважится украсть что бы то ни было; мы поставим горшочек под алтарем и примемся за него не прежде, чем нам действительно понадобится».

Итак, горшочек поставили на хранение в верном месте; но немного времени прошло, как захотелось кошке отведать жирку, и говорит она мышке: «Вот что я собиралась тебе сказать, мышка: звана я к сестре двоюродной на крестины; она родила сына, белого с темными пятнами – так я кумой буду. Ты пусти меня сегодня в гости, а уж домашним хозяйством одна позаймись». – «Да, да, – отвечала мышь, – ступай себе с богом; а если что вкусное скушать доведется, вспомни обо мне: я и сама бы не прочь выпить капельку сладкого красного крестинного винца».

Все это были выдумки: у кошки не было никакой двоюродной сестры, и никто не звал ее на крестины. Пошла она прямехонько в кирпичу, пробралась к горшочку с жиром, стала лизать и слизала сверху жирную пленочку. Потом прогулялась по городским крышам, осмотрелась кругом, а затем растянулась на солнышке, облизываясь каждый раз, когда вспоминала о горшочке с жиром.

Только ввечеру вернулась она домой. «Ну, вот ты и вернулась, – сказала мышь, – верно, весело денек провела». – «Да, недурно», – отвечала кошка. «А как звали новорожденного?» – «Початочек», – коротко отвечала кошка. «Початочек?! – воскликнула мышь. – Вот так удивительно странное имя! Или оно принято в вашем семействе?» – «Да о чем тут рассуждать? – сказала кошка. – Оно не хуже, чем Крошкочрад, как зовут твоих крестников».

Немного спустя опять одолело кошку желание полакомиться. Она сказала мышке: «Ты должна оказать мне услугу и еще раз одна позаботиться о хозяйстве: я вторично приглашена на крестины и не могу отказать, так как у новорожденного отметина есть: белое кольцо вокруг шеи».

Добрая мышь согласилась, а кошка позади городской стены проскользнула в кирпичу и съела с полгоршочка жиру. «Вот уж именно ничто так не вкусно, как то, что сама в свое удовольствие покушаешь», – сказала она, очень довольная своим поступком.

Когда она вернулась домой, мышь опять ее спрашивает: «Ну, а как этого детеныша нарекли?» – «Середочкой», – отвечала кошка. «Середочкой?! Да что ты рассказываешь?! Такого имени я отродясь не слыхивала и бьюсь об заклад, что его и в Святцах-то нет!»

А у кошки скоро опять слюнки потекли, полакомиться захотелось. «Бог любит троицу! – сказала она мышке. – Опять мне кумой быть приходится. Детеныш весь черный, как смоль, и только одни лапки у него беленькие, а на всем туловище ни одного белого волоска не найдется. Это случается в два года раз: ты бы отпустила меня туда». – «Початочек, Середочка... – отвечала мышь. – Это такие имена странные, что меня раздумье берет». – «Ты все торчишь дома в своем темно-сером байковом халате и со своей длинной косицей, – сказала кошка, – и причудничаешь: вот что значит днем не выходить из дому».

Мышка во время отсутствия кошки убрала все комнатки и весь дом привела в порядок, а кошка-лакомка дочиста вылизала весь горшочек жиру. «Только тогда на душе и спокойно, когда все съешь», – сказала она себе и лишь поздней ночью вернулась домой, сытая-пресытая.

Мышка сейчас же спросила, какое имя дали третьему детенышу. «Оно тебе, верно, тоже не понравится, – отвечала кошка, – малютку назвали Последышек». – «Последышек! – воскликнула мышь. – Это самое подозрительное имя. Я его что-то до сих пор не встречала. Последышек! Что бы это значило?» Она покачала головой, свернулась калачиком и легла спать.

С той поры никто уже кошку больше не звал на крестины, а когда подошла зима и около дома нельзя было найти ничего съестного, мышка вспомнила о своем запасе и сказала: «Пойдем, кисонька, попробемся к припасенному нами горшочку с жиром, то-то вкусно покушаем». – «О, да, – отвечала кошка, – вкусно будет! Так же вкусно, как если бы ты свой тонкий язычок в окошко высунула».

Они отправились, а когда дошли до цели, то нашли горшочек хотя и на своем месте, но совсем пустым. «Ах, – сказала мышь, – теперь я вижу, что случилось: теперь мне ясно, какой ты мне истинный друг! Ты все пожрала, когда на крестины ходила: сперва почала, потом до середочки добралась, затем...» – «Замолчишь ли ты?! – вскричала кошка. – Еще одно слово – и я тебя съем!»

У бедной мышки уже на языке вертелось: «Последышек!» – и едва сорвалось у нее это слово, как одним прыжком подскочила к ней кошка, схватила ее и... проглотила.

Вот так-то! Чего только на свете не бывает!..

Дитя Марии

На опушке большого леса жил дровосек со своею женой, и было у них единственное дитя – трехлетняя девочка. Были они так бедны, что даже без хлеба насущного сиживали и не знали, чем прокормить ребенка.

Однажды поутру дровосек, подавленный своими заботами, отправился на работу в лес. Стал он там рубить дрова, как вдруг появилась перед ним прекрасная высокая женщина с венцом из ярких звезд на голове и сказала: «Я – Дева Мария, мать младенца Христа. Ты беден, обременен нуждою. Принеси мне свое дитя: я возьму его с собою, буду ему матерью и стану о нем заботиться».

Послушался ее дровосек, принес дитя свое и вручил его Деве Марии, которая и взяла его с собой на небо.

Хорошо там зажило дитя: ело пряники сахарные, пило сладкое молоко, в золотые одежды одевалось, и ангелы играли с ним.

Когда же девочке исполнилось четырнадцать лет, позвала ее однажды к себе Дева Мария и сказала: «Милое дитя, предстоит мне путь неблизкий; так вот, возьми ты на хранение ключи от тринадцати дверей Царства небесного. Двенадцать дверей можешь отпирать и осматривать все великолепие, но тринадцатую дверь, что вот этим маленьким ключиком отпирается, запрещаю тебе отпирать! Не отпирай ее, не то будешь несчастною!»

Девочка обещала быть послушною, и затем, когда Дева Мария удалилась, она начала осматривать обители небесного Царства.

Каждый день отпирала она по одной двери, пока не обошла все двенадцать обителей. В каждой сидел апостол в великом сиянии – и девочка радовалась всей этой пышности и великолепию, и ангелы, всюду ее сопровождавшие, радовались вместе с нею.

«Дитя Марии». Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...и Дева Мария сошла на землю с ее новорожденною дочерью на руках и обоими сыночками по сторонам...»

И вот осталась замкнутою только одна запретная дверь; а девочке очень хотелось узнать, что за нею скрыто, и она сказала ангелам: «Совсем отворять я ее не стану и входить туда не буду, а лишь приотворю настолько, чтобы мы хоть в щелочку могли что-нибудь увидеть». – «Ах, нет! – отвечали ангелы. – Это был бы грех: Дева Мария запретила, это может грозить нам великим несчастьем».

Тогда она замолчала, да желание-то в сердце ее не замолкло, а грызло и побуждало ее, и не давало ей покоя.

И вот однажды, когда все ангелы отлучились, она подумала: «Я одна-одинешенька теперь и могла бы туда заглянуть: никто ведь об этом не узнает».

Отыскала она ключ, взяла его в руку, вложила в замочную скважину, а вставив, повернула. Мигом распахнулась дверь – и увидела она там Пресвятую Троицу, восседающую в пламени и блеске. Мгновение простояла девочка в изумлении, а затем слегка дотронулась пальцем до этого сияния – и палец ее стал совсем золотым.

Тут ее охватил сильный страх, она быстро захлопнула дверь и убежала.

Но что ни делала она, как ни металась – не проходил ее страх, сердце все продолжало биться и не могло успокоиться; да и золото не сходило с пальца, как она ни мыла и ни терла его.

Вскоре вернулась Дева Мария из своего путешествия, позвала к себе девочку и потребовала обратно ключи от неба.

Когда девочка подавала связку, взглянула ей Приснодева в глаза и спросила: «Не отпирали ли ты и тринадцатую дверь?» – «Нет».

Тогда возложила ей Владычица руку свою на сердце, почувствовала, как оно бьется, и увидела, что запрещение было нарушено и дверь была отперта.

В другой раз спросила Царица Небесная: «Вправду ль ты этого не делала?» – «Нет», – отвечала вторично девочка.

Тогда взглянула Приснодева на палец ее, позлащенный от прикосновения к небесному пламени, ясно увидела, что девочка согрешила, и спросила ее в третий раз: «Ты точно не делала этого?» И в третий раз отвечала девочка: «Нет».

Тогда сказала Дева Мария: «Ты ослушалась меня да вдобавок еще солгала, а потому недостойна больше оставаться на небе!»

И девочка погрузилась в глубокий сон, а когда проснулась, то лежала внизу, на земле, в пустынной глуши. Она хотела позвать на помощь, но не могла произнести ни звука. Вскочила она и хотела бежать, но в какую сторону ни поворачивалась, везде перед ней возникал стоявший стеною густой терновник, через который она не могла пробраться.

В этой глуши, где она оказалась как бы в плену, стояло старое дуплистое дерево: оно должно было служить ей жилищем. Вползала она туда и спала в дупле, когда наступала ночь; там же в дождь и грозу находила она себе приют.

Но это была жалкая жизнь – горько плакала девочка, вспоминая о том, как ей хорошо было на небе и как с нею играли ангелы.

Единственной пищей служили ей коренья и лесные ягоды. Осенью собирала она опавшие орехи и листья и относила их в свое дупло: орехами питалась зимой, а когда все кругом покрывалось снегом и льдом, она заползала, как жалкий зверек, во все эти листья, чтобы укрыться от холода.

Одежда ее скоро изорвалась и лохмотьями свалилась с ее тела. Когда же солнышко снова начинало пригревать, она выходила из своего убежища и садилась под деревом, прикрытая своими длинными волосами, словно плащом.

Так прозябала она год за годом, испытывая бедствия и страдания земного существования.

Однажды, когда деревья снова нарядились в свежую зелень, король той страны, охотясь в лесу, преследовал дикую козу, и так как она убежала в кусты, окаймлявшие прогалину со старым деревом, он сошел с коня и мечом прорубил себе путь в зарослях.

Пробившись наконец сквозь эти дебри, он увидел дивно прекрасную девушку, сидевшую под деревом и с головы до пят покрытую волнами своих золотистых волос.

Он остановился, безмолвно, с изумлением вглядываясь в нее, а затем спросил: «Кто ты такая и зачем сидишь ты здесь, в пустыне?»

Она ничего не ответила, потому что уст не могла открыть. Король продолжал: «Хочешь ли ты идти со мной, в мой замок?» На это она ответила только легким кивком головы.

Тогда взял ее король на руки, донес до своего коня и поехал с нею домой, а когда прибыл в свой королевский дворец, приказал облечь ее в пышные одежды и всем наделил ее в изобилии. И хотя она говорить не могла, но была так пленительно прекрасна, что король полюбил ее всем сердцем и немного спустя женился на ней.

Минуло около года, и королева родила сына. И вот ночью, как она лежала одна в постели, явилась ей Дева Мария и сказала: «Если ты мне всю правду скажешь и повинись в том, что отворяла запретную дверь, то я открою уста твои и возвращу тебе дар слова; если же ты в грехе своем станешь упорствовать и настойчиво отрицать свою вину, я возьму у тебя твоего новорожденного ребенка».

Королева получила возможность сказать правду, но она упорствовала и опять сказала: «Нет, я не отпирала запретной двери». Тогда Пресвятая Дева взяла из рук ее новорожденного младенца и скрылась с ним.

Наутро, когда ребенка нигде не могли найти, поднялся ропот в народе: «Королева-де людоедка, родное дитя извела». Она все слышала, да ничего возразить против этого не могла; король же не хотел этому верить, потому что крепко любил ее.

Через год еще сын родился у королевы, и опять ночью вошла к ней Пресвятая Дева и сказала: «Согласна ль ты покаяться в том, что отпирала запретную дверь? Признаешься – так я тебе первенца твоего отдам и возвращу дар слова; если же будешь упорствовать в грехе и отрицать вину свою – отниму у тебя и этого новорожденного младенца». Снова отвечала королева: «Нет, не отпирала я запретной двери». И взяла Владычица из рук ее дитя, и вознеслась с ним на небеса. Наутро, когда вновь оказалось, что и это дитя исчезло, народ уже открыто говорил, что королева сожрала его, и королевские советники потребовали суда над нею.

Но король так ее любил, что все не хотел верить обвинению и повелел своим советникам под страхом смертной казни, чтобы они об этом и заикаться не смели.

На следующий год родила королева прехорошенькую девочку – и в третий раз явилась ей ночью Пресвятая Дева Мария и сказала: «Следуй за мною!»

Взяла Владычица королеву за руку, повела на небо и показала ей там обоих ее старших детей: они встретили ее веселым смехом, играя державным яблоком Святой Девы.

Возрадовалась королева, глядя на них, а Пресвятая Дева сказала: «Ужели до сих пор не смягчилось твое сердце? Если ты признаешься, что отпирала запретную дверь, я возвращу тебе обоих твоих сыночков».

Но королева в третий раз отвечала: «Нет, не отпирала я запретной двери».

Тогда Владычица снова опустила ее на землю и отняла у нее и третье дитя.

Когда на следующее утро разнеслась весть об исчезновении новорожденной королевны, народ громко завопил: «Королева – людоедка! Ее следует казнить!» И король уже не мог более противиться своим советникам.

Нарядили над королевою суд, а так как она не могла ни слова в защиту свою вымолвить, то присудили ее к сожжению на костре.

Навалили дров и, когда вокруг королевы, крепко привязанной к столбу, со всех сторон стало подыматься пламя, растаял твердый лед ее гордыни, и раскаянье наполнило ее сердце.

Она подумала: «О, если б я могла хоть перед смертью покаяться в том, что отворяла дверь!» Тогда вернулся к ней голос, и она громко воскликнула: «Да, Пресвятая Мария, я совершила это!»

И в тот же миг полился дождь с небес и потушил пламя; ослепительный свет осиял осужденную, и Дева Мария сошла на землю с ее новорожденною дочерью на руках и обоими сыночками по сторонам.

И сказала ей Владычица ласково: «Кто сознается и раскаивается в своем грехе, тому грех прощается!»

Отдала ей Приснодева всех троих детей, возвратила дар слова и осчастливила ее на всю жизнь.

Сказка о том, кто ходил страху учиться

Один отец жил с двумя сыновьями. Старший был умен, сметлив, и всякое дело у него спорилось в руках, а младший был глуп, непонятлив и ничему научиться не мог.

Люди говорили, глядя на него: «С этим отец еще не оберется хлопот!»

Когда нужно было сделать что-нибудь, все должен был один старший работать; но зато он был робок, и когда его отец за чем-нибудь посылал поздней порой, особенно ночью, и если к тому же дорога проходила мимо кладбища или иного страшного места, он отвечал: «Ах, нет, батюшка, не пойду я туда! Уж очень боязно мне».

Порой, когда вечером у камелька шли рассказы, от которых мороз по коже продирали, слушатели восклицали: «Ах, страсти какие!» А младший слушал, сидя в своем углу, и никак понять не мог, что это значило: «Вот затвердили-то: страшно да страшно! А мне вот ни капельки не страшно! И вовсе я не умею бояться. Должно быть, это также одна из тех премудростей, в которых я ничего не смыслю».

Однажды сказал ему отец: «Послушай-ка, ты, там, в углу! Ты растешь и силы набираешься: надо ж и тебе научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы добывать себе хлеб насущный. Видишь, как трудится твой брат; а тебя, право, даром хлебом кормить приходится». – «Эх, батюшка! – отвечал тот. – Очень бы хотел я научиться чему-нибудь. Да уж коли на то пошло, очень хотелось бы мне научиться страху: я ведь совсем не умею бояться».

Старший брат расхохотался, услышав такие речи, и подумал про себя: «Господи милостивый! Ну и дурень же брат у меня! Ничего путного из него не выйдет. Кто хочет крюком быть, тот заранее спину гни!»

Отец вздохнул и отвечал: «Страху-то ты еще непременно научишься, да хлеба-то себе этим не заработаешь».

Вскоре после того зашел к ним в гости дьячок, и стал ему старик жаловаться на свое горе: не приспособился-де сын его ни к какому делу, ничего не знает и ничему не учится. «Ну, подумайте только: когда я спросил его, чем он станет хлеб себе зарабатывать, он ответил, что очень хотел бы научиться страху!» – «Коли за этим только дело стало, – отвечал дьячок, – так я берусь обучить его. Пришлите-ка его ко мне. Я его живо обработаю».

Отец был этим доволен в надежде, что малого хоть сколько-нибудь обломают.

Итак, дьячок взял к себе парня домой и поручил ему звонить в колокол.

Дня через два разбудил он его в полночь, велел ему встать, взойти на колокольню и звонить; а сам думает: «Ну, научишься же ты нынче страху!»

Пробрался тихонько вперед, и когда парень, поднявшись наверх, обернулся, чтобы взяться за веревку от колокола, перед ним на лестнице против слухового окна очутился кто-то в белом.

Он крикнул: «Кто там? – Но тот не отвечал и не шевелился. – Эй, отвечай-ка! – закричал снова паренек. – Или убирайся подобру-поздорову! Нечего тебе здесь ночью делать».

Но дьячок стоял неподвижно, чтобы парень принял его за привидение.

Опять обратился к нему парень: «Чего тебе нужно здесь? Отвечай, если ты честный малый; а не то я тебя сброшу с лестницы!»

Дьячок подумал: «Ну, это ты, братец мой, только так говоришь», – и не проронил ни звука, стоял, словно каменный.

И в четвертый раз крикнул ему парень, но опять не добился ответа. Тогда он бросился на привидение и столкнул его с лестницы так, что, пересчитав десяток ступеней, оно растянулось в углу.

А парень отзвонил себе, пришел домой, лег, не говоря ни слова, в постель и заснул.

Долго ждала дьячиха своего мужа, но тот все не приходил. Наконец ей страшно стало, она разбудила парня и спросила: «Не знаешь ли, где мой муж? Он ведь только что перед тобой взошел на колокольню». – «Нет, – отвечал тот, – а вот на лестнице против слухового окна стоял кто-то, и так как он не хотел ни отвечать мне, ни убираться, я принял его за мошенника и спустил его с лестницы. Подите-ка взгляните, не он ли это был. Мне было бы жалко, если бы что плохое с ним стряслось». Бросилась туда дьячиха и увидала мужа: сломал ногу, лежит в углу и стонет.

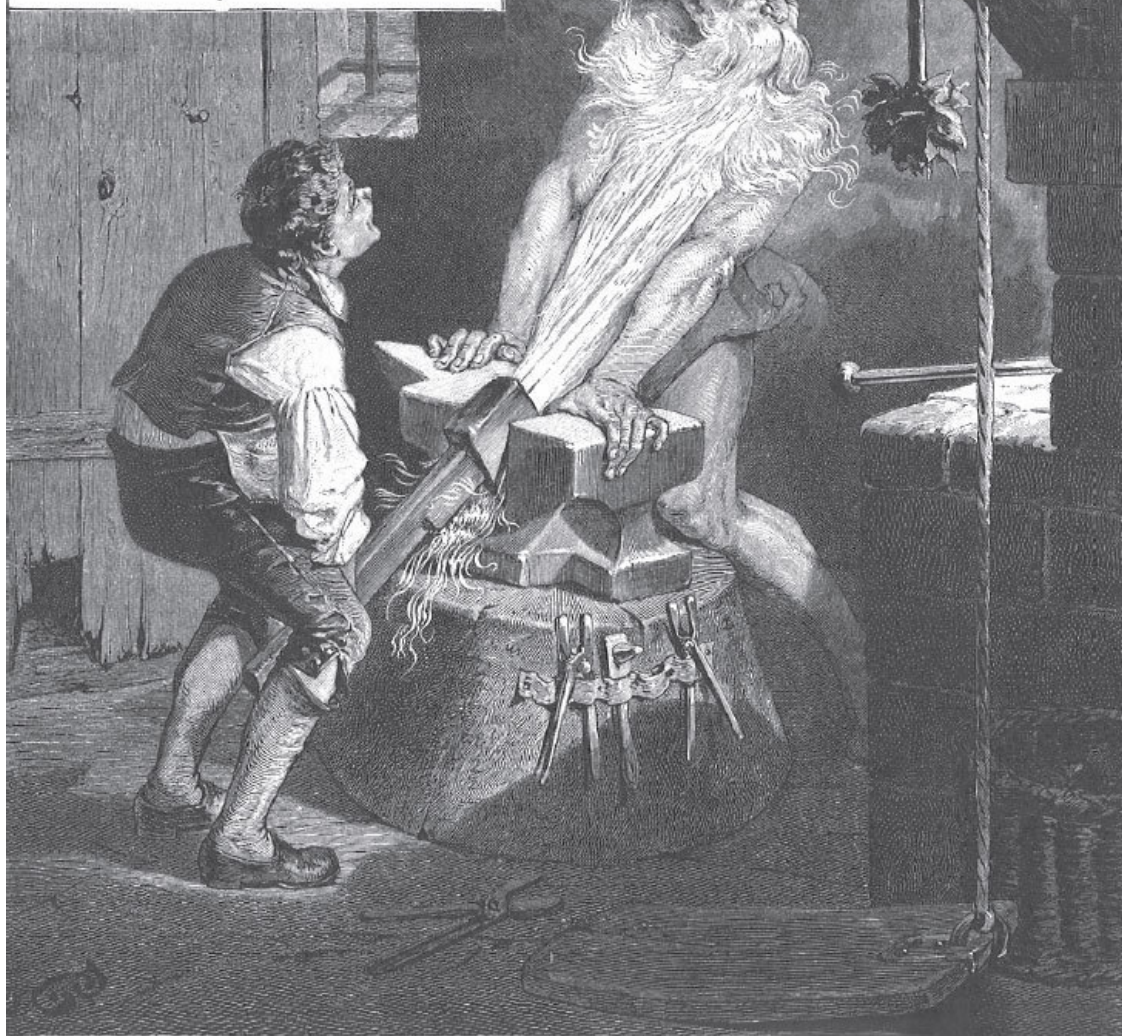
Она перенесла его домой и поспешила с громкими криками к отцу парня: «Ваш сын натворил беду великую: моего мужа сбросил с лестницы, так что сердечный ногу сломал. Возьмите вы негодя из нашего дома!»

Испугался отец, прибежал к сыну и выбралил его: «Что за проказы богомерзкие! Али тебя лукавый попутал?» – «Ах, батюшка, только выслушайте меня! – отвечал тот. – Я совсем не виноват. Он стоял там, в темноте, словно зло какое умышлял. Я не знал, кто это, и четырежды уговаривал его ответить мне или уйти». – «Ах, – возразил отец, – от тебя мне одни напасти! Убирайся ты с глаз моих, видеть я тебя не хочу!» – «Воля ваша, батюшка, ладно! Подождите только до рассвета: я уйду себе, стану обучаться страху; авось, узнаю хоть одну науку, которая меня прокормит». – «Учись чему хочешь, мне все равно, – сказал отец. – Вот тебе пятьдесят талеров, ступай с ними на все четыре стороны и никому не смей сказывать, откуда ты родом и кто твой отец, чтобы меня не срамить». – «Извольте, батюшка, если ничего больше от меня не требуется, все будет по-вашему. Это я легко могу соблюсти».

На рассвете положил парень пятьдесят талеров в карман и вышел на большую дорогу, бормоча про себя: «Хоть бы на меня страх напал! Хоть бы на меня страх напал!»

Подошел к нему какой-то человек, услышавший эти речи, и стали они вместе продолжать путь.

*«...Старик стал подле него,
любопытствуя посмотреть,
и белая борода его свесилась
над наковальней.
Тогда парень схватил
топор, расколол одним
ударом наковальню
и защемил в нее бороду
старика...»*

«Сказка о том, кто ходил страху учиться». Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Вскоре завидели они виселицу, и сказал ему спутник: «Видишь, вон там стоит дерево, на котором семеро с веревочной петлей спознались, а теперь летать учатся. Садись под тем деревом и жди ночи – не оберешься страху!» – «Ну, коли только в этом дело, – отвечал парень, – так оно не трудно. Если я так скоро научусь страху, то тебе достанутся мои пятьдесят талеров: приходи только завтра рано утром сюда ко мне».

Затем подошел к виселице, сел под нею и дождался там вечера. Ему стало холодно, и он развел костер, но к полуночи так посвежел ветер, что парень и при огне никак не мог согреться.

Ветер раскачивал трупы повешенных, они стукались друг о друга. И подумал парень: «Мне холодно даже здесь, у огня, – каково же им мерзнуть и мотаться там наверху?»

И, так как сердце у него было сострадающее, он приставил лестницу, влез наверх, отвязал висельников одного за другим и спустил всех семерых наземь. Затем он раздул хорошенько огонь и рассажал их всех кругом, чтобы они могли согреться.

Но они сидели неподвижно, так что пламя стало охватывать их одежды. Он сказал им: «Эй, вы, берегитесь! А не то я вас опять повешу!» Но мертвецы ничего не слышали, молчали и не мешали гореть своим лохмотьям.

Тут он рассердился: «Ну, если вы остерегаться не хотите, то я вам не помощник, а мне вовсе не хочется сгореть вместе с вами». И он снова повесил их на прежнее место. Потом он подсел к своему костру и заснул.

Путру пришел к нему встреченный человек за деньгами и спросил: «Ну что, небось, знаешь теперь, каков страх бывает?» – «Нет, – отвечал тот, – откуда же было мне узнать это? Эти ребята, что там наверху болтаются, даже рта не открывали и так глупы, что позволили гореть на теле своим лохмотьям».

Тут увидел прохожий, что пятьдесят талеров ему на этот раз не придется получить, и сказал, уходя: «Таких я еще не видел!»

Парень тоже пошел своей дорогой, бормоча по-прежнему: «Ах, если б меня страх пробрал!»

Услыхал это извозчик, ехавший позади него, и спросил: «Кто ты таков?» – «Не знаю», – отвечал малый. А извозчик продолжал: «Откуда ты?» – «Не знаю». – «Да кто твой отец?» – «Не смею сказать». – «Что такое бормочешь ты себе под нос?» – «Я, видишь ли, хотел бы, чтобы меня страх пробрал, да никто меня не может страху научить», – отвечал парень. «Не мели вздора! – сказал извозчик. – Ну-ка, отправимся со мною: я тебя как раз к месту пристрою».

Парень отправился с ним, и к вечеру прибыли они в гостиницу, где собирались заночевать.

Входя в комнату, парень снова произнес вслух: «Кабы меня только страх пробрал! Эх, кабы меня только страх пробрал!»

Услыхав это, хозяин засмеялся и сказал: «Если уж такова твоя охота, то здесь найдется к тому подходящий случай». – «Ах, замолчи! – прервала его хозяйка. – Сколько безумных смельчаков поплатились уже за это жизнью! Было бы очень жаль, если бы и этот добрый юноша перестал глядеть на белый свет».

Но парень сказал: «Как бы ни было оно тягостно, все же я хочу научиться страху: ведь я для этого и пустился в путь-дорогу».

Не давал он покоя хозяину, пока тот не рассказал ему, что невдалеке находится заколдованный замок, где немудрено страху научиться, если только там провести ночи три. И король-де обещал дочь свою в жены тому, кто на это отважится, а уж королева-то краше всех на свете. В замке же охраняются злыми духами несметные сокровища. Если кто-нибудь в том замке проведет три ночи, то эти сокровища ему достанутся, и любой бедняк ими обогатится. Много молодых людей ходили туда счастья попытать, да ни один не вернулся.

На другое утро явился парень к королю и говорит ему: «Кабы мне дозволено было, я провел бы три ночи в заколдованном замке». Король взглянул на парня, и тот ему так приглянулся, что он сказал: «Ты можешь при этом избрать себе три предмета, но непременно неодушевленных, и захватить их с собою в замок».

Парень отвечал: «Ну, так я попрошу себе огня, столярный станок и токарный станок вместе с резцом». Король велел еще засветло снести ему все это в замок. К ночи пошел туда

парень, развел яркий огонь в одной из комнат, поставил рядом с собою столярный станок с резцом, а сам сел за токарный.

«Эх, кабы меня только страх пробрал! – сказал он. – Да видно, я и здесь не научусь ему».

Около полуночи вздумал он еще пуще разжечь свой костер и стал раздувать пламя, как вдруг из одного угла послышалось: «Мяу, мяу! Как нам холодно!» – «Чего орете, дурачье?! – закричал он. – Если вам холодно, идите, садитесь к огню и грейтесь».

Едва успел он это произнести, как две большие черные кошки быстрым прыжком подскочили к нему, сели по обеим его сторонам и уставились дико на него своими огненными глазами.

Немного погодя, отогревшись, они сказали: «Приятель! Не сыграем ли мы в карты?» – «Отчего же? – отвечал он. – Я не прочь; но сперва покажите-ка мне ваши лапы. – Они вытянули свои когти. – Э! – сказал парень. – Коготки у вас больно длинные! Погодите, я должен вам их сперва обстричь».

С этими словами схватил он кошек за загривок, поднял их на столярный станок и крепко стиснул в нем их лапы. «Увидал я ваши пальцы, – сказал он, – и прошла у меня всякая охота в карты играть». Он убил их и выбросил из окна в пруд.

Но когда он, покончив с этой парой, хотел опять подсесть к своему огню, отовсюду, из каждого угла, повыскочили черные кошки и черные собаки на раскаленных цепях – и все прибывало да прибывало их, так что ему уж некуда было от них деваться.

Они страшно ревели, наступали на огонь, разбрасывали дрова и собирались совсем разметать костер.

Поглядел он с минуту спокойно на их возню, а когда ему невтерпех стало, он взял свой резец и закричал: «Брысь, нечисть окаянная!» – и бросился на них.

Одни разбежались; других он перебил и побросал в пруд. Вернувшись, он снова раздул огонь и стал греться. Сидел он, сидел – и глаза стали слипаться, стало его клонить ко сну. Оглядевшись кругом и увидав в углу большую кровать, он сказал: «А, вот это как раз кстати!» – и лег.

Но не успел он и глаз сомкнуть, как вдруг кровать сама собой стала двигаться и покатила по всему замку.

«Вот это ладно! – сказал он. – Да нельзя ли поживей? Трогай!» Тут понеслась кровать, точно в нее шестерик впрягли, во всю прыть, через пороги, по ступенькам вверх и вниз...

Но вдруг – гоп, гоп! – кровать опрокинулась вверх ножками и на парня словно гора налегла.

Но он пошвырял с себя одеяла и подушки, вылез из-под кровати и сказал: «Ну, будет с меня! Пусть катается, кто хочет!» Затем он улегся у огня и проспал до бела дня.

Потру пришел король и, увидав его распростертым на земле, подумал, что привидения убили его и он лежит мертвый. «Жаль доброго юношу!» – сказал король.

Услыхал это парень, вскочил и ответил: «Ну, до беды еще не дошло!»

Удивился король, обрадовался и спросил, каково ему было. «Превосходно, – отвечал тот, – вот уже минула одна ночь, а там и две другие пройдут».

Пошел парень к хозяину гостиницы, а тот и глаза таращит: «Не думал я увидеть тебя в живых. Ну что, научился ли ты страху?» – «Какое там! – отвечал парень. – Все напрасно! Хоть бы кто-нибудь надоумил меня».

На вторую ночь пошел он спать в древний замок, сел у огня и затянул свою старую песенку: «Хоть бы страх меня пробрал!» Около полуночи поднялся там шум и гам, сперва потише, а потом все громче и громче; затем опять все смолкло на минуту, и наконец из трубы к ногам парня вывалилось с громким криком полчеловека. «Эй! – закричал юноша. – Надо бы еще половинку! Этой маловато будет».

Тут снова гомон поднялся, слышался топот и вой – и другая половина тоже выпала. «Погоди, – сказал парень, – вот я для тебя огонь маленько раздую!»

Сделав это и оглянувшись, он увидел, что обе половины успели срастись – и на его месте сидел уже страшный-престрашный человек. «Это, брат, непорядок! – сказал парень. – Скамейка-то моя!»

Страшный человек хотел его оттолкнуть, но парень не поддался, сильно двинул его, толкнул со скамьи и сел опять на свое место.

Тогда сверху нападало один за другим еще множество людей. Они достали девять мертвых ног и две мертвые головы, расставили эти ноги и стали играть, как в кегли.

Парню тоже захотелось поиграть. «Эй, вы, послушайте! – попросил он их. – Можно ли мне присоединиться к вам?» – «Можно, коли деньги у тебя есть». – «Денег-то хватает, да шары ваши не больно круглы».

Взял он мертвые головы, положил их на токарный станок и обточил их кругом. «Вот так, – сказал он, – теперь они лучше кататься будут. Валяйте! Теперь пойдет потеха!»

Поиграл парень с незванными гостями и проиграл немного; но как только пробил полночь, все исчезло. Он улегся и спокойно заснул.

Наутро пришел король осведомиться: «Ну, что с тобой творилось на этот раз?» – «Проиграл в кегли, два талера проиграл!» – «Да разве тебе не было страшно?!» – «Ну, вот еще! – отвечал парень. – Позабавился, и только. Хоть бы мне узнать, что такое страх!»

На третью ночь сел он опять на свою скамью и сказал с досадой: «Ах, если бы только пробрал меня страх!»

Немного погодя явились шестеро рослых ребят с гробом в руках. «Эге-ге, – сказал парень, – да это, наверное, братец мой двоюродный, умерший два года назад! – Он поманил пальцем и крикнул: – Ну, поди, поди сюда, братец!»

Гроб был поставлен на пол, парень подошел и снял крышку: в гробу лежал мертвец. Дотронулся парень до его лица: оно было холодное, как лед. «Погоди, – сказал он, – я тебя маленько согрею!»

Подошел к огню, погрел руку и приложил ее к лицу мертвеца, но тот был холоден по-прежнему.

Тогда он вынул его из гроба, сел к огню, положил покойника себе на колени и стал тереть ему руки, чтобы восстановить кровообращение.

Когда и это не помогло, пришло ему в голову, что согреться можно хорошо, если вдвоем лечь в постель; перенес он мертвеца на свою кровать, накрыл его и лег рядом с ним.

Немного спустя покойник согрелся и зашевелился. «Вот видишь, братец, – сказал парень, – я и отогрел тебя».

Но мертвец вдруг поднялся и завопил: «А! Теперь я задушу тебя!» – «Что? Задушишь?! Так вот какова твоя благодарность?! Полезай же опять в свой гроб!»

И парень поднял мертвеца, бросил его в гроб и закрыл его крышкой; тогда вошли те же шестеро носильщиков и унесли гроб.

«Не пробирает меня страх, да и все тут! – сказал парень. – Здесь я страху вовеки не научусь!»

Тут вошел человек еще громаднее всех прочих и на вид совершенное страшилище: это был старик с длинной белой бородой.

«Ах ты, тварь этакая! – закричал он. – Теперь-то ты скоро узнаешь, что такое страх: готовься к смерти!» – «Ну, не очень спеши! – отвечал парень. – Коли мне умирать приходится, так без меня дело не обойдется». – «Тебя-то уж я прихвачу с собою!» – сказала чудовище. «Потише, потише! Очень уж ты расхотелся! Я ведь тоже не слабее тебя, а то еще и сильнее буду!» – «Это мы еще посмотрим! – сказал старик. – Если ты окажешься сильнее меня, так я тебя отпущу; пойдем-ка, попытаем силу!»

И повел он парня темными переходами в кузницу, взял топор и вбил одним ударом наковальню в землю.

«Эка невидаль! Я могу и получше этого сделать!» – сказал парень и подошел к другой наковальне.

Старик стал подле него, любопытствуя посмотреть, и белая борода его свесилась над наковальней. Тогда парень схватил топор, расколол одним ударом наковальню и защемил в нее бороду старика. «Ну, теперь ты, брат, попался! – сказал он. – Теперь тебе помирать придется!»

Взял он железный прут и стал им потчевать старика, пока тот не заверещал и не взмолился о пощаде, обещая дать ему за это превеликие богатства.

Парень вытащил топор из щели и освободил старика. Повел его старик обратно в замок, показал ему в одном из погребов три сундука, наполненных золотом, и сказал: «Одна треть принадлежит бедным, другая – королю, третья – тебе».

В это время пробило полночь, и парень остался один в темноте. «Как-нибудь да выберусь отсюда», – сказал он, на ощупь отыскал дорогу в свою комнату и заснул там у огня.

Наутро пришел король и спросил: «Что же теперь-то, небось, научился ты страху?» – «Нет, – отвечал тот, – и ведать не ведаю, что такое страх. Побывал тут мой покойный двоюродный брат, да бородач какой-то приходил и показал мне там внизу кучу денег, а страху меня никто не научил».

И сказал тогда король: «Спасибо тебе! Избавил ты замок от нечистой силы. Бери же себе мою дочь в жены!» – «Все это очень хорошо, – отвечал тот, – а все-таки до сих пор я не знаю, что значит дрожать от страха!»

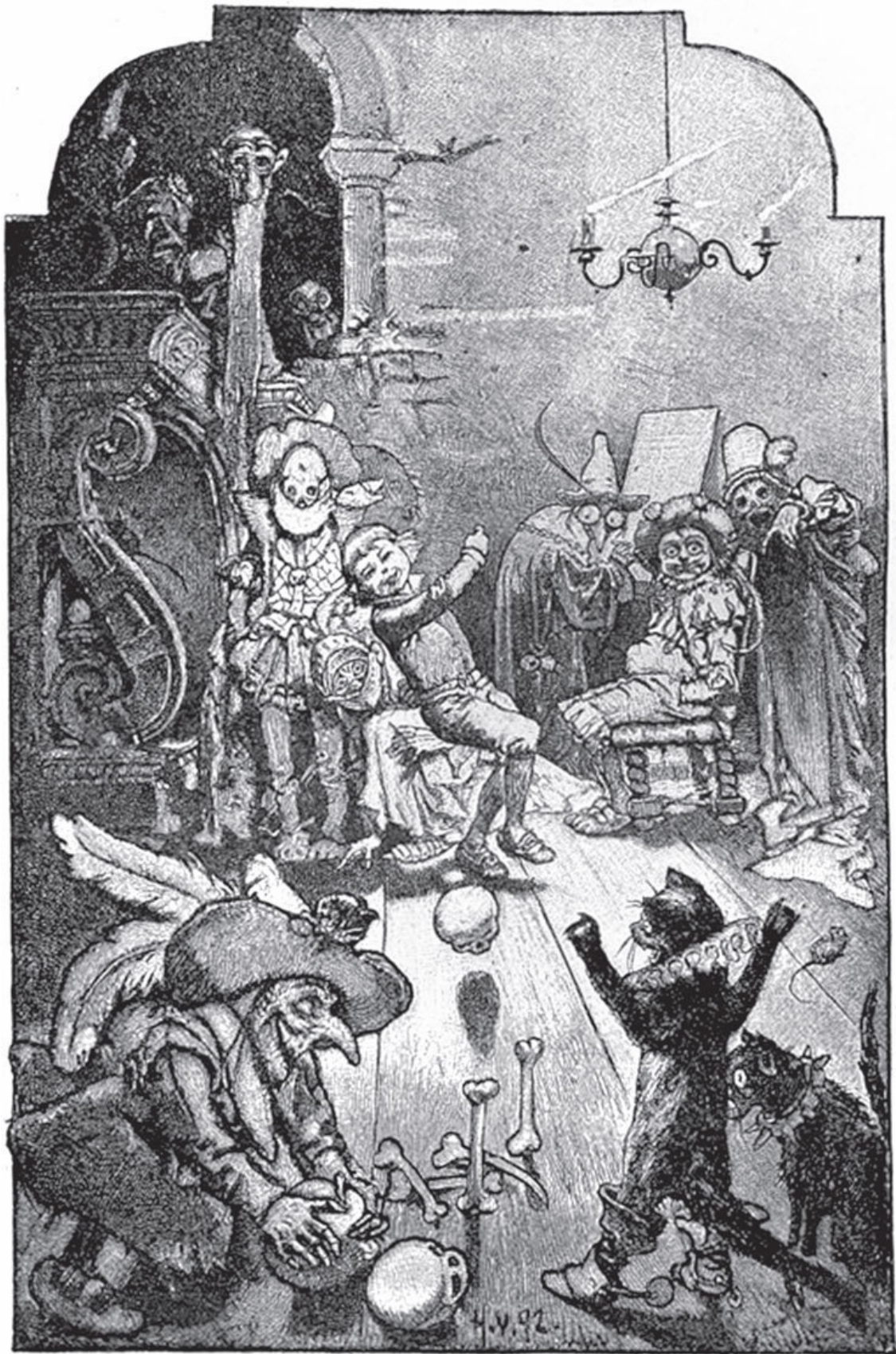
Золото достали из подземелья, отпраздновали свадьбу, но супруг королевны, как не любил свою супругу и как не был всем доволен, все повторял: «Ах, если бы только пробрал меня страх! Кабы страх меня пробрал!»

Это наконец раздосадовало молодую. Горничная же ее сказала королевне: «Я пособлю горю! Небось, научится и он дрожать от страха».

Она пошла к ручью, протекавшему через сад, и набрала полное ведро пескарей.

Ночью, когда молодой король почивал, супруга сдернула с него одеяло и вылила на него целое ведро холодной воды с пескарями, которые так и запрыгали вокруг него.

Проснулся тут молодой и закричал: «Ой, страшно мне, страшно мне, женушка милая! Да! Теперь я знаю, что значит дрожать от страха!»

«Сказка о том, кто ходил страху учиться. Вторая ночь в замке». Художник – Герман Фогель. 1894 г.

«...Тогда сверху нападало один за другим еще множество людей. Они достали девять мертвых ног и две мертвые головы, расставили эти ноги и стали играть, как в кегли...»

Волк и семеро маленьких козлят

Жила-была старая коза, и было у нее семь козляток, и она их любила, как всякая мать своих деток любит.

Однажды пришлось ей в лес собираться за кормом, и вот она созвала всех своих козляток и сказала: «Милые детки, надо мне в лесу побывать, так вы без меня берегитесь волка! Ведь он, если сюда попадет, съест вас всех и со шкуркой, и с шерстью. Этот злодей часто прикидывается, будто он и не волк, но вы его сейчас узнаете по грубому голосу и по его черным лапам».

Козлятки отвечали: «Милая матушка, уж мы поостережемся, и вы можете идти, о нас не тревожась».

Тогда старая коза заблеяла и преспокойно тронулась в путь. Немного прошло времени после ее ухода, как уж кто-то постучался в дверь их домика и крикнул: «Отомкнитесь, милые детушки, ваша мать пришла и каждому из вас по гостинцу принесла».

Но козляточки по грубому голосу поняли, что это пришел к ним волк, и крикнули ему: «Не отомкнемся мы, ты не наша мать! У той голосок тонкий, ласковый, а у тебя голос грубый! Ты – волк!»

Тогда волк сбегал к лавочнику, купил у него большой кусок мела, съел его – и голос стал у него тоненький.

Вернулся опять к той же двери, постучал в нее и крикнул: «Отомкнитесь, милые детки, ваша мать пришла, всем вам по гостинцу принесла».

Но он оперся своими черными лапами о подоконник, дети это увидели и закричали: «Не отомкнемся, у нашей матери не черные лапы, как у тебя! Ты – волк!»

Тогда волк побежал к пекарю и сказал: «Я себе повредил ногу, вымажь мне ее тестом». И когда пекарь исполнил его желание, волк побежал к мельнику и сказал: «Осыпь мне лапы белой мукой».

Мельник подумал: «Верно, волк затеял какую-то плутню», – и стал было отговариваться, но волк сказал: «Если ты этого не сделаешь, то я тебя съем».

Тогда мельник струхнул и выбелил ему лапу мукицей. Таковы-то бывают люди!

Вот и пошел злодей в третий раз к той же двери, постучался и сказал: «Отомкнитесь, детушки, ваша милая матушка воротилась и каждому из вас принесла по гостинчику из леса».

Козляточки закричали: «Сначала покажи нам, какая у тебя лапа, чтобы мы могли знать, точно ли ты наша милая матушка!»

Тогда показал он им лапу в окошко, и когда они увидели, что она белая, то поверили его речам и отомкнули дверь. А вошел-то – волк!

Козляточки перепугались – прятаться пометались. Один прыгнул под стол, другой забился в постель, третий залез в печку, четвертый убежал на кухню, пятый спрятался в шкаф, шестой – под корыто, седьмой – в футляр для часовых гирь. Однако же волк всех их разыскал и очень с ними не чинился: одного за другим заглотнул он своею пастью и только младшего никак не мог найти в часовом футляре.

Накушавшись досыта, он преспокойно убрался из дома, растянулся на большом лугу под деревом и начал засыпать.

Вскоре после того вернулась старая коза из лесу домой. Ах, что она там увидела! Домовая дверь открыта настежь: стулья, скамейки опрокинуты, корыто в щепы разбито, одеяло и подушки из постели повыбросаны.

Стала она искать своих деток, но нигде их найти не могла. Стала она их перекликать по именам, но никто не откликнулся.

Наконец, когда она дошла до младшего, тоненький голосок прокричал ей: «Милая матушка, я забился в часовой футляре».

Она тотчас добыла оттуда свое дитя и услышала рассказ о том, как приходил волк и сожрал всех остальных козляток. Можете себе представить, как она оплакивала своих бедных детушек!

Наконец старая коза в великой печали своей пошла из дому, и младший козленочек побежал за ней следом. Чуть только они вышли на луг, коза увидела, что волк лежит врасстыжку у дерева и так храпит, что над ним ветви от его храпа колышутся.

Коза обошла и осмотрела его со всех сторон, и увидела, что в его раздутом брюхе что-то шевелится. «Ах, Господи, – подумала она, – уж не мои ли это бедные детки? Он ими поужинал, а они, видно, живехоньки».

Тогда она отправила козленочка домой за ножницами, иголкой и ниткой.

Затем она взрезала чудовищу утробу и чуть только взрезала – один козленочек уж высунул оттуда головенку; а как стала резать дальше, то все шестеро козлят выпрыгнули один за другим из волчьей утробы, и все были живехоньки и целехоньки, потому что чудовище в своей алчности глотало их целиком.

То-то была радость! И стали они ласкаться к своей матушке и приплясывать около нее, словно портной на свадьбе.

А старая коза сказала: «Теперь ступайте, соберите мне побольше булыжников, мы их навалим этому проклятому зверине в утробу, пока он спит».

Семеро козляточек поспешно натаскали булыжников и набили их в утробу волка, сколько влезло. А старая коза еще того скорее зашила ему разрез, так что он ничего не приметил и даже не пошевелился.

Когда же наконец волк выпался, он поднялся на ноги, и так как каменный груз возбуждал у него в желудке сильную жажду, то вздумал он пробраться к ключу и напиться. Но чуть только переступил он несколько шагов, камни стали у него в брюхе постукивать друг о друга и позвякивать один о другой. Тогда он воскликнул:

Что там рокошет, что там грохочет, Что оттянуло утробу мне? Думал я, это шесть козлят, Слышу теперь – там камни гремят!

И когда он пришел к ключу и наклонился к воде, собираясь пить, тяжелые камни его перетянули, он упал в воду и погиб злою смертью.

А семеро козляточек, увидав это, прибежали к матери с криком: «Волк издох! Волк утонул!»

И вместе с матерью радостно заплясали около ключа.

Верный Иоганн

Жил-был однажды старый король, и заболел он, и пришло ему в голову: «Видно, лежу я на смертном одре и не подняться уж мне с него». Тогда сказал он: «Позовите ко мне моего неизменно верного Иоганна!»

Этот Иоганн был его любимым слугой и так назывался потому, что всю жизнь служил королю верой и правдой.

Когда же тот явился к постели больного, король сказал ему: «Вернейший Иоганн, я чувствую, что мой конец приближается, и нет у меня никакой иной заботы, кроме заботы о сыне: он еще совсем юноша и не всегда сумеет жить по разуму, и если ты мне не пообещаешь наставить его всему, что он должен знать, да не захочешь быть ему опекуном, то мне не придется закрыть глаза спокойно».

Тогда отвечает верный Иоганн: «Я его не покину и буду служить ему верой и правдой; хотя бы пришлось за то поплатиться жизнью».

На это король сказал: «Ну, значит, я могу умереть спокойно и с миром. – И затем продолжал: – После моей смерти ты должен показать ему весь замок – все покои, залы и подвалы и все сокровища, какие в них хранятся; но самого крайнего покоя в длинном коридоре ты ему не показывай – того, в котором сокрыто изображение королевны с золотой крыши. Как только он увидит это изображение, он воспламенится к королевне страстной любовью; пожалуй, еще в обморок упадет да из-за нее во всякие опасности полезет. От всего этого ты обязан его оберечь».

Верный Иоганн еще раз поклялся старому королю, что исполнит его завет, и тот стал мало-помалу затихать, склонился головой на подушку и скончался.

Когда старого короля схоронили, верный Иоганн рассказал молодому королю о том, в чем он поклялся его отцу на смертном одре, и добавил: «Все обещанное ему я выполню добросовестно и буду тебе так же верно служить, как служил ему, хотя бы это стоило мне жизни».

Когда же обычное время траура миновало, верный Иоганн сказал королю: «Ну, теперь пора тебе осмотреть все, что ты унаследовал; я покажу тебе весь замок твоего отца».

И он повел его всюду, вверх и вниз, и показал ему все богатства и все дивные покои замка; не показал только одного покоя, в котором было сокрыто изображение королевны с золотой крыши.

А это изображение было так поставлено, что если отворить дверь, оно прямо бросалось в глаза; притом оно было так превосходно сделано, что его можно было принять за живое существо, и надо было сознаться, что во всем свете ничего не было ни милее, ни прекраснее этого женского образа.

Юный король не мог, конечно, не заметить, что верный Иоганн все проходит мимо одной двери, и спросил: «Отчего же ты мне эту не отпираешь?» – «За этой дверью, – отвечал Иоганн, – есть нечто такое, чего ты можешь испугаться».

Но король сказал ему: «Я весь замок видел, а потому желаю знать, что там за дверью!» Он подошел к двери и хотел ее отворить силою.

Тогда верный Иоганн стал его удерживать и сказал: «Я отцу твоему перед его кончиною обещал, что ты не увидишь скрытое в этом покое; я знаю, что и тебя, и меня это могло бы повести к великим бедствиям». – «О, нет! – отвечал юный король. – Если я не проникну в этот покой, то я, наверно, погибну: я и день, и ночь буду жить в вечной тревоге, пока своими глазами не увижу того, что там скрыто. С места не сойду, так и знай, пока ты мне не отомкнешь этой двери!»

Тогда верный Иоганн увидел, что решение короля непреклонно, и с великою скорбью и тяжкими вздохами выискал в толстой связке заветный ключ. Отомкнув дверь, он поспешил

войти первый и думал прикрыть изображение, чтобы оно не бросилось в глаза юному королю, но все было напрасно! Король приподнялся на цыпочки и глянул ему через плечо. И как только увидел он изображение красавицы-королевны, которое было прекрасно и притом все блистало золотом и драгоценными камнями, так и грянулся в обморок.

Верный Иоганн поднял его, снес на постель и стал тревожиться: «Вот стряслась беда! Господи Боже, что из этого выйдет?!» И стал помаленьку отпаивать короля вином, пока тот совсем не пришел в себя.

Первым словом короля было: «Ах! Кто же эта красавица?» – «Это королева с золотой крыши», – отвечал верный Иоганн. «Моя любовь к ней так велика, – сказал юный король, – что если бы у каждого листка на дереве был свой язык, то и все они вместе не могли бы выразить моей любви; жизнь свою я посвящу тому, чтобы добиться ее руки. Ты мой вернейший слуга, и ты мне должен в этом деле помочь».

Верный слуга долго обдумывал, как бы ему приступить к этому делу, потому что мудрено было добиться даже возможности повидать королевну.

Наконец он все-таки придумал способ действий и сказал королю: «Эта королева живет в золотом доме: столы, стулья, блюда, чаши, кубки и вся домашняя утварь у ней золотые. У тебя в сокровищнице есть пять бочек золота; так прикажи твоим золотых дел мастерам одну из этих бочек золота перековать во всякую посуду и утварь, изготовить из этого золота всяких птиц, лесных и разных диких зверей. Ей это понравится, и мы с тобою все это захватим с собою и пойдем к ней попытать счастья».

Король тотчас приказал созвать всех мастеров со своего королевства, заставил их работать день и ночь, пока наконец они не переработали все золото во множество прекрасных вещей. Когда все это было погружено на корабль, верный Иоганн надел купеческое платье, и юный король тоже должен был следовать его примеру, чтобы их никто не мог узнать. Затем они поплыли по морю и плыли по нему, пока не доплыли до города, в котором жила королева с золотой крыши.

Верный Иоганн попросил короля остаться на корабле и ждать его возвращения. «Легко может быть, – сказал он, – что я королевну приведу с собою на корабль, а потому позаботьтесь, чтобы все привести в порядок, всю золотую утварь расставьте и весь корабль приукрасьте». Затем он набрал в свой фартучек различных золотых предметов, сошел с корабля на сушу и направился к королевскому замку.

Когда он вступил во двор замка, то увидел, что у колодца сидит красивая девушка с двумя золотыми ведрами в руках и черпает этими ведрами воду. Она уже хотела отойти от колодца, наполнив ведра ярко блиставшей на солнце водою, но обернулась, увидела чужака и спросила, кто он таков. Он ответил: «Я купец», – и, приоткрыв свой фартучек, дал ей одним глазком глянуть на свой товар. Тогда она воскликнула: «Ах, какие славные золотые вещи!» – и ведра поставила на землю, и стала весь товар перебирать, штука за штукой.

Тут она сказала: «Это все нужно показать королевне, которая так любит всякие золотые вещи! Она у вас все сейчас купит». И она взяла его за руку и повела вверх по лестнице замка, потому что она была прислужницей королевны.

Когда сама королева взглянула на товар, то она осталась им очень довольна и сказала: «Это все так прекрасно сработано, что я у тебя сразу все скуплю». Но верный Иоганн отвечал: «Я только слуга богатого купца, и то, что у меня здесь захвачено с собою, ничтожно в сравнении с тем, что находится у моего господина на корабле! То уж точно можно назвать и самым дорогим, и самым художественным из всего, что когда-либо было сделано из золота».

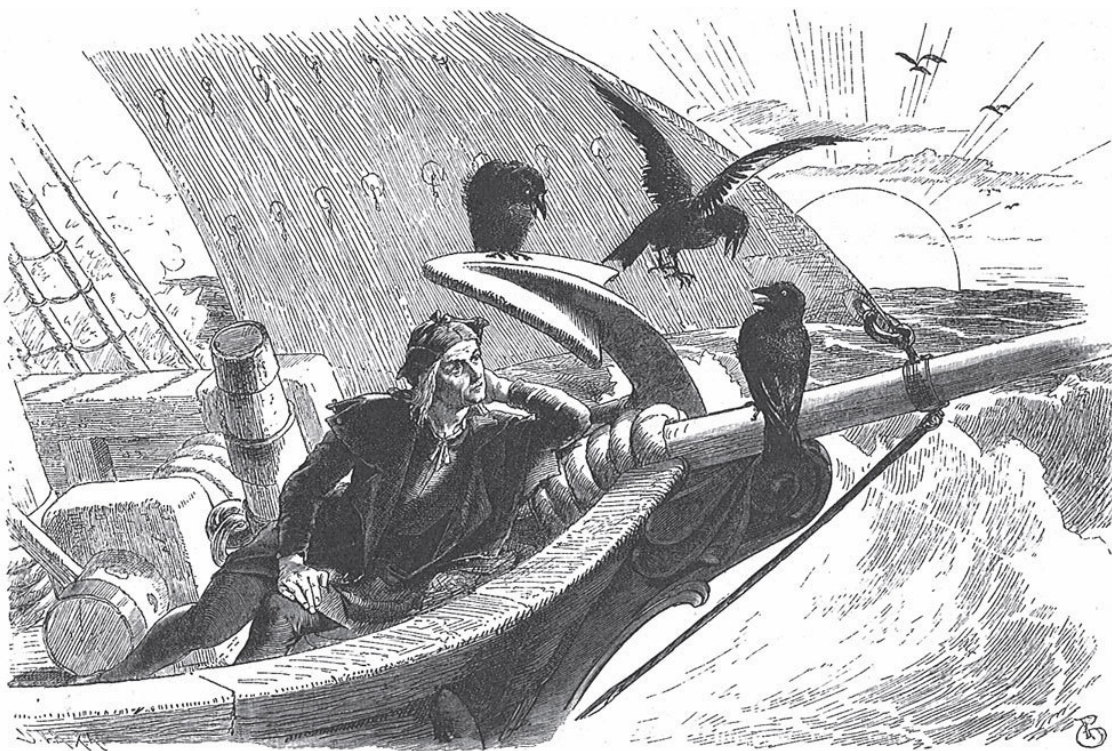
Она было захотела, чтобы ей все принесли в замок, но он отвечал: «На это много бы пришлось тратить дней, да, признаться, у вас в замке, пожалуй, не нашлось бы и места расставить столько сокровищ». Это, конечно, еще более возбудило ее любопытство и желание, так что она наконец сказала: «Веди меня на корабль, – я сама хочу видеть сокровища твоего господина».

Тогда верный Иоганн повел ее к кораблю и был рад-радешенек, а король, увидев ее, убедился в том, что ее красота была еще выше красоты ее изображения. Он просто думал, что у него сердце разорвется на части!

Вот она взошла на корабль, и король ввел ее в каюту, а верный Иоганн остался на палубе около кормчего и приказал отчалить: «Поставьте все паруса – пусть корабль мчится по волнам, как птица по воздуху». А король-то между тем показывал ей в каюте всю золотую утварь, каждую штуку отдельно – блюда, чаши и кубки, птиц золотых, лесного и всякого диковинного зверя.

Много часов прошло в этом обзоре, и в великом своем удовольствии она и не заметила, что корабль давно уже плыл по морю.

Когда королева осмотрела последнюю вещь, она поблагодарила купца и собралась домой; но, приблизившись к борту корабля, увидела себя вдали от берега: корабль на всех парусах летел в открытом море. «Ах! – воскликнула она в испуге. – Меня обманули, меня похитили, и я попала в руки купца! О, лучше уж умереть!»

«Верный Иоганн». Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Случилось, однако же, что в то время, когда они мчались в открытом море, верный Иоганн, сидевший на носу корабля и кое-что наигрывавший на скрипке, увидел у себя над головою в воздухе трех воронов, которые летели вслед за кораблем с родины королевны. Тогда он перестал играть и стал прислушиваться, о чем они между собою переговаривались (он хорошо разумел их язык)...»

Король взял ее за руку и сказал: «Я не купец, а король, и по роду своему не ниже тебя. И если я решился похитить тебя хитростью, так это лишь по чрезмерной любви к тебе. Впервые увидав твое изображение, я даже в обморок упал!» Когда королева с золотой крыши это услышала, она утешилась и ощутила в сердце склонность к нему, и охотно согласилась быть его супругою.

Случилось, однако же, что в то время, когда они мчались в открытом море, верный Иоганн, сидевший на носу корабля и кое-что наигрывавший на скрипке, увидел у себя над голо-

вою в воздухе трех воронов, которые летели вслед за кораблем с родины королевны. Тогда он перестал играть и стал прислушиваться, о чем они между собою переговаривались (он хорошо разумел их язык).

Один ворон воскликнул: «Эге, вот он и везет к себе королевну с золотой крыши». – «Да, – сказал другой, – везет-то везет, да доведет ли?» Третий вступился: «А все же она у него в руках и сидит у него в каюте». Тогда опять первый повел речь: «А что проку? Чуть они причалят к берегу, ему навстречу выбежит конь золотисто-рыжей масти, и король захочет на него сесть, и если ему это удастся, то конь взмахнет с ним вместе на воздух и никогда ему не видать больше своей суженой».

Второй ворон спросил: «А разве спасенья нет?» – «О, да! Вот если другой вместо короля успеет вскочить на коня, вытащит из кобуры пистолю и насмерть убьет рыжего коня, тогда юный король спасен. Да кто это ведать может? И если даже проведает и скажет королю, то окаменеет от пальцев ноги до колена».

Тогда заговорил второй ворон: «Я, пожалуй, и больше этого знаю. Если конь и будет убит, юный король все же не добьется руки своей невесты. Когда они вместе вступят в замок, там на блюде будет лежать богатая свадебная рубаха для жениха, на вид златотканая, а на самом-то деле – сплошная смола да сера! Как он ее на себя наденет, так она и прожжет его до мозга костей!»

Третий ворон вступился: «Неужели и спасенья нет?» – «Как не быть? – отвечал второй. – Стоит только кому-нибудь, надев рукавицы, схватить эту рубаху и швырнуть ее в огонь – и она сгорит, а юный король будет спасен! Да что в том проку? Ведь тот, кто это ведает да королю скажет, окаменеет от колен до самого сердца».

Тогда заговорил третий: «Я больше того знаю! Если даже женихова рубаха и будет сожжена, все же ему не видать своей невесты: когда после свадьбы начнется пляска и юная королева станет танцевать, она вдруг побледнеет и упадет замертво, и если кто-нибудь не догадается поднять ее и из правой ее груди высосать три капли крови и выплюнуть их, то она умрет. Ну а если кто, проведавши, выдаст эту тайну, тот весь окаменеет, от маковки до мизинчика на ноге».

Потолковав обо всем этом между собою, вороны полетели далее, а верный Иоганн отлично уразумел всю их беседу, но с той поры затих и загрустил; он понимал, что если он не откроет своему господину слышанное им, то юному королю грозят великие бедствия; а если откроет – сам должен поплатиться жизнью.

Наконец он сказал себе: «Хоть самому погибнуть, а надо постоять за своего господина!»

Как только они причалили к берегу, случилось именно то, что предсказал ворон: откуда ни возмись, явился перед королем чудный конь золотисто-рыжей масти. «Вот и отлично! – сказал король. – На этом коне и поеду я в замок». И занес было ногу в стремя, но верный Иоганн быстро вскочил в седло, выхватил пистолю из кобуры и положил коня на месте.

Тогда воскликнули все остальные слуги короля, которые, конечно, не очень были расположены к верному Иоганну: «Какой срам – убить такого красивого коня! Ведь он назначен был везти короля с берега в замок!» Однако же король сказал: «Извольте молчать и оставьте его в покое; это вернейший мой Иоганн, и кто знает, почему он так поступил?»

Вот вступили они в замок, и там в одной из зал на блюде лежала совсем готовая рубаха для жениха и с первого взгляда казалась сотканною из серебра и золота. Юный король поспешил к блюду и хотел уже взять рубаху с блюда, но верный Иоганн отстранил его, скомкал рубаху в своих рукавицах, быстро поднес к огню и дал сгореть дотла.

Остальные слуги стали опять ворчать и говорили: «Что же это такое? Вот уж он и королевскую рубаху сжег!» Но юный король и тут сказал: «Кто знает, почему именно так нужно, – оставьте его, ведь это мой вернейший Иоганн».

Вот и свадьбу стали играть: началась обычная пляска, и невеста стала также принимать в ней участие, а Иоганн все внимательно за ней следил и смотрел ей в лицо. Вдруг видит – она побледнела и замертво упала на пол. Тогда он поскорее подскочил к ней, подхватил ее на руки, снес в отдельную комнату, положил ее, стал около нее на колени и, высосав у нее из правой груди три капельки крови, выплюнул их. Она тотчас стала дышать и очнулась; но юный король все видел и, не зная, зачем так поступил верный Иоганн, прогневался на него и воскликнул: «Бросьте его в темницу!»

На другое утро суд судил верного Иоганна, и его повели на виселицу; и когда уж он стоял на верхней ступени лестницы и неминуемо должен был принять казнь, он сказал: «Каждый осужденный на смерть имеет право на слово перед казнью, могу ли я воспользоваться этим правом?» – «Да, – сказал король, – конечно, можешь!»

Тогда верный Иоганн сказал: «Я осужден несправедливо: я всегда оставался тебе верен». И затем рассказал, как он на море подслушал беседу трех воронов и как сообразно с этим он вынужден был поступать.

Тогда король воскликнул: «О, мой вернейший Иоганн, ты помилован! Помилован! Сведите его поскорее сюда!»

Но верный Иоганн при последних словах своей речи пал наземь мертвый и обратился в камень.

Король и королева много о нем горевали, и король все говорил: «Ах, как это я мог так дурно вознаградить за такую великую преданность!» И приказал окаменелое изображение Иоганна поставить в своей опочивальне рядом с кроватью. Как только, бывало, взглянет на него, так и заплачет, и скажет: «Ах, если бы я мог вновь оживить тебя, мой преданнейший слуга Иоганн!»

По прошествии некоторого времени королева родила близнецов, двух мальчиков, которые стали подрастать и радовать своих родителей. Однажды, когда королева была в церкви и близнецы сидели и играли в опочивальне отца, тот еще раз в глубокой скорби взглянул на окаменелого Иоганна и воскликнул: «Ах, если бы я мог вновь оживить тебя, мой преданнейший Иоганн!»

И вдруг камень заговорил: «Да, ты можешь оживить меня, если пожертвуешь тем, что для тебя милее всего на свете». – «О, все, что только есть у меня, – воскликнул король, – всем я для тебя готов пожертвовать!» И камень продолжал говорить: «Если ты собственной рукою отрубишь головы твоим двум сыновьям и вымажешь меня их кровью, тогда я оживу вновь».

Король сначала испугался, услышав, что он должен собственной рукою умертвить своих милых детей, но потом вспомнил о великой преданности верного Иоганна и о том, что ради его спасения тот пожертвовал своей жизнью, выхватил меч и отрубил детям головы. И когда он их кровью обмазал окаменевшего Иоганна, жизнь вернулась в камень, и верный Иоганн стал перед ним снова бодрый и здоровый.

Он сказал королю: «Твоя верность мне не может остаться без награды!» – и с этими словами взял головы детей, приставил их на прежнее место, смазал разрезы их же кровью – и те вмиг ожили, стали прыгать кругом и играть, как будто с ними ничего и не приключилось дурного.

Король очень обрадовался, и когда увидел, что королева возвращается из церкви, то спрятал и верного Иоганна, и обоих детей в большой шкаф.

Когда та вошла, он спросил ее: «Молилась ли ты в церкви?» – «Да, – отвечала она, – но я постоянно думала о верном Иоганне, который из-за нас накликал на себя беду». Тогда сказал он: «Милая жена! Мы можем возратить ему жизнь, но дорогою ценою – ценою жизни наших обоих сыночков!»

Королева побледнела и ужаснулась в сердце своем, однако же сказала: «Мы обязаны для него это сделать ради его великой преданности».

Тогда он обрадовался, что и она думает с ним заодно, подошел к шкафу, отпер его и вывел из него и детей, и верного Иоганна и сказал: «Богу хвала! И он спасен, и наши сыночки возвращены нам!» Тут только рассказал он королеве, как было дело. И с той поры они жили в великом благополучии до самой смерти.

Удачная торговля

Однажды мужик стащил свою корову на базар и продал ее там за семь талеров.

На обратном пути он должен был проходить мимо одного пруда, из которого далеко кругом разносилось кваканье лягушек: «Ква, ква, ква, ква!» – «Ну да, – стал он говорить сам себе, – мелют по-пустому: семь талеров я выручил, а не два!»

Подойдя к самой воде, он и лягушкам крикнул: «Глупое вы зверье! Небось лучше меня знаете? Семь талеров, а не два!»

А лягушки-то все на своем: «Ква, ква, ква!» – «Ну, коли вы не верите, так я вам сочту».

Вытащил деньги из карманов и пересчитал все семь талеров, раскладывая по двадцать четыре гроша на каждый.

Однако же лягушки не сошлись с ним в счете и опять тянули ту же песню: «Ква, ква, ква!»

«Коли так, – крикнул мужик, разгневавшись, – коли вы полагаете, что знаете дело лучше меня, так нате же, считайте сами!» – и швырнул им деньги всей кучей в воду.

Он постоял на берегу некоторое время и намерен был обождать, пока они справятся со счетом и возвратят ему деньги, но лягушки настаивали на своем, продолжая по-прежнему голосить: «Ква, ква, ква», – да и денег тоже ему не возвращали.

Подождал он еще немало времени, пока не наступил вечер и не понадобилось ему идти домой; тогда он выругал лягушек и крикнул им: «Ах, вы, водошлепницы! Ах, вы, толстоголовые, пучеглазые! Рыло-то у вас широко, и кричать вы горазды, так что от вас в ушах трещит, а семи талеров пересчитать не умеете! Или вы думаете, что так я вот тут буду стоять и дожидаться, пока вы со счетом справитесь?»

И пошел прочь от пруда, а лягушки-то ему вслед: «Ква, ква, ква», – так что он и домой пришел раздосадованный.

Сколько-то времени спустя выторговал он себе корову, заколол ее и стал рассчитывать, что если бы ему удалось выгодно продать ее мясо, он бы столько выручил за него, сколько стоили ему обе коровы, да еще шкура у него в барышах бы осталась.

Когда он с мясом подъезжал к городу, то перед самыми городскими воротами наткнулся на целую стаю собак, сбегавшихся сюда. И впереди всех огромная борзая; так и прыгает около мяса, и разнюхивает, и лает: «Дай, дай, дай!»

Так как она все прыгала и все лаяла, то мужик и сказал ей: «Ну, да! Вижу я, что ты недаром говоришь: дай, дай, а потому что говядинки хочешь... Ну, хорош же я был бы, кабы точно взял да и отдал бы тебе говядину!»

А борзая все то же: «Дай, дай». – «Да ты скажи мне: ты ее не сожрешь сама, и за товарищей своих ответишь?» – «Дай, дай», – лаяла по-прежнему собака. «Ну, коли ты на этом настаиваешь, так я тебе говядину оставлю; я тебя знаю и знаю, у кого ты служишь; но я тебя предупреждаю: через три дня чтобы мне были готовы деньги, не то тебе плохо придется: ты можешь их мне и сюда вынести».

Затем он свалил говядину и повернул домой; собаки тотчас на нее набросились с громким лаем: «Дай, дай!»

Мужик, издали прислушиваясь к этому лаю, сказал себе:

«Ишь, теперь все от нее своей доли требуют; ну, да мне за всех одна эта большая ответит».

Когда минуло три дня, мужик подумал: «Сегодня вечером у меня деньги в кармане», – и очень был этим доволен. Однако же никто не приходил и денег не выплачивал. «Ни на кого-то теперь положиться нельзя», – сказал он наконец, потеряв терпение, пошел в город к мяснику и стал от него требовать своих денег.

Мясник сначала думал, что он с ним шутки шутит, но мужик сказал: «Шутки в сторону: мне деньги нужны! Разве ваша большая собака три дня назад не приволокла сюда моей битой

коровы?» Тогда мясник разозлился, ухватился за метловище и выгнал его вон. «Погоди ужо! – сказал мужик. – Есть еще справедливость на свете!» – и пошел в королевский замок, и выпросил себе у короля аудиенцию.

Привели его к королю, который сидел рядом со своею дочерью, и тот спросил его, какой ему ущерб учинился.

«Ах, – сказал мужик, – лягушки и собаки у меня отняли мою собственность, а резник меня же за это палкой попотчевал», – и подробно рассказал, как было дело.

Королевна, услышав его рассказ, не выдержала – расхохоталась громко, и король сказал ему: «Рассудить твоего дела я не могу; но зато ты можешь взять дочь мою себе в жены; она еще отродясь не смеялась, только вот сегодня ты ее рассмешил, а я обещал ее тому в жены, кто сумеет ее рассмешить. Ну, вот и благодари Бога за свое счастье!» – «О, да я вовсе и не желаю на ней жениться! – отвечал мужик. – У меня дома уж есть одна жена, да и ту одну мне девать некуда. Если я на твоей дочке женюсь да домой вернусь, так что же мне – по уголкам их, что ли, расставлять прикажешь?»

Тут король не на шутку прогневался и сказал: «Ты грубиян!» – «Ах, господин король! – возразил мужик. – Вестимое дело: на свинке не шелк, а щетинки!» – «Ладно, ладно, – отвечал король, – я тебе другую награду назначу. Теперь проваливай, а денька через три возвращайся, тогда тебе все пятьсот отсыпят сполна».

Когда мужик стал выходить из замка, один из стражи королевской сказал ему: «Ты королевну нашу рассмешил, так уж, верно, получишь за это хорошую награду». – «Кажись, что не без того, – отвечал мужик. – Пять сотен мне будут выплачены». – «Слышь-ка, мужик! – сказал солдат. – Удели мне малую толику. Ну, куда тебе такая уйма денег!» – «Ну, разве уж для тебя – куда ни шло! Получай двести! Так-таки заявишься к королю денька через три и прикажи тебе именно столько выплатить».

Еврей-ростовщик, случившийся поблизости и подслушавший их разговор, побежал за мужиком вслед, ухватил его за полу платья и говорит: «Ай-ай-ай, что вы за счастливчик такой! Я вам деньги разменяю, я вам их мелочью выплачу, куда вам с этими битыми талерами возиться?» – «Мойше, – сказал мужик, – триста еще есть на твою долю, только выплати их мне сейчас мелкой монетой: дня через три король тебе их уплатит».

Ростовщик обрадовался барышу и выплатил мужику всю сумму стертыми слепыми грошами – такими, что три гроша двух хороших не стоят.

По прошествии трех дней мужик согласно приказу короля явился пред его ясные очи.

«Ну, снимай с него платье долой, – сказал король, – он должен получить свои пять сотен сполна». – «Ах, – сказал мужик, – эти пять сотен уже не принадлежат мне: две сотни подарил я солдату вашей стражи, а за три сотни ростовщик уже уплатил мне мелочью – так по справедливости мне уж ничего получать не следует».

«Удачная торговля». Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...И точно: явились к королю и солдат, и еврей-ростовщик и стали требовать своей доли в награде мужика, и получили надлежащее количество ударов...»

И точно: явились к королю и солдат, и еврей-ростовщик и стали требовать своей доли в награде мужика, и получили надлежащее количество ударов. Солдату это было дело знакомое, и он вынес свою порцию ударов терпеливо; а ростовщик все время жалобно кричал: «Ай, вей мир! Ай, какие крепкие талеры!»

Король, конечно, посмеялся проделке мужика, и так как гнев-то его прошел, он сказал: «Так как ты свою награду потерял еще ранее, нежели получил ее, то я тебя награжу иначе: ступай в мою казну и возьми себе денег, сколько хочешь».

Мужик не заставил себе этого дважды повторять и набил в свои глубокие карманы, сколько влезло. Потом пошел в гостиницу и стал считать деньги. Ростовщик туда же за ним

приполз и слышал, как тот ворчал себе под нос: «А ведь этот плут-король все же провел меня! Дай он мне денег сам, так я бы, по крайности, знал, что у меня есть. А теперь, как я могу наверно знать, сколько я наудачу в карман насыпал?» – «Ай-ай, – залепетал про себя ростовщик, – да он непочтительно смеет говорить о нашем государе! Побегу и донесу на него, тогда и я награду получу, и он будет наказан».

И точно, когда король услышал о речах мужика, то пришел в ярость и приказал пойти и привести провинившегося.

Ростовщик побежал к мужику. «Пожалуйте, – говорит, – тотчас к господину королю; как есть, так и ступайте». – «Нет, уж я лучше знаю, как к королю идти следует, – отвечал мужик. – Сначала я велю себе сшить новое платье. Или ты думаешь, что человек, у которого так много денег в кармане, может идти к королю в каком-нибудь старье?»

Ростовщик увидал, что мужик заупрямился и без нового платья к королю не пойдет; а между тем, пожалуй, и гнев у короля пройдет: тогда ни ему награды, ни мужику наказания не будет. Вот он и подъехал к мужику: «Я вам из одной дружбы могу на короткое время чудесное платье ссудить; отчего человеку не услужить по душе!»

Мужик на это не возражал, надел платье и пошел в замок.

Король потребовал у мужика отчета в тех непочтительных речах, о которых донес ему ростовщик. «Ах, – сказал мужик, – ведь уж известное дело: этот тип что не скажет, то соврет... От него разве можно правды ждать? Ведь вот он, пожалуй, станет утверждать, что я его платье надел». – «Ай, вей! Что такое? – закричал ростовщик. – Разве платье не мое? Разве я не из одной дружбы вам его ссудил на время, чтобы вы могли перед господином королем явиться?»

Услышав это, король сказал: «Ну, кого-нибудь из нас двоих – либо меня, либо мужика – он все-таки надул!» И приказал ему еще отсчитать малую толику битыми талерами.

А мужик отправился домой и в новом платье, и с деньгами и говорил себе по пути: «Ну, на этот раз я, кажись, в самый раз потрафил».

Необыкновенный музыкант

Жил-был необычный музыкант, и случилось ему однажды одному-одинешеньку идти по лесу, и думал он всякие думы, а когда он все уже передумал, то сказал сам себе: «Скучно мне здесь в лесу одному – дай-ка я себе какого-нибудь товарища добуду». И вытащил из-за спины скрипку и заиграл на ней так, что гул пошел меж деревьев.

Немного времени прошло, видит, бежит к нему волк из чащи. «Ах, волк ко мне бежит! Такого товарища мне не надо», – сказал музыкант. Однако же волк приблизился к нему и сказал: «Любезный музыкант, что ты это такое хорошее наигрываешь? Я бы и сам хотел такой музыке научиться». – «Мудрено ли научиться? – ответил музыкант. – Ты только должен все то делать, что я тебе прикажу». – «О, да я тебе, как ученик мастеру, во всем буду послушен», – отвечал волк.

Музыкант велел ему за собою следовать, и когда они прошли часть пути вместе, то пришли к старому дубу, который был внутри пуст, а посредине дал трещину. «Вот, смотри, – сказал музыкант, – если хочешь научиться играть на скрипке, то клади передние лапы в эту трещину».

Волк повиновался, а музыкант быстро ухватился за камень и одним ударом так крепко забил ему обе лапы в трещину, что тот должен был тут и остаться, как пленник на привязи. «Подожди здесь, пока я опять сюда не приду», – сказал музыкант и пошел своей дорогой.

Несколько времени спустя опять сказал он себе: «Мне здесь в лесу скучно – авось я себе другого товарища добуду», – взялся за скрипку, и опять ее звук раздался в лесу.

Откуда ни возьмись, лисица из-за деревьев выскользнула. «А! Лисица сюда бежит! – сказал музыкант. – И такой товарищ мне не надобен». А лисица подошла к нему и заговорила: «Милый музыкант, что ты это такое хорошее наигрываешь? Я бы и сама этому поучиться готова». – «Не мудрено и выучиться, – сказал музыкант, – ты только должна выполнять все, что я тебе прикажу». – «О, господин музыкант! – отвечала лиса. – Я тебя буду слушаться, как ученик слушает мастера». – «Так ступай за мной», – сказал музыкант.

Пройдя часть пути вместе, они вышли на тропинку, по обеим сторонам которой росли высокие кусты. Тут музыкант остановился, с одной стороны тропинки нагнул ореховое деревце вершиною к земле и на самый его кончик ногой наступил; а затем и с другой стороны нагнул точно так же еще одно деревце и сказал: «Ну вот, лисонька, если ты хочешь у меня чему-нибудь научиться, так дай мне левую переднюю лапу».

Лисица повиновалась, и музыкант привязал ей лапу к левому деревцу. «Лисонька, – сказал он затем, – теперь давай правую лапу». И ту привязал к правому деревцу. И когда он, внимательно осмотрев узлы, убедился в том, что они завязаны крепко, то выпустил деревца из-под ног – те разогнулись и вздернули лисоньку вверх...

Закачалась голубушка, завертелась! «Погоди здесь, пока я сюда опять вернусь!» – сказал музыкант и пошел своей дорогой.

И опять сказал он себе: «Скучно мне в лесу, надо мне добыть товарища», – взялся за скрипку, и звуки ее снова огласили лес.

А из лесу заяц бежит. «Ну, заяц бежит! – сказал музыкант. – Этого я тоже не хотел вызвать». – «Ах, милый музыкант! – сказал зайчик. – Что это ты так хорошо наигрываешь? Я бы и сам этому не прочь научиться». – «Выучиться нетрудно, – сказал музыкант, – вся сила в том, чтобы ты выполнял все мои приказания». – «О, господин музыкант, – сказал зайчик, – да я тебе буду повиноваться во всем, как ученик своему мастеру!»

Пошли они дорогою, дошли до прогалины в лесу, посреди которой росла осина.

Музыкант привязал зайчику длинную тесьму на шею, а другим концом закрепил ее к осине. «Ну, живо, веселее, зайчик, обскачи раз двадцать кругом дерева», – крикнул музыкант, и зайчик повиновался, и когда он двадцать раз обскакал кругом дерева, то тесьма двадцать

раз кругом дерева окрутилась, и зайчик оказался к нему крепко-накрепко привязанным и мог тянуть и рваться сколько угодно – только тесьма въедалась ему глубже в мягкую шею. «Ну, вот и жди, когда я вернусь сюда!» – сказал музыкант и пошел далее.

А волк между тем и бился, и рвался, и зубом камень пробовал, и добился-таки того, что высвободил лапы и вытащил их из расщелины дуба. Ярый и злобный, поспешил он вслед за музыкантом, готовый растерзать его. Как завидела его лисица, давай визжать и кричать, что есть мочи: «Брат волк, приди мне на помощь, меня музыкант обманул!»

Волк пригнул деревца книзу, перегрыз веревки и освободил лисицу, которая пошла вместе с ним и тоже хотела отомстить музыканту. По пути нашли они и зайца, привязанного к осине, также освободили и его, и затем уж все вместе стали искать своего врага.

Музыкант между тем на пути своем через лес еще раз заиграл на своей скрипке, и на этот раз ему посчастливилось. Звуки его скрипки услышал бедняк-дровосек, который тотчас волей-неволей покинул свою работу и пришел с топором под мышкой слушать музыку.

«Ну вот, наконец идет ко мне настоящий товарищ! – сказал музыкант. – Я ведь человека искал, а не диких зверей». И заиграл так прекрасно, так задушевно, что бедняк-дровосек и с места сойти не мог, словно заколдованный, и на сердце у него было так радостно...

Как раз в это время подошли и волк, и лисица, и заяц, и дровосек сразу заприметил, что у них недоброе на уме. Тогда поднял он свой блестящий топор и выступил вперед, как бы желая выразить: «Кто против него задумал, тот берегись, тому со мной придется иметь дело».

Тогда звери струхнули и побежали обратно в лес, а музыкант еще поиграл в благодарность дровосеку за оказанную им защиту и пошел своим путем.

Двенадцать братьев

Жили да были король с королевой; жили они в полном согласии и прижили двенадцать человек детей – и все были мальчуганы.

Вот король и говорит королеве: «Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочкой, то всех двенадцать мальчишек велю убить, чтобы и богатства у нее было больше, и все наше королевство ей одной принадлежало».

Он так и велел заготовить двенадцать гробов, которые были наполнены стружками, и в каждый даже небольшое покойническое изголовьице положено; по его приказу эти гробы были поставлены в особую запертую комнату, ключ от которой король отдал королеве и никому не велел о том рассказывать.

И вот мать стала по целым дням горевать, так что меньшой сын, который был постоянно при ней (она его по Библии и назвала Вениамином), спрашивал ее: «Милая матушка, отчего ты такая грустная?» – «Милое мое дитяtko, – отвечала она, – не смею я тебе этого сказать». Однако же он не отставал от нее с вопросами до тех пор, пока она не пошла, не отперла комнаты и не показала ему двенадцать готовых гробов, наполненных стружками. И сказала ему мать: «Дорогой мой Вениамин, эти гробы отец ваш приказал приготовить для тебя и для твоих одиннадцати братьев, потому что он решил: если у меня родится девочка, то всех вас он велит умертвить и в этих гробах похоронить».

Говорила она все это и плакала; а сын утешал ее и сказал: «Не плачь, милая матушка, мы уж как-нибудь сами о себе подумаем и сами от него уйдем».

А она отвечала ему: «Ступай ты со своими одиннадцатью братьями в лес, и пусть один из вас всегда стоит настороже на самом высоком дереве, какое в лесу найдется, и пусть смотрит на замковую башню. Если у меня родится сынок, то велю выставить на башне белый флаг, и тогда вы все можете спокойно вернуться домой; если же родится доченька, то велю выставить на башне красный флаг, и тогда бегите как можно скорее, и да хранит вас Бог. Каждую ночь буду вставать и молиться за вас Богу: зимою, чтобы был у вас огонек, около которого вы могли бы согреться, а летом – чтобы жара вас не сморила». После того она благословила своих сыновей, и они ушли в лес. Все они, чередуясь, влезали на высочайший из лесных дубов и стояли там настороже, и глядели на башню замка.

Когда прошло одиннадцать дней и пришел черед лезть Вениамину, он увидел, что на башне поднят какой-то флаг: но то был не белый, а красно-кровавый флаг, всем им возвещающий смерть!

Как только услышали об этом братья, все они вскипели гневом и сказали: «Неужели же мы осуждены на смерть из-за девчонки?! Так мы же клянемся, что отомстим за себя: где бы ни повстречали мы девчонку на пути нашем – она должна погибнуть от нашей руки».

Затем они углубились в самую чащу леса и в самой глухой лесной чаще нашли небольшой заколдованный домик, стоявший пуст-пустехонек.

Тогда они сказали: «Здесь мы и поселимся, и ты, Вениамин, самый младший из нас и самый слабый, должен здесь быть постоянно и заниматься домоводством; а мы все остальные будем кругом рыскать, о пище заботиться».

И вот пошли они бродить по лесу и стали стрелять зайцев, диких коз, птиц и голубков – что в пищу годилось: все это сносили они к Вениамину, и тот уж должен был им из этого изготовить обед, которым бы они все могли насытиться.

Так прожили они в этом домике десять лет, и годы протекли для них незаметно.

Доченька, которую королева родила, успела тем временем вырасти и была девочкой предоброй и собою красоточкой, и во лбу у ней горела золотая звезда. Однажды, когда в замке

была большая стирка, она вдруг увидела среди белья двенадцать мужских рубаш и спросила у матери: «Чьи же эти двенадцать рубаш? Ведь отцу они слишком малы».

«Двенадцать братьев. Девочка в заколдованном лесу». Художник – Герман Фогель.
1894 г.

«...И очутилась бедная девочка одна-одинешенька в диком лесу, и когда стала оглядываться кругом, то увидела рядом старуху, которая ей и сказала: “Дитя мое, что ты это наделала? Зачем ты сорвала эти двенадцать белых лилий? Ведь эти цветки были твои братья, и вот теперь они навек обратились в воронов...”»

Тогда мать с великою скорбью отвечала ей: «Милое дитятко, эти рубахи твоих двенадцати братьев». – «Да где ж эти двенадцать братьев? Я о них еще никогда не слыхала». Мать отвечала: «Единому Богу известно, где они теперь. Бродят где-нибудь по миру».

Затем взяла девочку за руку и, открыв заветную комнату, указала ей на двенадцать гробов со стружками, с изголовьями. «Эти гробы, – сказала она, – были предназначены для твоих братьев; но они тайно ушли еще до твоего рождения».

И рассказала ей, как было дело.

Тогда девочка сказала: «Милая матушка, не плачь, я пойду и отыщу моих братьев».

И вот она взяла с собою двенадцать рубах и ушла из замка, и прямо вошла в большой дремучий лес.

Шла она целый день, а под вечер пришла к заколдованному домику. Вошла в домик и встретила в нем мальчика, который спросил ее: «Откуда идешь и куда?» – и немало был удивлен тем, что она была так хороша и наряжена в королевское платье и во лбу у нее горела звезда.

Тогда она отвечала: «Я королевская дочь и ищу моих двенадцать братьев, и пойду хоть на край света белого, пока не найду их». При этом указала она на двенадцать рубах, которые принадлежали королевичам-братьям.

Тогда Вениамин увидел, что это их сестра, и сказал: «Я – Вениамин, твой младший брат».

И она стала плакать от радости, и Вениамин тоже, и они целовались и миловались от всего сердца.

Затем он сказал: «Милая сестрица, тут есть некоторое препятствие... Ведь мы пообещали, что каждая девочка, с которой мы встретимся, должна будет умереть, ибо мы из-за девочки должны были покинуть наше родное королевство». А она на это: «Так что же? Я охотно умру, если смертью своею смогу освободить моих двенадцать братьев из ссылки». – «Нет, – отвечал он, – ты не должна умереть; садись вот под этот чан и сиди, пока не придут остальные одиннадцать братьев; уж я с ними как-нибудь улажусь».

Так она и сделала.

С наступлением ночи вернулись и остальные братья с охоты, и ужин им был готов. И когда они сидели за столом, то спросили: «Что слышно новенького?» Вениамин отвечал: «Неужто вы ничего не знаете?» – «Нет», – отвечали те; а Вениамин продолжал: «Как же это так? Вы по лесу рыщете, а я дома сижу, да более вас знаю!» – «Ну, так рассказывай нам!»

И он отвечал им: «А обещаете ли вы мне все, что первая девочка, которая нам встретится, не будет убита?» – «Да, да, – крикнули они разом, – она должна быть помилована. Ну, рассказывай!» Тогда он и сказал: «Наша сестра здесь!» – и приподнял чан, и королевна вышла из-под него в своих богатых одеждах и с золотой звездой во лбу, и явилась им такою прекрасною, нежною и стройною.

И все они ей обрадовались, бросились ей на шею, целовали ее и полюбили от всего сердца.

И вот она осталась вместе с Вениамином в их доме и стала помогать ему в работе. А остальные одиннадцать братьев по-прежнему рыскали по лесу, били всякую дичь, диких коз, птиц и голубков, чтобы было им что поесть, а сестра с братом Вениамином заботились о том, чтобы им еду приготовить.

Она собирала валежник на топливо и коренья на приправу и горшки около огня ворочала – и ужин был всегда на столе, когда возвращались домой ее одиннадцать братьев. Она и вообще

наблюдала за порядком в домике, и постели им постилала чистенько и беленько, и братья были ею довольны и жили с нею в большом согласии.

По прошествии некоторого времени случилось однажды, что Вениамин с сестрою приготовили братьям отличное угощение, и когда они все сошлись, сели за стол и стали превесело есть и пить.

А позади заколдованного домика был небольшой садик, и в том садике росли двенадцать лилий. Сестра задумала братьям доставить удовольствие, сорвала эти двенадцать цветков и хотела каждому из них поднести по цветку после ужина.

Но как только она цветки сорвала, в то же мгновение ее двенадцать братьев обратились в двенадцать воронов и полетели за лес, а дом и сад – все исчезло, как не бывало.

И очутилась бедная девочка одна-одинешенька в диком лесу, и когда стала оглядываться кругом, то увидела рядом старуху, которая ей и сказала: «Дитя мое, что ты это наделала? Зачем ты сорвала эти двенадцать белых лилий? Ведь эти цветки были твои братья, и вот теперь они навек обратились в воронов».

Девочка отвечала ей со слезами: «Неужто нет никакого средства их спасти?» – «Нет, – отвечала старуха, – одно только и есть средство на всем свете, да и то такое трудное, что ты этим средством их не избавишь... Ты должна сама семь лет быть немою, не должна ни говорить, ни смеяться, и если ты хоть одно слово проронишь, а до семи лет недоставать будет хоть одного часа, то все твои труды пропали, и одно твое слово убьет всех твоих братьев».

Тогда девочка произнесла в сердце своем: «Я наверно знаю, что спасу своих братьев», – и пошла по лесу, отыскивала себе высокое дерево, залезла на него и стала прясть, и не говорила, не смеялась.

Случилось, однако же, так, что один король заехал в тот лес на охоту, а у того короля была большая борзая собака, которая прямо подбежала к тому дереву, на котором девушка сидела, стала около него кружить и лаять вверх. Подъехал к дереву король, увидел королевну-красавицу с золотою звездою во лбу и так восхитился ее красотой, что крикнул ей прямо, не желает ли она быть ему супругою. Она ему ничего не ответила, только головою кивнула. Тогда он сам влез на дерево, снес ее оттуда, посадил к себе на лошадь и привез домой.

Свадьбу отпраздновали великолепно и весело: но невеста короля не говорила и не смеялась.

Когда они уже года два прожили между собою в полном согласии, мачеха короля, женщина злая, стала на молодую королевну нашептывать и клеветать королю: «Вывез ты из леса простую нищую, и кто ее знает, какими она безбожными делами занимается втайне от нас! Если она точно немая и не может говорить, так ведь она, по крайней мере, могла бы смеяться; ну, а уж кто не смеется, у того, конечно, совесть нечиста!» Король долго не хотел верить этим наговорам, однако же старуха так настаивала на своем и обвиняла свою невестку в стольких злодеяниях, что король наконец дал себя уговорить и приговорил жену к смертной казни.

Во дворе королевского замка был разведен большой костер, на котором должны были ее сжечь: и король стоял у верхнего окошечка замка и смотрел сквозь слезы на все эти приготовления, потому что все же очень любил свою жену.

Когда она уже была привязана к столбу на костре и пламя костра длинными красными языками стало лизать край ее одежды, истек последний миг заветных семи лет.

Тогда в воздухе послышался свист крыльев, и двенадцать воронов явились над костром и опустились наземь: и чуть земли коснулись, обратились в ее братьев, которые ей обязаны были своим спасением. Они разбросали костер, погасили пламя, отвязали сестру от столба и стали ласкать и целовать ее.

Тут уж, когда она могла открыть уста и говорить, она рассказала королю, почему была нема и никогда не смеялась.

Король с радостью узнал о том, что она невинна, и они все вместе жили в согласии до самой смерти.

А злая мачеха была отдана под суд, и суд присудил ее посадить в бочку с кипящим маслом и ядовитыми змеями, и она погибла злою смертью.

Сброд оборванцев

Жили-были на белом свете петушок с курочкой. Вот и сказал петушок курочке: «Теперь самое время орехам зреть; пойдем на гору и насладимся ими досыта, пока их белка все к себе не перетаскала». – «Ладно, – отвечала курочка, – потешим утробушку».

И пошли они на гору, и так как день был светлый, то они и оставались там до самого вечера.

И, право, уж не знаю – наелись ли они чересчур плотно или высокомерие их обуяло, но только не захотелось им возвращаться домой пешком, и петушку пришлось смастерить небольшую повозку из ореховой скорлупы.

Когда повозка была готова, курочка сейчас в нее уселась и говорит петушку: «А ну-ка, впрягайся да вези меня». – «Еще что выдумала, – сказал петух, – да я лучше пешком домой пойду, чем впрягаться стану. Нет, между нами такого уговора не было. Кучером еще, пожалуй, готов быть и на козлах сидеть, а чтобы на себе тащить – не согласен!»

Между тем, пока они спорили, затараторила на них утка: «Ах вы, воришки, да кто вам позволил в мой орешник на горе ходить? Ужо вот поплатитесь за это!» – и с раскрытым клювом налетела на петушка. Однако же петушок, не будь промах, клюнул утку в брюхо, а затем уж так храбро напал на нее со своими шпорами, что она стала просить пощады и охотно обязалась в виде наказания тащить на себе повозку.

Тут уж петушок взобрался на козлы кучером и давай погонять: «Утка, валяй во все лопатки!»

Проехав часть пути, повстречали они еще двоих путников: булавку и иголку.

Те крикнули: «Стой, стой!» – и стали говорить, что вот, мол, сейчас стемнеет, тогда им и шагу нельзя ступить далее, да и грязно, мол, очень по дороге – так нельзя ли им тоже в повозке примоститься, а то они в портняжной гостинице у ворот застоялись и около пива запоздались.

Петушок, видя, что они ребята тощие, места много не займут, взял их обеих в повозку, только с тем уговором, чтобы они ни ему, ни его курочке на ноги не наступали.

Поздно вечером приехали они к гостинице, и так как им не хотелось дальше ехать ночью, да и утка еле на ногах держалась и то на один бок, то на другой валилась, то и завернули в гостиницу.

Хозяин гостиницы сначала стал было ломаться да говорить, что у него, дескать, в доме места нет, да и то подумал, что приезжие – народ не важный; потом, однако же, сдался на их сладкие речи, на обещания, что вот, мол, ему достанется яичко, которое курочка дорогой снесла, да, кроме того, и утку он тоже может удержать при себе, а та, мол, каждый день по яичку кладет...

Сдался – и впустил их ночевать.

Они, конечно, велели себе подать ужин и этому ужину оказали надлежащую честь.

Ранешенько утром, когда еще только чуть брезжилось и все еще спали, петушок разбудил курочку, достал яичко, проклевывал его, и они вместе им позавтракали, а яичные половинки бросили на очаг.

Потом пошли к иголке, которая еще спала, взяли ее за ушко и загнали в подушку хозяйского кресла; наконец добрались и до булавки, взяли ее да и приколоты к полотенцу хозяина, а сами, как ни в чем не бывало, давай бог ноги!

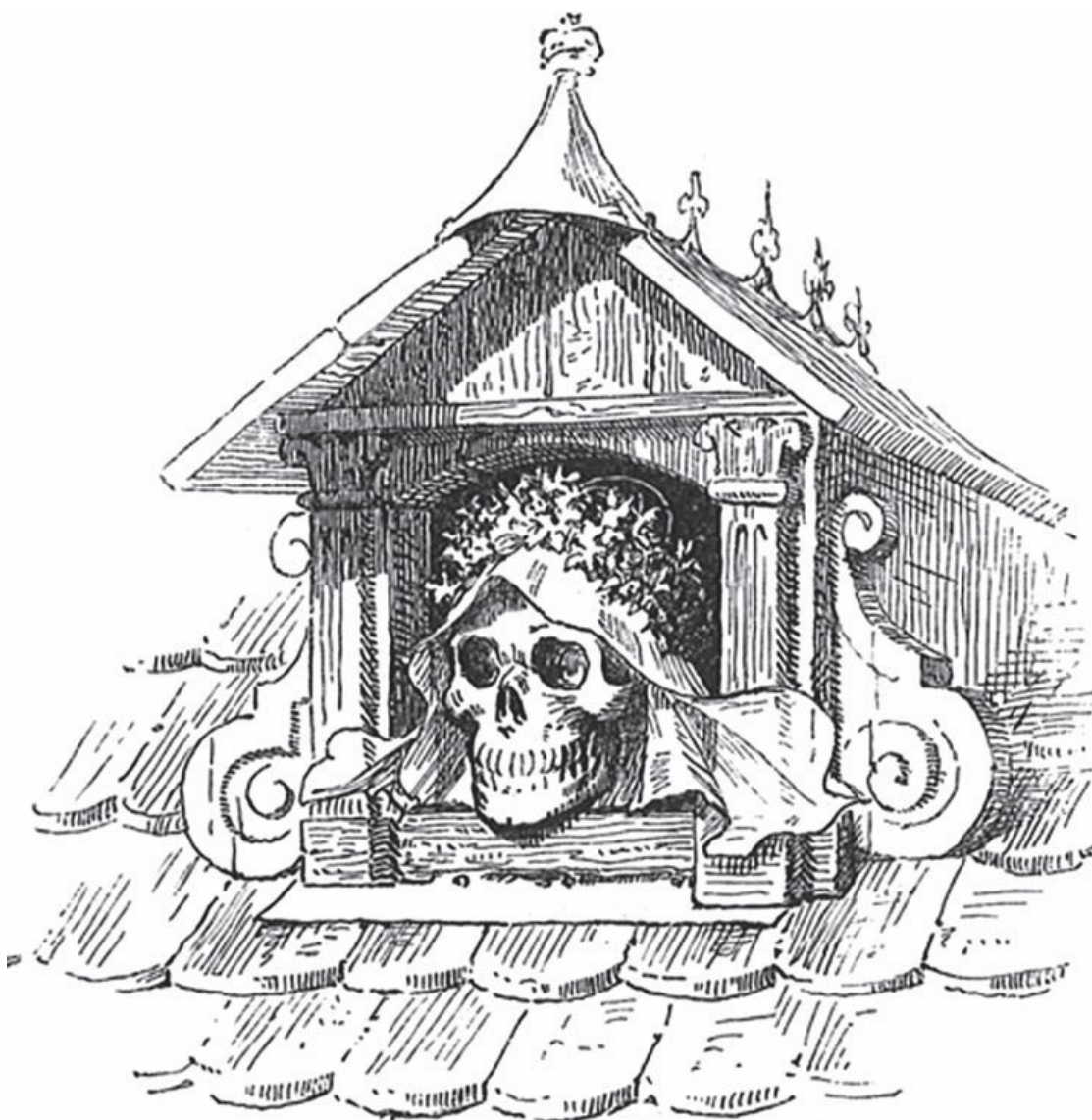
Утка спала под открытым небом во дворе, услышала, как они улизнули, и тоже приободрилась; разнюхала какой-то ручеек и поплыла по течению его – и откуда прыть взялась! Не то что повозку тащить!

Только уж часа два спустя протер себе хозяин глаза на своей пуховой перине, умылся и только хотел было утереться полотенцем, как булавка царапнула его по лицу и провела красный

рубец от уха до уха. Пошел он в кухню и хотел было трубочку закурить; но чуть только подошел к очагу – обе яичные скорлупы как прыгнут ему в глаза... «Да что же это сегодня все моей голове достается!» – сказал он про себя и с досадой опустился на дедовское кресло, но тотчас же вскочил с него и вскрикнул: «Ай, ай!» – потому что иголка его очень больно (и не в голову) уколола.

Тут уж он совсем обозлился и стал во всех этих проделках подозревать этих приезжих, которые накануне прибыли так поздно: пошел, посмотрел – а их и след простыл.

Тут он дал себе клятву никогда больше не пускать к себе под крышу всякий сброд, который потребляет много, не платит ничего – да еще в виде благодарности пускается вот на какие штуки.

«Сброд оборванцев». Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Поздно вечером приехали они к гостинице, и так как им не хотелось дальше ехать ночью, да и утка еле на ногах держалась и то на один бок, то на другой валилась, то и завернули в гостиницу...»

Братец и сестрица

Братец взял сестрицу за руку и сказал: «С той поры, как матушка скончалась, нет у нас ни на час радости; мачеха бьет нас каждый день, а когда мы к ней приходим, она нас гонит от себя пинками прочь. Кормит она нас одними оставшимися от стола черствыми корками, и собачонке под столом живется куда лучше: той все же, хоть изредка, она швырнет лакомый кусочек. Боже сохрани, кабы наша матушка об этом знала! Пойдем, станем вместе бродить по белу свету».

И пошли, и шли целый день по лугам, по полям и камням; и когда шел дождь, сестричка приговаривала: «И небо, и сердца наши заодно плачут!»

Вечером пришли они в большой лес и были так утомлены своею скорбью, голодом и дальним путем, что забрались в дупло дерева и уснули.

На другое утро, когда они проснулись, солнце стояло уже высоко на небе и горячо пригревало дупло. Тогда братец сказал: «Сестрица, мне пить хочется, и если бы я знал тут поблизости ключик, я бы сейчас туда сбегал и напился; мне кажется, я тут слышал журчание поблизости». Он встал, взял сестрицу за руку, и они пошли разыскивать ключик.

А злая мачеха их была ведьмой и видела, как дети ушли из дому, и сама невидимой, как все ведьмы, прокралась за ними следом и все ключи в лесу заколдовала.

Вот и нашли они ключик, который так и блестел, попрыгивая на камнях, и братец хотел уж из него напиться; однако же сестрица прослышала, как ключик среди плеска журчал: «Кто из меня изопьет водицы, в тигра обратится! Кто из меня изопьет водицы, в тигра обратится!»

Тогда сестрица воскликнула: «Прошу тебя, братец, не пей, не то оборотишься лютым зверем и меня растерзаешь».

Братец не стал пить, хотя и мучила его невыносимая жажда, и сказал: «Я подожду до ближайшего источника».

Когда они пришли ко второму ключику, сестрица и в том среди журчанья выслушала: «Кто из меня воды напьется, волком обернется; кто из меня воды напьется, волком обернется».

И крикнула сестрица братцу: «Братец, прошу тебя, не пей, не то обернешься волком и съешь меня».

Не стал пить братец и сказал: «Я обожду до ближайшего источника, но там уж напьюсь непременно, что бы ты там ни говорила: жажда моя слишком невыносима».

Вот пришли они и к третьему источнику, и сестрица услышала, как он среди плеска журчал: «Кто из меня напьется, диким козликом обернется; кто из меня напьется, диким козликом обернется».

Сестрица сказала: «Ах, братец, прошу тебя, не пей, не то диким козликом обернешься, убежишь от меня».

Но братец уже бросился к ключу, нагнулся к нему и хлебнул водицы, и чуть только первая капля ее попала ему на губы – он уже очутился у ключа диким козликом.

Поплакала сестрица над околдованным братцем, и козлик поплакал тоже и сидел около нее грустный, унылый. Наконец, сестрица сказала: «Не печалься, милый козлик, я тебя никогда не покину».

Тогда отвязала она свою золоченую подвязку и навязала ее козлику на шею; потом нарвала ситовнику и сплела из него мягкий шнурок. На этот шнурок привязала она козлика и повела его далее, и все шла и шла вглубь леса. И вот после долгого-долгого перехода они пришли, наконец, к маленькому домику, и сестрица в него заглянула; домик оказался пуст, и она подумала: «Здесь можем мы остаться и поселиться».

Тогда набрала она листвы и мха на мягкую постель для козлика и каждое утро выходила из дома и собирала для себя корешки, ягоды и орехи, а для козлика приносила нежной травки, которую тот ел у нее из рук и был доволен, и играл возле нее.

Вечером, поутомившись, сестричка, бывало, помолится, положит голову козлику на спину, словно на подушечку, да так и уснет. И если бы только у братца был его прежний, человеческий образ, им бы жилось отлично.

Так и жили они некоторое время одни-одинешеньки в глуши.

Случилось, однако же, так, что король той страны затеял в том лесу большую охоту.

Раздались повсюду звуки рогов, лай собак, веселые крики охотников далеко разнеслись по лесу, и козлик слышал все это, и очень хотелось ему при этом быть. «Ах, – сказал он сестрице, – выпусти ты меня посмотреть на охоту. Не сидится мне здесь на месте!» – и упрасивал ее до тех пор, пока она не отпустила. «Только смотри, – сказала она ему, – вечером возвращайся ко мне, ведь я от этих злых охотников должна буду запереться; а чтобы я тебя узнала, так постучись да скажи: “Сестричка,пусти меня”, – и если ты так не скажешь, то и дверки моей не отворю тебе».

Вот и выскочил козлик из дома, и было ему так хорошо, так весело на свежем воздухе! Король и слуги приметили красивое животное и пустились было за ним в погоню, да никак не могли поймать, и когда уже думали, что вот-вот он у них в руках, тот прыгнул через куст и исчез.

Чуть стемнело, он прибежал к домику, постучался и сказал: «Сестричка,пусти меня». Тогда была ему отворена маленькая дверка, он впрыгнул в дом и целую ночь отдыхал на своем маленьком ложе.

На другое утро охота продолжалась снова, и когда козленочек слышал звук рогов и топот егерей, он опять стал тревожиться и сказал: «Сестричка,отопри мне,пусти меня». Сестричка отперла дверь и сказала: «Только вечером приходи непременно и не забудь своих словечек».

Когда король и его егеря опять увидели козлика с золотым ожерелком, все они бросились за ним в погоню; но он оказался необычайно быстроногим и проворным.

Целый день они за ним гонялись; наконец, под вечер окружили его, и один из егерей поранил его немного в ногу, так что он захромал и побежал уж не так быстро.

Тогда за ним следом прокрался один из егерей до самого домика и слышал, как козлик сказал: «Сестричка,пусти меня», – и видел, как дверь перед ним отворилась и вновь захлопнулась.

Егеря все это отлично запомнил, пошел к королю и рассказал ему, что он видел и что он слышал. Тогда король сказал: «Завтра еще поохотимся».

А сестричка страшно перепугалась, когда увидела, что ее козлик поранен. Она смыла кровь с его раны, приложила к ней целебные травы и сказала: «Ступай на свою постельку, милый козлик, чтобы поскорее выздороветь».

Рана была, однако же, так незначительна, что козлик поутру ее уж и не чувствовал.

И когда он слышал долетавшие из леса веселые звуки охотничьих рогов, он сказал: «Не могу высиживать дома, я должен там быть; меня ведь не так скоро они изловят».

Сестрица заплакала и стала ему говорить: «Вот они тебя теперь убьют, а я здесь, в лесу, одна и всеми покинута: не пущу я тебя сегодня». – «Так я тут умру на глазах у тебя с горя! – отвечал козлик. – Когда я слышу звук охотничьего рога, то у меня туда душа рвется!»

Тут увидела сестрица, что его не удержишь, и с великой неохотой отперла ему дверь, и козлик, веселый и бодрый, махнул в лес.

Король, чуть только его увидел, сказал своим егерям: «Теперь гонитесь за ним по следу целый день до самой ночи, но чтобы ему никто никакого зла не сделал».

А когда солнце закатилось, он сказал тому егерю, что накануне следил за козликом: «Ну, пойдем, покажи мне лесной домик».

Очутившись перед дверкой, он постучал и крикнул: «Сестричка,пусти меня».

Тогда дверка отворилась, король вошел в домик и увидел там девушку невиданной красоты. Она испугалась, увидев, что вошел не козлик ее, а мужчина с золотой короной на голове. Но король ласково посмотрел на нее, протянул ей руку и сказал: «Не желаешь ли ты со мною ехать в замок и быть мне милою женою?» – «О, да! – сказала девушка. – Но и козлик должен быть при мне – я его здесь не оставлю». – «Пусть остается при тебе, – сказал король, – пока ты жива, пусть и у него будет всего вдоволь».

Тем временем и козлик подрос, и сестрица опять привязала его на шнурок, взяла шнурок в руки и пошла вместе с козликом из лесного домика.

Король взял красавицу с собою на коня и повез ее в свой замечательный замок, где свадьба была сыграна богато-пребогато, и сестричка стала королевой и долгое время жила с мужем в полном довольстве; и за козликом все ухаживали и берегли его, и он прыгал себе на свободе по замковому саду.

А злая мачеха, из-за которой детки пошли по миру, та уж думала, что сестричку, вероятно, дикие звери растерзали в лесу, а братец, обороченный в дикого козлика, подстрелен охотниками.

Когда же она услышала, что они так счастливы и что им живется хорошо, то зависть и вражда вновь заговорили в ее сердце и не давали ей покоя, и стала она только о том думать, как бы их обоих снова сделать несчастными.

Родная-то дочка мачехи, дурная, как смертный грех, да притом еще и одноглазая, стала попрекать свою мать и говорила: «Мне бы следовало быть королевой, а не той девчонке». – «Сиди да молчи, – сказала старая ведьма, убаюывая ее, – придет время, так уж я воспользуюсь».

По прошествии известного времени королева родила славного мальчугана, а король-то как раз в это время на охоте был...

Вот старая ведьма и приняла на себя внешность королеввиной служанки, вошла в комнату, где лежала родильница, и сказала: «Пожалуйте, ванна для вас готова, она вам будет полезна и придаст вам новых сил; пожалуйста скорее, пока не остыла вода».

Дочка была у ней тут же под рукою; вместе снесли они ослабевшую королеву в баню и опустили ее в ванну; затем заперли дверь накрепко и убежали оттуда. А в бане развели такой адский огонь, что прекрасная юная королева должна была неминуемо там задохнуться.

Когда это было сделано, старая ведьма взяла свою дочку, надела на нее чепец и положила ее в постель на место королевы. Она придала ей и образ, и внешность королевы, только как она была крива на один глаз, так и осталась; а для того, чтобы король этого не заметил, ведьмина дочка должна была лежать на том боку, на который была кривоглаза.

Вечеру, когда король вернулся и услышал, что у него родился сынок, он обрадовался от всего сердца и захотел подойти к постели и взглянуть на свою милую жену.

Тогда старая ведьма поспешила крикнуть: «Ради Бога, опустите занавеси, королева еще не должна смотреть на свет, и притом ей нужен покой».

Король отошел от кровати и не знал, что на ней лежала не его жена, а другая, подставная, королева.

В самую полночь, когда все спало, мамка, которая сидела в детской у колыбельки и одна только не спала во всем доме, увидела, что дверь отворилась и настоящая королева вошла в детскую.

Она вынула ребенка из колыбели, положила его на руку и дала ему напиться. Затем она оправила ему подушечку, положила его опять в колыбельку и прикрыла одеяльцем. Не забыла она и козлика, пошла в угол, где он лежал, и погладила его по спине.

Затем она в глубоком молчании вновь вышла из двери, а мамка на другое утро спрашивала сторожей, не приходил ли кто в замок ночью – и получила ответ: «Нет, мы никого не видали».

Так приходила она много ночей подряд и никогда при этом не обмолвилась ни единым словом; мамка видела ее каждую ночь, но никому не решалась ничего о том сказать.

По прошествии некоторого времени королева во время своего ночного посещения заговорила и сказала:

Что, мое дитяtko? Что, козлик мой?
Приду еще дважды и уйду на покой.

Мамка не отвечала ей ничего; но когда она исчезла, мамка пошла к королю и рассказала ему все.

Король сказал: «Боже мой, что бы это значило? Следующую ночь я проведу у колыбели сына».

И точно, с вечера пришел он в детскую, и ровно в полночь снова явилась королева и сказала:

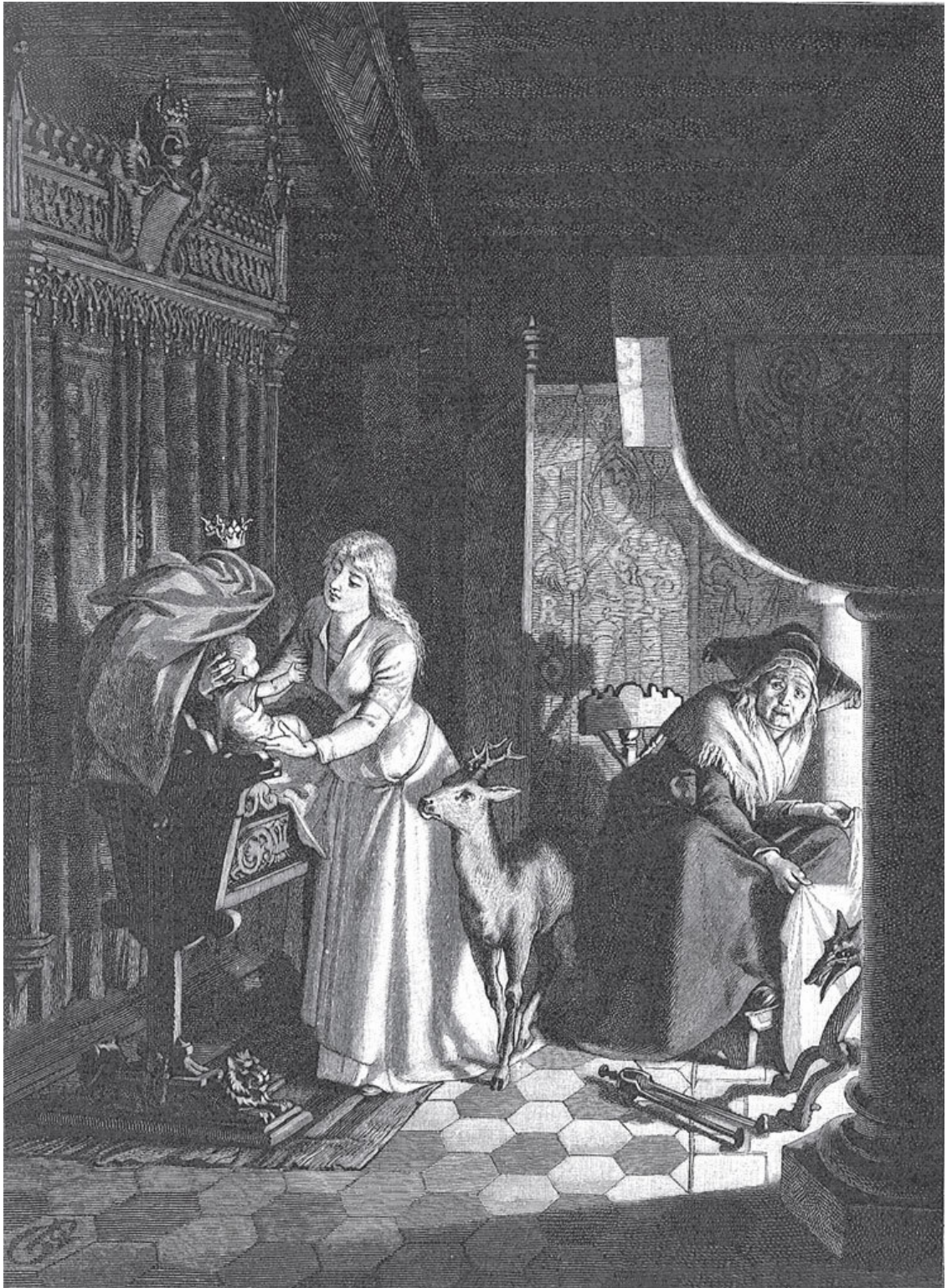
Что, мое дитяtko? Что, козлик мой?
Приду еще раз я и уйду на покой.

И затем стала нянчиться с ребенком, как и в предыдущие посещения, и потом исчезла. Король не решился с нею заговорить, но не спал и в следующую ночь. И опять она повторила:

Что, мое дитяtko? Что, козлик мой?
Пришла я в последний раз – иду на покой.

Тут уж король не мог воздержаться, бросился к ней и сказал: «Ты не кто иная, как моя милая жена». И она отвечала: «Да, я твоя милая жена», – и в то же мгновение по милости Божией жизнь возвратилась к ней, и она предстала перед королем свежая, румяная и здоровая.

Затем она рассказала королю о том злодействе, которое совершили над нею злая ведьма и ее дочь. Король приказал обеих вести в суд, и там был над ними произнесен приговор. Дочку присудили отвести в лес, где ее растерзали дикие звери; а ведьму взвели на костер, где она и сгорела. И когда от ведьмы остался только один пепел, дикий козлик перестал быть оборотнем и вновь стал юношей; и жили братец с сестрицей неразлучно и счастливо до самой их смерти.

«Братец и сестрица». Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...В самую полночь, когда все спало, мамка, которая сидела в детской у колыбельки и одна только не спала во всем доме, увидела, что дверь отворилась и настоящая королева вошла в детскую...»

Колокольчик

Где-то далеко, в тридесятом царстве, жили-были муж с женою, которые уже много лет сряду тщетно желали иметь детей; наконец, жена получила возможность надеяться, что Бог исполнит ее желание.

В задней части их дома было небольшое оконце, из которого виден был превосходный сад, переполненный самыми лучшими цветами и растениями.

Но он был обнесен высокой стеной, и никто не смел в него входить, потому что он принадлежал волшебнице, которая обладала обширной властью, и все ее боялись.

Однажды жена стояла у этого оконца и глядела в сад, и увидела грядку, на которой росли прекрасные репчатые колокольчики, такие свежие и красивые, что у нее глаза разгорелись.

И она почувствовала непреодолимое желание отведать салат из луковиц садовых колокольчиков.

Желание с каждым днем возрастало, и так как она знала, что их нельзя было добыть, то она совсем упала духом, побледнела и загрустила.

Тогда муж перепугался и спросил: «Да что с тобой, милая женушка?» – «Ах! – отвечала она. – Если мне нельзя будет поесть салата из луковиц садовых колокольчиков, что растут в саду позади нашего дома, то я не выживу». Муж, который очень ее любил, сказал себе: «Я не допущу смерти своей жены и добуду этих луковиц, чего бы мне это ни стоило».

В сумерки перелез он через стену в сад волшебницы, торопливо накопал полную пригоршню луковиц и принес своей жене. Та тотчас сделала себе салат и поела с большим наслаждением.

Но это кушанье ей так понравилось, что на другой день ей еще более захотелось его поесть. Ради ее успокоения пришлось мужу опять лезть в сад.

И он в сумерки опять спустился туда, но лишь только перебрался через стену, как очень испугался, потому что очутился лицом к лицу с волшебницей. «Как дерзаешь ты, – сказала она, гневно на него глянув, – перелезать в мой сад? Это тебе не пройдет даром!» – «Ах! – сказал он. – Смените гнев на милость; из нужды на это решился: моя жена увидала ваши колокольчики из окошка и таким загорелась желанием, что, кажется, тут бы ей и смерть пришла, кабы не дать ей салата покушать».

Тогда волшебница поунылась в гнев и сказала ему: «Коли это так, как ты говоришь, я тебе позволю взять сколько хочешь луковиц, но только с одним условием: ты должен мне отдать того ребенка, который у твоей жены родится. Ей будет у меня хорошо, и я буду о нем заботиться, как родная мать».

С перепугу он на все согласился, и когда его жене Бог дал дочь, тотчас явилась волшебница, назвала ребенка Колокольчиком и унесла к себе.

Колокольчик была прелестнейшая девочка. Когда ей минуло двенадцать лет, волшебница заключила ее в башню среди леса, и в той башне не было ни двери, ни лестницы, только на самом верху маленькое окошечко.

Когда волшебница хотела попасть в башню, то подходила к ней и кричала снизу:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз!

А волосы у девушки были чудные, тонкие, как золотая пряжа.

Заслышав голос волшебницы, она распускала свои косы, обвиняла их вверху около оконного затвора, и тогда ее волосы золотистой волной падали на двадцать локтей ниже окна, и волшебница по ним взбиралась наверх.

Года два спустя случилось однажды тем лесом проезжать королевичу, и путь ему лежал мимо той башни. И услышал он в той башне пение, которое было так приятно, что он приостановился и стал прислушиваться.

Это пела затворница – в своем уединении она старалась скоротать время, потешаясь своим милым голоском.

Королевич хотел было взобраться на ту башню и стал искать вход в нее, но дверей никаких не оказалось.

Он поехал домой; однако же это пение так тронуло его сердце, что он каждый день ходил в лес и все прислушивался.

Однажды стоял он около башни, укрывшись за деревом, и увидел, что приблизилась к ней волшебница, и услышал, как она снизу вверх крикнула:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз!

Девушка опустила вниз свои заплетенные косы, и волшебница поднялась по ним наверх башни.

«Коли наверх башни по этой лестнице ходят, – подумал королевич, – так я тоже когда-нибудь попытаю счастья».

И на другой же день с наступлением темноты он подошел к башне и крикнул:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз!

Тотчас спустились косы сверху, и королевич взобрался по ним на башню.

Сначала девушка очень испугалась, когда к ней вошел мужчина, а она ни одного и в глаза не видывала!

Но королевич заговорил с нею очень ласково и рассказал ей, как его сердце было тронуто ее пением и как он с тех пор не мог успокоиться, пока ее не увидел.

Тогда у нее и страх прошел, и когда он ее спросил, не желает ли она взять его себе в мужа (а она видела, что он и молод, и прекрасен), то она подумала: «Ему я буду милее, чем старой Гошель». Так звали волшебницу.

И отвечала она согласием, и подала ему руку.

Она сказала: «Я охотно пойду с тобою, только не знаю, как бы мне вниз сойти. Когда ты будешь ко мне приходить, то приноси каждый раз с собою моток шелку: я из него стану плести лестницу, и когда она будет готова, я по ней сойду, и ты меня возьмешь с собою на коня».

Они условились, что он будет бывать у нее каждый вечер, потому что по утрам приходила к ней старуха.

Волшебница, со своей стороны, ничего не замечала, пока однажды девушка не спросила ее: «Скажите, пожалуйста, госпожа Гошель, отчего это мне гораздо труднее бывает вас поднимать сюда на башню, нежели молодого королевича? Тот в один миг уж и здесь!» – «Ах ты, безбожница! – воскликнула волшебница. – Что я от тебя слышу? Я думала, что тебя от всего света удалила, а ты все же обманула меня!»

В гневе своем ухватила она чудные волосы девушки, обмотала ими раза два левую руку, а в правую взяла ножницы и – раз, раз! – волосы обрезала, и чудные косы пали к ногам волшебницы. Не удовольствовавшись этим, волшебница была настолько безжалостна, что унесла бедняжку в дикую пустыню, где та должна была проводить жизнь в великом горе и лишениях.

В тот же день, расправившись с девушкой, волшебница под вечерок закрепила косы наверху к оконному затвору, и когда королевич приехал и крикнул:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз! —

она спустила косы вниз, королевич взобрался по ним наверх, но встретил там не свою милую, а волшебницу, которая бросила на него злобный взгляд. «А-га! — воскликнула она насмешливо. — Ты приехал за своей милой; но только эта красивая птичка уже не сидит в своем гнездышке и не поет более — кошка ее утащила, да еще и тебе-то глаза повыцарапает! Да! Ты ее уж никогда более не увидишь».

Королевича забрало такое горе, что он в отчаянии бросился с башни: не убился до смерти, но тот терновник, в который он упал, выколол ему глаза. Так бродил он по лесу, питался одними кореньями и ягодами и горько оплакивал утрату своей милой.

Много лет он скитался в величайшей нищете и наконец попал в пустыню, где бедствовала его милая вместе с теми близнецами, которые у нее родились.

Тогда он вдруг услышал голос, показавшийся ему знакомым; он пошел прямо на этот голос, и, когда приблизился, Колокольчик узнала его и со слезами бросилась ему на шею. Две ее слезинки пали ему на глаза, и глаза снова прозрели, и он мог ими все видеть, как прежде.

Тогда повел он ее с собою в свое королевство, где все приняли их с радостью, и они стали жить счастливые и довольные.

Три человечка в лесу

Жил-был муж, у которого умерла жена; и жила-была жена, у которой умер муж. И у вдовца осталась дочка, и у вдовы – дочка же. Девушки были между собой знакомы и вместе хаживали на прогулки и затем заходили в дом к вдове.

И стала вдова говорить дочери вдовца: «Слышь-ка, скажи своему отцу, что я за него хочу выйти замуж и что ты тогда каждое утро в молоке хоть купайся и вина пей вволю, а моей дочке и водицы будет полно».

Девушка пошла домой и рассказала своему отцу, что говорила вдова. Вдовец сказал: «Что же мне делать? Женишься – нарадуюшься, да женишься же – и наплачешься». Наконец, не зная, на что решиться, он снял с себя сапог и сказал дочке: «Возьми этот сапог (у него в подошве дыра), ступай на чердак, повесь сапог на большой гвоздь и налей в сапог воды. Коли вода в нем удержится – я возьму себе вторую жену; не удержится – не возьму».

Девушка поступила так, как ей было приказано; но от воды подошва разбухла, и дыру затянуло, и сапог оказался полон водой до краев. Дочь доложила об этом отцу. Тот сам взобрался наверх, и когда увидел, что она сказала правду, то пошел он к вдове, посватался за нее и сыграл свадьбу.

На другое утро после свадьбы, когда обе девушки встали, перед вдовцовой дочкой стояло молоко для мытья и вино для питья, а перед вдовой дочкой – вода для мытья и вода для питья.

На следующее утро вода для питья и вода для мытья стояла одинаково и перед вдовцовой, и перед вдовой дочкой.

На третье утро вода для мытья и вода для питья стояла перед вдовцовой дочкой, а молоко для мытья и вино для питья – перед вдовой дочкой; так притом и осталось.

Мачеха падчерицу возненавидела и не знала, как бы ей со дня на день все хуже жизнь испортить. Притом же была она и завистлива, потому что ее падчерица была красива и миловидна, а ее родная дочь некрасива и противна.

Однажды зимою, когда земля замерзла, как камень, а по горам и по долам всюду лежал глубокий снег, мачеха сшила падчерице платье из бумаги, позвала ее и сказала: «Вот, надень это платье, ступай в лес и принеси мне корзиночку земляники; мне очень этой ягоды захотелось!» – «Ах, Боже мой, – сказала падчерица, – да ведь зимою какая же земляника? И земля замерзла, и все снегом покрыто. И зачем же мне идти в лес в бумажном платье? Ведь на дворе так холодно, что дух захватывает. Этакое платье и ветер продует, и терновник разорвет его в клочья у меня на теле». – «Смеешь ты мне еще противоречить? – закричала мачеха. – Проваливай да не смей мне на глаза показываться, пока не наберешь полную корзиночку земляники!»

Потом она дала ей еще кусок черствого хлеба и сказала: «Этим ты можешь день пропитаться». А сама подумала: «Она в лесу замерзнет и околеет с голоду – так авось я ее и никогда больше не увижу».

Падчерица послушалась мачехи, надела бумажное платье и вышла из дома с корзиночкой. Везде кругом только и видно было, что снег, и из-под него не торчало ни одной зеленой былиночки.

Когда она пришла в лес, то увидела там маленький домик; из окошечка того домика выглядывали три крошечных человечка. Она с ними поздоровалась и скромненько постучалась в их дверь. Те крикнули: «Входи!» – и она вошла в комнату и присела на скамью около печки; там хотела она погреться и съесть свой кусок хлеба.

Три крошечных человечка сказали: «Поделись и с нами своим куском». – «Охотно поделюсь», – сказала она, разломив свой кусок надвое и дала им половину. Те спросили ее: «Чего ты здесь ищешь в лесу в зимнее время, да еще в твоём продувном платьишке?» – «Ах, – отве-

чала она, – я должна здесь набрать полную корзиночку земляники и без этого не смею домой возвратиться».

Когда она съела свою долю хлеба, они дали ей метлу и сказали: «Подмети этой метлой снег около задней двери избушки».

И чуть только она вышла за двери, они стали между собой совещаться: «Чем бы ее одарить за то, что она такая славная и добрая, и за то, что хлеб свой поделила с нами?»

Тогда первый сказал: «Я одарю ее тем, что она день ото дня хорошеет станет».

Второй сказал: «Я одарю ее тем, что у нее за каждым словом по червонцу будет выпадать изо рта».

Третий сказал: «А я добьюсь того, что приедет король и возьмет ее в супруги».

Между тем девушка выполнила то, что ей приказали три человечка: размела снег метлою позади избушки, и что же там оказалось? Зрелая земляника, которая так и выставляла из-под снега свои темно-красные ягоды!

Рада-радешенька, она набрала этих ягод полную корзиночку, затем поблагодарила маленьких человечков и каждому из них пожала руку, и побежала домой, чтобы вручить мачехе то, что та желала от нее получить.

Когда она вошла в дом и пожелала мачехе «добрый вечер», у нее вдруг вывалился червонец изо рта.

Затем она стала рассказывать обо всем, что с нею в лесу случилось, и что ни слово, то у ней из уст выпадали червонец за червонцем, так что вскоре вся комната была ими усеяна.

«Подумаешь, какая важность, что она так деньгами швыряет!» – сказала мачехина дочка. Но на самом деле она втайне завидовала падчерице и тоже захотела непременно сходить в лес за земляникой.

Мать отсоветовала ей: «Не ходи, милая доченька, и холодно-то, и простудиться можешь». Но так как та все настаивала на своем, то мачеха наконец уступила, сшила дочке славную шубу, которую та должна была надеть, и дала ей с собою ломоть хлеба с маслом и пирожное про запас.

Дочка пошла в лес и прямо к маленькому домику. Те же три крошечных человечка по-прежнему смотрели в окошечко, но она им не поклонилась и, не поклонившись им и даже не удостоив их взглядом, вошла в избу, присела к печке и стала уписывать свой хлеб с маслом и свое пирожное.

«Поделись с нами!» – крикнули ей человечки, но она им отвечала: «Мне и самой-то мало, так как же я еще другим отделять стану?»

Когда она весь свой запас съела, они сказали ей: «Вот тебе метла, поди-ка размети нам почище снег перед задней дверкой». – «А и сами разметете, – отвечала мачехина дочка, – я вам не служанка».

«Три человечка в лесу». Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Тогда первый сказал:

“Я одарю ее тем, что она день ото дня хорошеет станет”.

Второй сказал:

“Я одарю ее тем, что у нее за каждым словом по червонцу будет выпадать изо рта”.

Третий сказал:

“А я добыю того, что придет король и возьмет ее в супруги”...»

Когда она увидела, что они ничего не хотят ей подарить, она пошла из избушки вон.

Тогда стали маленькие человечки между собою сговариваться: «Чем бы нам ее одарить за то, что она такая неприветливая и сердце у нее такое злое и завистливое, что на нее никто не угодит?»

И первый из них сказал: «Я одарю ее тем, что она день ото дня будет становиться безобразней».

Второй сказал: «Я одарю ее тем, что у нее при каждом слове будет выпадать изо рта жаба».

Третий сказал: «Я одарю ее тем, что она умрет позорною смертью».

А мачехина дочка поискала-поискала в лесу земляники, ничего не нашла и злая-презлая возвратилась домой.

И чуть только открыла рот, чтобы рассказать матери обо всем, что в лесу с ней случилось, как стали у нее за каждым ее словом выскакивать изо рта жабы, да так много и так часто, что она всем скоро опостылела.

Вот и стала мачеха еще более злиться на свою падчерицу, которая день ото дня становилась красивее, и все думала о том, как бы ей причинить какое-нибудь лютое горе.

Наконец, взяла она котел, поставила его на огонь и стала в нем кипятить шерстяную пряжу.

Когда пряжа прокипятилась, она взвалила ее на плечи бедной девушки, дала ей в руки топор и послала ее на реку: пусть, мол, там прорубь прорубит и всю пряжу выполощет.

Падчерица была послушна, пошла на реку и стала прорубать дыру во льду.

И когда прорубала, откуда ни возьмись подкатила к тому месту великолепная карета, в которой сидел сам король.

Карета остановилась, и король спросил: «Дитя мое, кто ты и что ты там делаешь?» – «Я бедная девушка и полощу шерстяную пряжу».

Тогда король над нею сжалился и, видя притом, какая она красавица, сказал ей: «Не хочешь ли ты со мною поехать?» – «О да, от всего сердца желаю», – отвечала она, обрадованная тем, что могла бежать с глаз долой от своей мачехи и сестрицы.

И вот она села в карету и уехала с королем, и когда она приехала в королевский замок, ее свадьба с королем была отпразднована великолепно, сообразно с теми достоинствами, какими одарили падчерицу маленькие человечки в лесу.

Год спустя родила молодая королева сына, и когда мачеха услышала о ее великом счастье, то пришла со своею дочкою в замок и сделала вид, как будто хочет посетить роженицу.

Когда же король как-то отлучился и никого в комнате королевы не было, злая баба схватила несчастную за голову, а дочь ее – за ноги, и выкинули они ее из окошка прямо в реку, протекавшую мимо замка.

Затем мачеха положила свою безобразную дочку на кровать и покрыла ее одеялом поверх головы.

Когда король вернулся и хотел говорить со своею женою, старуха закричала ему: «Ни-ни, теперь говорить нельзя, она лежит в сильнейшей испарине, сегодня вы должны оставить ее в покое».

Королю ничто дурное не пришло при этом в голову, и он опять вернулся в опочивальню жены уже только на другое утро; когда же он стал разговаривать с женою, а она – ему отвечать, то он увидел, что при каждом ее слове у ней из уст выпрыгивала жаба, между тем как прежде выпадало по червонцу. Изумленный этим король спросил, что это значит; но мачеха отвечала, что с королевой это приключилось от сильной испарины и что это пройдет.

А ночью увидел поваренок, как подплыла из реки канавкою утица и заговорила:

Король, что с тобою?

Спишь иль не спишь ты ночью порою?

И, не получив ответа, она продолжала:

А что ж мои гости?

Тогда уж поваренок отвечал ей от себя:

Спят, что на погосте.

И она спросила еще:

А что ж мой ребенок?

И тот отвечал:

Спит среди пеленок.

Тогда птица обернулась королевой, поднялась наверх замка, напоила своего ребенка, взбила ему постельку, прикрыла его потеплее и опять серой утицей уплыла через канавку в реку.

Так приходила она две ночи сряду, а в третью сказала поваренку: «Пойди и скажи королю, чтобы он взял в руки меч свой и трижды взмахнул им надо мною, когда я буду стоять на пороге».

Побежал поваренок и сказал королю, и тот пришел с мечом и трижды взмахнул им над видением.

И по третьему взмаху его супруга стала перед ним жива-живехонька и здоровехонька, как и прежде бывала.

Король был очень этим обрадован, однако же укрыл королеву в особой комнате до того воскресного дня, в который должны были происходить крестины младенца.

И когда младенца крестили, король сказал: «Какую кару следует назначить тому человеку, который возьмет спящего из постели и бросит в воду?» – «Такого злодея, – отвечала мачеха, – лучше всего было бы посадить в бочку, усаженную внутри гвоздями, и ту бочку скатить с горы в воду».

Король отвечал ей на это: «Ты произнесла свой собственный приговор!»

Он велел притащить такую бочку, засадил в нее старуху с ее дочкой и велел крепко заколотить у бочки днище; и ту бочку скатили с горы – прямо в реку.

Три пряжи

Жила-была на свете девица-ленивица и прясть не охотница, и как бы мать ее к тому ни принуждала, а заставить прясть не могла.

Наконец, и до того дело дошло, что мать однажды не вытерпела, рассердилась и побила дочку, а та стала голосом плакать.

Как раз в это время ехала мимо королева, и когда услышала плач, приказала лошадей остановить, вошла в дом и спросила мать, за что она так бьет свою дочь, что ее крики слышны даже на улице.

Матери совестно было обнаружить лень своей дочери, и потому она сказала: «Да вот никак ее от пряжи не отбить – все хочет прясть да прясть, а я-то бедна и не могу для нее постоянно иметь лен наготове».

Тогда королева отвечала: «Я более всего люблю прясть и более всего бываю довольна, когда кругом меня шуршат колеса самопрялок: отпустите вашу дочь со мною в мой замок – там у меня льну довольно, может себе прясть, сколько душе угодно».

Мать была радешенька, и королева увезла ее дочку с собою. По приезде в замок королева повела девушку вверх и показала ей три комнаты, снизу доверху полнешеньких чудеснейшего льна. «Вот перепряди мне весь этот лен, – сказала королева, – и когда перепрядешь, я тебя отдам замуж за моего старшего сына; не посмотрю я и на то, что ты бедна – твое неумолимое старание заменит тебе приданое».

Бедная девушка перепугалась: она не могла и подумать перепрясть такую силу льна, хотя бы она над ним и триста лет просидела и работала бы с утра и до вечера не покладая рук.

Оставшись одна, она стала плакать и так три дня просидела, пальцем не шевельнувши.

На третий день пришла королева и очень удивилась, увидевши, что еще ничего не напрядено; но девица извинялась тем, что она все очень скучала по дому матери своей и потому не начала еще работать. Королева ее выслушала, но, уходя от нее, сказала: «С завтрашнего дня ты должна начать работать».

Когда девица опять осталась одна, то уж решительно не знала, что ей делать, и в горе подошла к окошку.

Вдруг видит, входят во двор три бабы: у одной нога широкая-преширокая и приплюснутая, у другой нижняя губа такая большая, что на подбородок отвисла, а у третьей большой палец на руке огромный!

Они остановились перед окном, взглянули вверх и спросили девушку, о чем она горюет? Она стала жаловаться им на свою беду, и тогда те предложили ей свою помощь и сказали: «Если ты нас к себе на свадьбу пригласишь, нас не постыдишься и назовешь своими тетушками да за стол с гостями посадишь, то мы тебе твой лен напрядем, и притом в самое короткое время». – «От души буду вам рада, – отвечала девица, – входите же скорей и сейчас принимайтесь за работу».

Тогда впустила она этих трех диковинных баб к себе и в первой комнате со льном устроила им выемку, в которой они уселись и принялись прясть. Одна тянула нитку из кудели и вертела колесо, другая смачивала нить, третья скручивала нитку и постукивала пальцем о стол, и как ни стукнет, так и падает наземь известное количество пряжи, и притом самой тонкой.

От королевы она укрывала своих трех прях, и когда та приходила, указывала ей только на груды пряжи, так что та не знала, как и расхвалить ее. Когда первая комната опустела, принялись за вторую, а там и за третью – и ту скорехонько опростали.

Затем три бабы-пряжи распрощались с девицей и сказали ей: «Не забудь только обещанного нам – в том твое счастье».

Когда девица показала королеве пустые комнаты и громадную кучу пряжи, та стала готовить свадьбу, и жених заранее радовался, что жена у него будет такая искусная и старательная, и нахвалиться ею не мог. «У меня есть три тетки, – сказала девица королеве, – и я от них много добра видела, так я и не могу забыть о них в счастье; а потому позвольте их пригласить на свадьбу и посадить с нами за один стол». Королева и жених сказали: «Почему бы нам это не дозволить?»

Когда торжество началось, три тетки вошли в залу, очень странно одетые, и невеста, обращаясь к ним, сказала: «Милости просим, милые тетушки!» – «Ах, – сказал жених, – как это ты можешь дружить с такими уродами?»

Затем он подошел к одной из трех прях, с широкой ступней, и спросил: «Отчего это у вас ступня такая широкая?» – «От нажима, – отвечала она, – от нажима».

Тогда жених подошел к другой пряхе и спросил: «Отчего у вас губа такая отвислая?» – «От смачивания, – сказала она, – от смачивания».

Тут обратился он к третьей: «Отчего у вас такой большущий палец?» – «От скручивания нитки, – сказала она, – от скручивания нитки».

Королевич испугался и сказал себе: «Ну, уж моя-то красавица-жена и не притронется к колесу самопрялки».

Так и избавилась она от необходимости прясть эту несносную льняную пряжу!

Гензель и Гретель

В большом лесу на опушке жил бедный дровосек со своею женою и двумя детьми: мальчишку-то звали Гензель, а девочочку – Гретель.

У бедняка было в семье и скудно, и голодно; а с той поры, как наступила большая дороговизна, у него и насущного хлеба иногда не бывало.

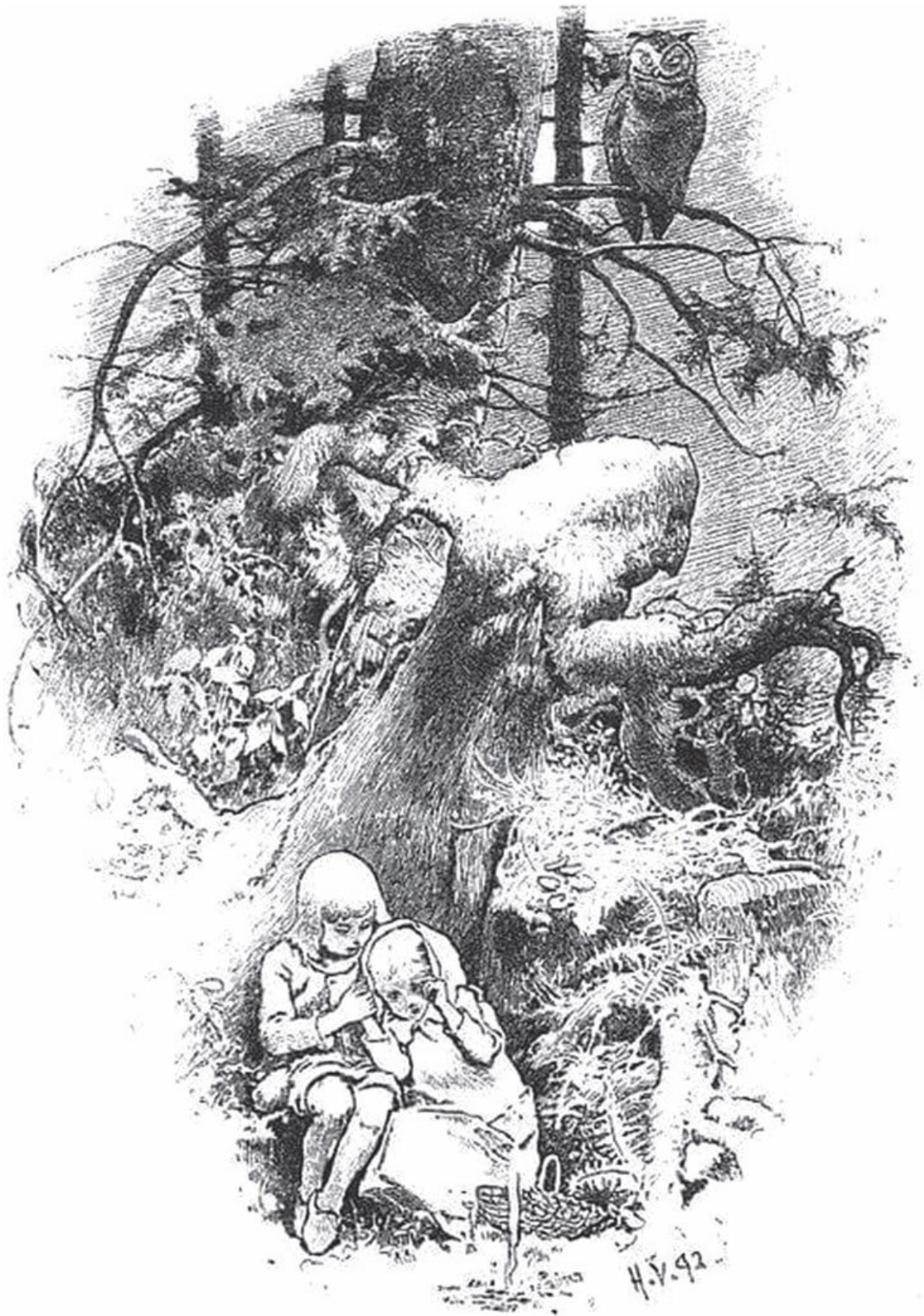
И вот однажды вечером лежал он в постели, раздумывая и ворочаясь с боку на бок от забот, и сказал своей жене со вздохом: «Не знаю, право, как нам и быть! Как будем мы детей питать, когда и самим-то есть нечего!» – «А знаешь ли что, муженек, – отвечала жена, – завтра ранешенько выведем детей в самую чащу леса; там разведем им огонек и каждому дадим еще по кусочку хлеба в запас, а затем уйдем на работу и оставим их там одних. Они оттуда не найдут дороги домой, и мы от них избавимся». – «Нет, женушка, – сказал муж, – этого я не сделаю. Невмоготу мне своих деток в лесу одних оставлять – еще, пожалуй, придут дикие звери да и растерзают». – «Ох ты, дурак, дурак! – отвечала она. – Так разве же лучше будет, как мы все четверо станемдохнуть с голода, и ты знай строгай доски для гробов».

И до тех пор его пилила, что он наконец согласился. «А все же жалко мне бедных деток», – говорил он, даже и согласившись с женою.

А детки-то с голоду тоже заснуть не могли и слышали все, что мачеха говорила их отцу. Гретель плакала горькими слезами и говорила Гензелю: «Пропали наши головы!» – «Полно, Гретель, – сказал Гензель, – не печалься! Я как-нибудь ухитрюсь помочь беде».

И когда отец с мачехой уснули, он поднялся с постели, надел свое платьишко, отворил дверку, да и выскользнул из дома.

Месяц светил ярко, и белые голыши, которых много валялось перед домом, блестели, словно монетки. Гензель наклонился и столько набрал их в карман своего платья, сколько влезть могло.

«Гензель и Гретель в лесу».

Художник – Герман Фогель. 1892 г.

«...Когда же они проснулись, кругом была темная ночь. Гретель стала плакать и говорить: “Как мы из лесу выйдем?” Но Гензель ее утешал: “Погоди только немножко, пока месяц взойдет, тогда уж мы найдем дорогу”...»

Потом вернулся домой и сказал сестре: «Успокойся и усни с Богом: он нас не оставит». И улегся в свою постельку.

Чуть только стало светать, еще и солнце не всходило – пришла к детям мачеха и стала их будить: «Ну, ну, подымайтесь, лентяи, пойдем в лес за дровами».

Затем она дала каждому по кусочку хлеба на обед и сказала: «Вот вам хлеб на обед, только смотрите, прежде обеда его не съешьте, ведь уж больше-то вы ничего не получите».

Гретель взяла хлеб к себе под фартук, потому что у Гензеля карман был полнехонек камней. И вот они все вместе направились в лес.

Пройдя немного, Гензель приостановился и оглянулся на дом, и потом еще и еще раз.

Отец спросил его: «Гензель, что ты там зеваешь и отстаешь? Изволь-ка прибавить шагу». – «Ах, батюшка, – сказал Гензель, – я все посматриваю на свою белую кошечку: сидит она там на крыше, словно со мною прощается».

Мачеха сказала: «Дурень! Да это вовсе и не кошечка твоя, а белая труба блестит на солнце». А Гензель и не думал смотреть на кошечку, он все только потихонечку выбрасывал на дорогу из своего кармана по камешку.

Когда они пришли в чащу леса, отец сказал: «Ну, собирайте, детки, валежник, а я разведу вам огонек, чтобы вы не озябли».

Гензель и Гретель натаскали хворосту и навалили его гора-горой. Костер запалили, и когда огонь разгорелся, мачеха сказала: «Вот, прилягте к огоньку, детки, и отдохните; а мы пойдем в лес и нарубим дров. Когда мы закончим работу, то вернемся к вам и возьмем с собою».

Гензель и Гретель сидели у огня, и когда наступил час обеда, они съели свои кусочки хлеба. А так как им слышны были удары топора, то они и подумали, что их отец где-нибудь тут же, недалеко.

А постукивал-то вовсе не топор, а простой сук, который отец подвязал к сухому дереву: его ветром раскачивало и ударяло о дерево.

Сидели они, сидели, стали у них глаза слипаться от усталости, и они крепко уснули.

Когда же они проснулись, кругом была темная ночь. Гретель стала плакать и говорить: «Как мы из лесу выйдем?» Но Гензель ее утешал: «Погоди только немножко, пока месяц взойдет, тогда уж мы найдем дорогу».

И точно, как поднялся на небе полный месяц, Гензель взял сестричку за руку и пошел, отыскивая дорогу по голышам, которые блестели, как заново отчеканенные монеты, и указывали им путь.

Всю ночь напролет шли они и на рассвете пришли-таки к отцовскому дому. Постучались они в двери, и когда мачеха отперла и увидела, кто стучался, то сказала им: «Ах вы, дрянные детишки, что вы так долго заспались в лесу? Мы уж думали, что вы и совсем не вернетесь».

А отец очень им обрадовался: его и так уж совесть мучила, что он их одних покинул в лесу.

Вскоре после того нужда опять наступила страшная, и дети слышали, как мачеха однажды ночью еще раз стала говорить отцу: «Мы опять все съели; в запасе у нас всего-навсего полкаравая хлеба, а там уж и песне конец! Ребят надо спровадить; мы их еще дальше в лес заведем, чтобы они уж никак не могли разыскать дороги к дому. А то и нам пропадать вместе с ними придется».

Тяжело было на сердце у отца, и он подумал: «Лучше было бы, кабы ты и последние крохи разделил со своими детками». Но жена и слушать его не хотела, ругала его и высказывала ему всякие упрёки.

«Назвался груздем, так и полезай в кузов!» – говорит пословица; так и он: уступил жене первый раз – должен был уступить и второй.

А дети не спали и к разговору прислушивались. Когда родители заснули, Гензель, как и в прошлый раз, поднялся с постели и хотел набрать голышей, но мачеха заперла дверь на

замок, и мальчик никак не мог выйти из дома. Но он все же унимал сестричку и говорил ей: «Не плачь, Гретель, и спи спокойно. Бог нам поможет».

Рано утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Они получили по куску хлеба – еще меньше того, который был им выдан прошлый раз.

По пути в лес Гензель искрошил свой кусок в кармане, часто приостанавливался и бросал крошки на землю.

«Гензель, что ты все останавливаешься и оглядываешься, – сказал ему отец, – ступай своей дорогой». – «Я оглядываюсь на своего голубка, который сидит на крыше и прощается со мною», – отвечал Гензель. «Дурень! – сказала ему мачеха. – Это вовсе не голубок твой: это труба белеет на солнце».

Но Гензель все же мало-помалу успел разбросать все крошки по дороге.

Мачеха еще дальше завела детей в лес, туда, где они отродясь не бывали.

Опять был разведен большой костер, и мачеха сказала им: «Посидите-ка здесь, и коли умаетесь, то можете и поспать немного: мы пойдем в лес дрова рубить, а вечером, как кончим работу, зайдем за вами и возьмем вас с собою».

Когда наступил час обеда, Гретель поделилась своим куском хлеба с Гензелем, который свою порцию раскрошил по дороге.

Потом они уснули, и уж за вечерело, а между тем никто не приходил за бедными детками.

Проснулись они уже тогда, когда наступила темная ночь, и Гензель, утешая свою сестричку, говорил: «Погоди, Гретель, вот взойдет месяц, тогда мы все хлебные крошечки увидим, которые я разбросал, по ним и отыщем дорогу домой».

Но вот и месяц взошел, и собрались они в путь-дорогу, а не могли отыскать ни одной крошки, потому что тысячи птиц, порхающих в лесу и в поле, давно уже те крошки поклевали.

Гензель сказал сестре: «Как-нибудь найдем дорогу», – но дороги не нашли.

Так шли они всю ночь и еще один день с утра до вечера и все же не могли выйти из леса и были страшно голодны, потому что должны были питаться одними ягодами, которые кое-где находили по дороге. И так как они притомились и от истомы уже еле на ногах держались, то легли они опять под деревом и заснули.

Настало третье утро с тех пор, как они покинули родительский дом. Пошли они опять по лесу, но, сколько ни шли, все только глубже уходили в чащу его, и если бы не подоспела им помощь, пришлось бы им погибнуть.

В самый полдень увидели они перед собою прекрасную белоснежную птичку; сидела она на ветке и распевала так сладко, что они приостановились и стали к ее пению прислушиваться. Пропевши свою песенку, она расправила свои крылышки и полетела, и они пошли за нею следом, пока не пришли к избушке, на крышу которой птичка уселась.

Подойдя к избушке поближе, они увидели, что она вся из хлеба построена и печеньем покрыта, да окошки-то у нее были из чистого сахара.

«Вот мы за нее и примемся, – сказал Гензель, – и покушаем. Я вот съем кусок крыши, а ты, Гретель, можешь себе от окошка кусок отломить – оно, небось, сладкое». Гензель потянулся кверху и отломил себе кусочек крыши, чтобы отведать, какова она на вкус, а Гретель подошла к окошку и стала обглаживать его оконницы.

Тут из избушки вдруг раздался пискливый голосок:

Стуки-бряки под окном —
Кто ко мне стучится в дом?

А детки на это отвечали:

Ветер, ветер, ветерок.

Неба ясного сынок! —

и продолжали по-прежнему кушать.

Гензель, которому крыша пришлось очень по вкусу, отломил себе порядочный кусок от нее, а Гретель высадила себе целую круглую оконницу, тут же у избушки присела и лакомясь на досуге — и вдруг распахнулась настежь дверь в избушке, и старая-престарая старуха вышла из нее, опираясь на костыль.

Гензель и Гретель так перепугались, что даже выронили свои лакомые куски из рук. А старуха только покачала головой и сказала: «Э-э, детушки, кто это вас сюда привел? Войдите-ка ко мне и останьтесь у меня, зла от меня никакого вам не будет».

Она взяла деток за руку и ввела их в свою избушечку. Там на столе стояла уже обильная еда: молоко и сахарное печенье, яблоки и орехи. А затем деткам были постланы две чистенькие постельки, и Гензель с сестричкой, когда улеглись в них, подумали, что в самый рай попали.

Но старуха-то только прикинулась ласковой, а в сущности была она злою ведьмою, которая детей подстерегала и хлебную избушку свою для того только и построила, чтобы их при-манивать.

Когда какой-нибудь ребенок попадался в ее лапы, она его убивала, варила его мясо и пожирала, и это было для нее праздником. Глаза у ведьм красные и недальнзоркие, но чутье у них такое же тонкое, как у зверей, и они издали чуют приближение человека. Когда Гензель и Гретель только еще подходили к ее избушке, она уже злобно посмеивалась и говорила насмешливо: «Эти уж попались — небось, не ускользнуть им от меня».

Рано утром, прежде чем дети проснулись, она уже поднялась, и когда увидела, как они сладко спят и как румянец играет на их полных щеках, она пробормотала про себя: «Лакомый это будет кусочек!»

Тогда взяла она Гензеля в свои жесткие руки и снесла его в маленькую клетку, и приперла в ней решетчатой дверкой: он мог там кричать сколько душе угодно, — никто бы его и не услышал. Потом пришла она к сестричке, растолкала ее и крикнула: «Ну, поднимайся, лентяйка, натаасай воды, свари своему брату чего-нибудь повкуснее: я его посадила в особую клетку и стану его откармливать. Когда он ожиреет, я его съем».

Гретель стала было горько плакать, но только слезы даром тратила — пришлось ей все то исполнить, чего от нее злая ведьма требовала.

Вот и стали бедному Гензелю варить самое вкусное кушанье, а сестричке его доставались одни только объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к его клетке и кричала ему: «Гензель, протяни-ка мне палец, дай пощупаю, скоро ли ты откормишься?» А Гензель просовывал ей сквозь решетку косточку, и подслеповатая старуха не могла заметить его проделки и, принимая косточку за пальцы Гензеля, дивилась тому, что он совсем не жиреет.

Когда прошло недели четыре и Гензель все по-прежнему не жирел, тогда старуху одолело нетерпенье, и она не захотела дольше ждать. «Эй ты, Гретель, — крикнула она сестричке, — проворней нанеси воды: завтра хочу я Гензеля заколоть и сварить — каков он там ни на есть, худой или жирный!»

Ах, как сокрушалась бедная сестричка, когда пришлось ей воду носить, и какие крупные слезы катились у ней по щекам! «Боже милостивый! — воскликнула она. — Помоги же ты нам! Ведь если бы дикие звери растерзали нас в лесу, так мы бы, по крайней мере, оба вместе умерли!» — «Перестань пустяки молоть! — крикнула на нее старуха. — Все равно ничто тебе не поможет!»

Рано утром Гретель уже должна была выйти из дома, повесить котелок с водою и развести под ним огонь.

«Сначала займемся печеньем, — сказала старуха, — я уж печь затопила и тесто вымесила».

И она толкнула бедную Гретель к печи, из которой пламя даже наружу выбивалось.

«Полезай туда, – сказала ведьма, – да посмотри, достаточно ли в ней жару и можно ли сажать в нее хлебы».

И когда Гретель наклонилась, чтобы заглянуть в печь, ведьма собиралась уже притворить печь заслонкой: «Пусть и она там испечется, тогда и ее тоже съем».

Однако же Гретель поняла, что у нее на уме, и сказала: «Да я и не знаю, как туда лезть, как попасть в нутро?» – «Дурища! – сказала старуха. – Да ведь устье-то у печки настолько широко, что я бы и сама туда влезть могла», – да, подойдя к печке, и сунула в нее голову.

Тогда Гретель сзади так толкнула ведьму, что та разом очутилась в печке, да и захлопнула за ведьмой печную заслонку и даже засовом задвинула.

Ух, как страшно взывала тогда ведьма! Но Гретель от печки отбежала, и злая ведьма должна была там сгореть.

А Гретель тем временем прямехонько бросилась к Гензелю, отперла клетку и крикнула ему: «Гензель! Мы с тобой спасены – ведьмы нет более на свете!»

Тогда Гензель выпорхнул из клетки, как птичка, когда ей отворят дверку.

О, как они обрадовались, как обнимались, как прыгали кругом, как целовались! И так как им уж некого было бояться, то они пошли в избу ведьмы, в которой по всем углам стояли ящики с жемчугом и драгоценными камнями. «Ну, эти камешки еще получше голышей», – сказал Гензель и набил ими свои карманы, сколько влезло; а там и Гретель сказала: «Я тоже хочу немножечко этих камешков захватить домой», – и насыпала их полный фартучек.

«Ну, а теперь пора в путь-дорогу, – сказал Гензель, – чтобы выйти из этого заколдованного леса».

И пошли – и после двух часов пути пришли к большому озеру. «Нам тут не перейти, – сказал Гензель, – не вижу я ни жердинки, ни мосточка». – «И кораблика никакого нет, – сказала сестричка. – А зато вон там плавает белая утка. Коли я ее попрошу, она, конечно, поможет нам переправиться».

И крикнула утке:

Уточка, красавица!
Помоги нам переправиться;
Ни мосточка, ни жердинки,
Перевези же нас на спинке.

Уточка тотчас к ним подплыла, и Гензель сел к ней на спинку и стал звать сестру, чтобы та села с ним рядышком. «Нет, – отвечала Гретель, – уточке будет тяжело; она нас обоих перевезет поочередно».

Так и поступила добрая утка, и после того, как они благополучно переправились и некоторое время еще шли по лесу, лес стал им казаться все больше и больше знакомым, и наконец они увидели вдали дом отца своего.

Тогда они пустились бежать, добежали до дому, ворвались в него и бросились отцу на шею.

У бедняги не было ни часу радостного с тех пор, как он покинул детей своих в лесу; а мачеха тем временем умерла.

Гретель тотчас вытрясла весь свой фартучек – и жемчуг, и драгоценные камни так и рассыпались по всей комнате, да и Гензель тоже стал их пригоршнями выкидывать из своего кармана.

Тут уж о пропитании не надо было думать, и стали они жить-поживать да радоваться.

Моей сказочке конец.

По лесу бежит песец.
Кто поймать его сумеет,
Тот и шубу займее.

«Гензель и Гретель».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Каждое утро пробиралась старуха к его клетке и кричала ему: “Гензель, протяни-ка мне палец, дай пощупаю, скоро ли ты откормишься?”

А Гензель просовывал ей сквозь решетку косточку, и подслеповатая старуха не могла заметить его проделки...»

Три змеиных листика

В некотором царстве жил да был такой бедняк, которому нечем было прокормить даже своего единственного сына.

Тогда сказал ему сын: «Милый батюшка, вам так плохо живется – я вижу, что я вам в тягость; лучше уж вы отпустите меня, и я пойду, попытаюсь сам заработать себе на хлеб». Тогда отец его благословил и с великою грустью простился с ним.

А как раз около этого времени один могущественный король вел войну с соседним государством; юноша поступил к нему на службу и отправился на войну.

И когда войска сошлись и произошло сражение, он подвергался большой опасности: кругом него так и сыпало свинцовым горохом, многие из его товарищей погибли.

А когда и главный военачальник был убит, то все уже собирались обратиться в бегство; но юноша выступил вперед, ободрил их своею речью и воскликнул: «Не дадим нашему отечеству погибнуть!»

Тогда последовали за ним и все другие, он двинулся вперед и побил врага.

Король, узнав, что он ему обязан победою, возвысил его над всеми, наградил большими богатствами, и стал он в королевстве первым сановником.

У короля была дочка, очень красивая, но и причудница большая. Она дала обет, что выберет себе в супруги и повелители только того, кто обещает ей вместе с нею живым лечь в могилу, если она умрет прежде своего мужа. «Коли он меня точно любит, – говорила она, – так на что ему и жить после моей смерти?»

Зато и она изъявляла готовность поступить точно так же в случае смерти мужа и говорила, что она вместе с ним сойдет в могилу.

Этот странный обет отпугивал от королевны всех ее женихов; но юноша был так увлечен ее красотой, что он ни на что не посмотрел и стал у короля сватать его дочку. «Да знаешь ли ты, – спросил король, – какой обет ты должен дать?» – «Я должен с нею вместе лечь в могилу, – сказал юноша, – если я ее переживу; но любовь моя к ней так велика, что я этой опасностью пренебрегаю».

Тогда король дал свое согласие, и свадьба была сыграна с большой пышностью.

Пожил юноша с женою некоторое время в любви и согласии, и затем случилось так, что юная королевна заболела каким-то очень тяжким недугом, и никакой врач не мог ее вылечить.

Когда же она умерла, юноша вспомнил о своем обещании, и ему страшно стало при мысли, что вот придется живому лечь с женой в могилу; но это было неизбежно: король поставил стражу у всех ворот, и он должен был покориться своей судьбе.

Когда настал день похорон и тело королевны было опущено в королевский склеп, ее супруга свели туда же и вход в склеп задвинули и заперли на замок.

Рядом с гробом поставили стол, на нем четыре свечи, четыре каравая хлеба и четыре бутылки вина. Когда этот запас истощится, юноша должен будет проститься с жизнью.

Вот и сидел он там, скорбный и печальный, съедал каждый день только по кусочку хлеба, выпивал только по глоточку вина и все же видел, как смерть, что ни день, к нему приближалась и приближалась.

И вот, находясь в плену этих скорбных размышлений о предстоявшей ему участи, юноша вдруг увидел змею, которая выползла из угла склепа и приблизилась к покойнице. Юноша подумал, что змея приползла глотать труп его жены, а потому выхватил свой меч и, сказав: «Пока я жив, ты не прикоснешься к ней!» – разрубил змею на три куска.

Немного спустя выползла и другая змея из угла подземелья; но, увидев, что первая змея лежит изрубленная на куски, тотчас уползла в свою нору и вернулась, держа во рту три зеленых листка. Затем она составила три куска змеи, как им следовало быть, и на каждый разруб при-

ложила по листочку. И тотчас же разрубленные части срослись, змея зашевелилась и ожила, и обе поспешно уползли в свою нору.

Листочки остались на полу, и несчастному юноше, который все это видел, пришло в голову, что, может быть, чудодейственная сила листьев, оживившая змею, может точно так же воздействовать и на человека.

Вот он и поднял листья, и один из них приложил к устам покойницы, а два других – к ее очам. И чуть только приложил, кровь стала снова обращаться в ее жилах, и румянец вновь заиграл на побледневших щеках.

Она вздохнула глубоко, открыла глаза и сказала: «Ах, Боже мой! Где это я?» – «Ты у меня в объятьях, милая женушка!» – отвечал ей юноша и рассказал ей, как все произошло и как он ее снова пробудил к жизни.

Потом он дал ей немного вина и хлеба, и когда она опять почувствовала себя окрепшею, то поднялась из гроба, и они вместе пошли к двери склепа и стали стучать и кричать настолько громко, что стража услышала наверху и доложила королю.

Король сам спустился в подземелье и отворил дверь его, и, увидав дочь и зятя живыми и здоровыми, от души порадовался тому, что они избавились от великого бедствия.

А юноша захватил с собою из склепа три змеиных листка, отдал их своему слуге и сказал: «Спрячь их побережнее и во всякое время носи при себе: кто знает, может быть, они нам еще и в другой раз пригодятся».

А надо сказать, что в королевне, которую юный супруг вновь пробудил к жизни, вдруг произошла резкая перемена: казалось, что в сердце ее иссякла разом всякая любовь к мужу.

Когда он спустя некоторое время задумал навестить своего старика-отца и вместе с женою сел на корабль, чтобы ехать за море, королевна, позабыв всю его любовь и преданность и то, что он ее спас от смерти, стала выказывать явную склонность к корабельщику.

И вот однажды, когда юный супруг ее уснул, она этого корабельщика призвала, и они вдвоем, ухватив спящего юношу за голову и за ноги, выкинули за борт корабля в море. Когда это злодейство совершилось, она сказала корабельщику: «Вернемся обратно и скажем отцу, что муж в дороге умер. А тебя я уж так перед отцом распишу и выхваляю, что он меня выдаст за тебя замуж и тебе передаст со временем свой королевский венец».

Однако же верный слуга, который все видел, незаметно успел отцепить маленькую лодку от корабля, спустился в нее, поплыл вслед за своим господином и дал предателям удалиться. Он вытащил своего господина из воды уже мертвым, но при помощи трех змеиных листочков, которые он всегда носил при себе, благополучно оживил его.

Они оба стали гребти изо всех сил, гребли день и ночь, и их лодочка мчалась так быстро по морю, что они ранее большого корабля прибыли к старому королю.

Тот был очень удивлен, что они возвращаются одни, и спросил, что с ними случилось в пути? Когда он услышал о злодеянии своей дочери, то сказал: «Не смею верить тому, чтобы она могла так дурно поступить; а впрочем, правда скоро сама выяснится».

И приказал зятю и слуге его удалиться в потайную комнату и в ней укрыться на время от всех.

Вскоре после того прибыл и большой корабль, и дочь-злодейка явилась к отцу с опечаленным лицом. Он спросил ее: «Почему ты возвращаешься одна? Где же твой муж?» – «Ах, батюшка, – отвечала она, – я возвращаюсь домой в великой скорби: муж мой во время плаванья вдруг заболел и умер, и если бы добрый корабельщик не оказал мне всякой помощи, то и мне тоже, вероятно, несдобровать бы; он присутствовал при кончине моего мужа и может все вам рассказать в подробности».

Тогда король сказал: «Я воскрешу покойного твоего мужа», – и вдруг отпер потайную комнату и вызвал оттуда своего зятя и его верного слугу.

Увидев своего мужа, королева, как громом пораженная, пала на колени и молила о пощаде. Но король сказал: «Нет тебе пощады! Он был готов с тобою вместе умереть и тебя пробудил к жизни, а ты умертвила его во время сна и потому должна понести заслуженную кару!»

И вот она была вместе со своим пособником посажена в дырявый корабль и вывезена в открытое море, где вскоре волны поглотили сообщников.

Белая змея

Много лет тому назад жил на свете король и мудростью своею во всем царстве славился. Ничто не оставалось ему неизвестным, и казалось, что вести о сокровеннейших делах как бы сами собою доносились к нему отовсюду.

Но у того короля был странный обычай: за каждым обедом, когда со стола уже все было убрано и никто, кроме его самого, за столом не оставался, доверенный слуга должен был подавать ему еще одно блюдо. Но блюдо это было закрыто, и сам слуга этот не знал, что было на блюде, да и никто не знал, потому что король не вскрывал блюда и не отвеживал его, пока не оставался один-одинешенек в комнате.

Долго так шло дело, и случилось однажды, что любопытство вдруг одолело слугу в то время, когда он уносил блюдо с королевского стола, да так одолело, что он против него устоять не мог и снес блюдо к себе в комнату.

Тщательно притворив дверь, он приподнял крышку блюда и увидел, что на блюде лежит белая змея. Едва взглянул он на нее, как уж не мог воздержаться, чтобы ее не отведать; отрезал кусочек и сунул в рот.

И чуть только коснулся он этого кушанья языком, как услышал за окном какое-то странное насвистывание многих тоненьких голосков.

Он подошел к окну и стал прислушиваться, и тут узнал, что это воробьи, которые между собой разговаривали и друг дружке рассказывали обо всем, что они в поле и в лесу видели.

Отведав мяса белой змеи, слуга получил способность понимать язык животных.

Вот и случилось, что как раз в этот самый день у королевы пропало ее самое дорогое кольцо, и подозрение в краже пало именно на доверенного слугу, который всюду имел доступ.

Король призвал его к себе, стал его бранить и кричать на него, и пригрозил ему, что если он до завтра не укажет ему виновника пропажи, то сам будет обвинен в ней и предан суду. Напрасно слуга уверял в том, что он не виноват, – король не отменил своего решения.

В тревоге и страхе сошел слуга во двор замка и стал обдумывать, как бы ему выпутаться из своей беды. А тут поблизости тихохонько сидели утки около проточной воды и отдыхали, то охорашиваясь, то оглаживая перья своими широкими клювами; при этом они вели между собою откровенную беседу. Слуга приостановился и прислушался.

Они пересказывали друг дружке, где они сегодня побывали и где какой хороший корм находили; а одна из них и говорит с досадою: «У меня что-то тяжело в желудке, я впопыхах проглотила кольцо, которое лежало под окном королевы».

Тогда слуга тотчас схватил ее за шею, стащил в кухню и сказал повару: «Прирежь-ка вот эту, она уж достаточно отъелась». – «Да, – сказал повар, взвешивая утку на руке, – эта не пожалела труда, чтобы откормиться: ей давно на вертеле быть пора». Он перерезал ей глотку, а когда стал потрошить, то и кольцо королевы нашлось в ее внутренностях.

После этого уж нетрудно было слуге доказать свою невинность, и так как король хотел загладить свою несправедливость, то он ему позволил испросить себе какую угодно награду и обещал дать при своем дворе любое, самое почетное место, какое бы он себе пожелал. Слуга отказался от всего и просил только дать ему коня да немного денег на дорогу, потому что ему хотелось посмотреть на белый свет и постранствовать.

Когда его просьба была исполнена, он тотчас собрался в путь и пустился по белу свету.

При этом странствовании случилось ему однажды проезжать мимо пруда, и увидел он в том пруду трех рыб, которые запутались в тростнике и бились в нем на безводье. Хотя и говорят о рыбах, будто они немые, однако же слуга явственно услышал их жалобы на то, что им предстоит так бедственно погибнуть.

Сердце у юноши было жалостливое – он сошел с коня и спустил всех трех рыб с тростника в воду. Те весело заплескались, выставили из воды головы и крикнули ему: «Мы это тебе припомним и отблагодарим тебя за оказанную нам помощь!»

Он поехал далее, и немного спустя ему показалось, будто он слышит у ног своих, в песке, чей-то голос. Стал юноша прислушиваться и расслышал, как муравьиный царек жаловался: «Кабы нам как-нибудь избавиться от этих людей и их неуклюжих животных! Вот хотя бы эта глупая лошадь – давит себе моих муравьев своими тяжелыми копытами без всякой жалости». Юноша тотчас свернул с дороги на боковую тропинку, и муравьиный царек крикнул ему вслед: «Мы это тебе припомним и в долгу у тебя не останемся».

Дорога привела его к лесу, и в том лесу увидел он старого ворона и ворониху, которые выбрасывали из гнезда своих птенцов, приговаривая: «Прочь отсюда, негодные! Нам уж вас не накормить теперь досыта. Довольно вы подросли – сами, чай, теперь можете прокормиться». Бедные птенчики лежали лежа на земле, трепыхались, похлопывали своими крылышками и кричали: «Бедные мы, беспомощные! Как можем мы себя пропитать, коли еще летать не умеем? Одно и осталось нам – околеть здесь с голода». Тогда добрый юноша сошел с коня, заколол его своим мечом и подкинул его тушу вороньям на пропитание. Те налетели на тушу, насытились и крикнули ему вслед: «Мы это тебе припомним и в долгу у тебя не останемся!»

Пошел добрый молодец пешком, шел да шел и пришел в большой город.

В том городе на улицах было шумно, и народ всюду теснился толпами, и разъезжал кто-то по улицам на коне и выкликал, что вот, мол, королевна ищет супруга, и кто хочет за нее свататься, тот должен выполнить мудреную задачу, а коли ее не выполнит, то должен за это поплатиться жизнью. Многие, мол, уже пытались ту задачу выполнить, однако же лишь напрасно жизнь свою утратили.

Но юноша, увидев королевну, был до такой степени ослеплен ее красотой, что позабыл обо всех опасностях, явился к королю и заявил о своем желании – свататься за королевну.

Вот и повели его к морю и бросили при нем золотое кольцо в волны. Затем король приказал ему это кольцо достать со дна морского и к своему приказу добавил: «Если ты за ним нырнешь и выплывешь без кольца, то тебя опять будут сбрасывать в воду до тех пор, пока ты не погибнешь в волнах».

*«...Все сожалели
о прекрасном юноше
и покинули его на берегу
морском. И он там на
берегу стоял и раздумывал,
как ему быть; вдруг
видит – всплывают
со дна морского три рыбы,
и рыбы те самые, которым
он жизнь спас...»*

«Белая змея».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Все сожалели о прекрасном юноше и покинули его на берегу морском. И он там на берегу стоял и раздумывал, как ему быть; вдруг видит – всплывают со дна морского три рыбы, и рыбы те самые, которым он жизнь спас. Средняя из них держала во рту раковину, которую она и положила на берегу у ног юноши; а когда тот раковину поднял и вскрыл, то в ней оказалось золотое кольцо.

Юноша обрадовался, отнес кольцо королю и ожидал, что тот даст ему обещанную награду. Но гордая королева, узнав, что он ей не ровня по происхождению, с презрением от него отвернулась и потребовала, чтобы он выполнил еще одну задачу.

Она сошла в сад и сама рассыпала в нем десять полных мешков проса. «Завтра к восходу солнца, – сказала она, – он должен все это просо подобрать, да так, чтобы ни одно зернышко не пропало».

Юноша сел в саду под дерево и стал думать, как бы ему выполнить эту задачу; однако же ничего не мог придумать и опечалился, и ожидал, что вот-вот, с восходом солнца поведут его на казнь.

Но когда первые лучи солнца запали в сад, то он увидел, что все десять мешков стоят перед ним полны-полнешеньки, до последнего зернышка! Муравьиный царек приходил ночью со своими тысячами муравьев, и благодарные насекомые с великим усердием потрудились над собиранием проса и ссыпали его в мешки.

Королева сама сошла в сад и с удивлением увидела, что юноша выполнил трудную задачу. Но она все еще не могла побороть своего гордого сердца и сказала: «Хотя он и выполнил обе заданные ему задачи, однако же не бывать ему моим супругом прежде, чем он добудет мне яблоко с дерева жизни».

Юноша и знать не знал, где растет это дерево жизни, однако же собрался в путь и задумал идти по белу свету, пока его понесут резвые ноги. Но он не надеялся это дерево разыскать.

Вот он пошел и прошел уже через три царства, когда однажды под вечерок пришел в лес, сел под дерево и собирался соснуть; вдруг слышит шум и шелест в ветвях, и золотое яблоко прямо падает ему в руку. В то же самое время слетели с дерева три ворона, сели к нему на колено и сказали: «Мы – те самые три вороненка, которых ты спас от голодной смерти. Когда мы выросли да услышали, что ты ищешь яблоко с дерева жизни, то полетели мы за море, на самый край света, где растет дерево жизни, – и вот принесли тебе оттуда это яблоко».

Добрый молодец обрадовался, вернулся к красавице королеве и поднес ей золотое яблоко. Тогда у той уж не было больше никаких отговорок.

Они поделили яблоко с дерева жизни и скушали его вдвоем; и наполнилось ее сердце любовью к юноше, и они в нерушимом счастье дожили до глубокой старости.

Соломинка, уголек и боб

В одной деревне жила бедная старушка; и набрала она однажды целое блюдо бобов, и собиралась их варить. На очаге своем она вздула порядочный огонек, а чтобы он разгорался повеселее, подкинула в огонь пучок соломы.

Когда она стала сыпать бобы в горшок, один боб незаметно соскользнул с блюда, упал на пол и очутился там рядом с соломинкой; а тут еще к ним обоим выскочил и раскаленный уголек из печки.

Тогда соломинка повела речь и сказала: «Милые друзья, откуда это вы сюда пожаловали?»

Уголь отвечал: «Я, по счастью, ускользнул от огня, и если бы я этого не добился, то гибель моя была бы неизбежна: пришлось бы в золу перегореть».

Боб добавил: «Да вот и я тоже кое-как уцелел; и если бы старуха засадила меня в горшок, пришлось бы и мне развариться в кашу, как и всем моим землякам». – «И мне тоже повезло, – сказала соломинка, – всех моих собратьев старуха сожгла и на ветер дымом пустила – с полсотни соломинок разом захватила в горсть да и прикончила. А вот мне-таки посчастливилось – проскользнула у нее между пальцев».

«А что нам теперь делать?» – спросил у товарищей уголек.

«По-моему, – отвечал боб, – так как нам удалось счастливо избежать гибели, то мы и должны действовать заодно, как добрые товарищи; а чтобы нас здесь опять не постигло какое-нибудь несчастье, нам следует всем вместе выселиться отсюда и перебраться в иную страну».

Это предложение понравилось остальным приятелям, и они собрались все вместе в путь-дорогу.

Вскоре, однако же, подошли они к маленькому ручью, а так как через него не было перекинуто ни мостика, ни дощечки, то они и не знали, как им переправиться.

Соломинке пришло в голову мудрое решение, и она сказала: «Я перекинусь поперек ручья, а вы сможете переправиться по мне, как по мосточку».

Вот и растянулась соломинка с бережка на бережок, и уголек, горячий и скоренький по природе, сейчас задумал перебежать по новопостроенному мосточку.

Но как добрался он до середины да слышал под собою плеск воды, его страх-то и обуял: он приостановился и не решался двинуться далее.

Соломинка загорелась, распалась на две части и упала в ручей; уголек рухнул в воду вслед за нею, зашипел в воде и был таков.

Боб, который из осторожности все еще оставался на берегу, стал что есть мочи хохотать над своими приятелями и хохотал до того, что наконец лопнул.

Пришлось бы и ему пропадать, кабы, на его счастье, не случился тут же странствующий портной: он отдыхал на берегу ручья.

Сжалился он над бобочком, достал иглу и нитку и сшил обе половинки.

Боб очень его благодарил, но так как портной пустил в дело черную нитку вместо белой, то с тех пор у всех бобов остался черный шов посередине.

О рыбаке и его жене

Рыбак с женою жили в дрянной лачужке у самого моря. Рыбак ходил каждый день на море и удил рыбу. Так и сидел он однажды за ужением и все смотрел на блестящие волны – сидел да посиживал.

Вдруг удочка его погрузилась на дно глубоко-глубоко, и когда он ее стал вытаскивать, то выволок вместе с ней и большую камбалу.

И сказала ему рыбина: «Слышь-ка, рыбак, прошу тебя, отпусти меня на волю: я не настоящая камбала, я – замороженный принц. Ну, что тебе в том, что ты меня съешь? Я тебе не по вкусу придусь; лучше брось меня опять в воду, отпусти меня на простор». – «Ну, – сказал рыбак, – напрасно ты и столько слов потратила; я бы и без того, конечно, отпустил на свободу такую рыбину, которая по-нашему говорить может». И с этими словами он отпустил рыбину в воду, и пошла камбала на дно, оставляя следом по себе в воде кровавую струйку. Посмотрел рыбак, да и поплелся к жене в свою лачужку.

«Что же, муженек, – сказала жена, – или ты сегодня ничего не поймал?» – «Нет, – сказал рыбак, – я сегодня изловил камбалу, и она мне сказала, что она не камбала, а замороженный принц; ну, я и отпустил ее опять в море». – «Так разве же ты себе у нее ничего не выпросил?» – сказала жена. «Нет, да и чего же мне у нее просить?» – «Ах, – сказала жена, – да ведь нам же так скверно живется в этой лачужке, и вони, и грязи у нас вдоволь; выпросил бы нам у нее избушку получше. Ступай-ка да вызови ее из моря: скажи ей, что нам нужна изба понаряднее, и она, наверно, даст нам ее». – «Ах, – сказал рыбак, – ну что я там еще пойду шляться!» – «Да ведь ты же ее изловил и опять на волю выпустил – она для тебя, наверно, все сделает».

Не хотелось рыбаку идти, но не хотелось и жене перечить – и поплелся он к морю.

Когда пришел он на море, море потемнело, и волны уже не так блестели, как утром. Подошел он и сказал:

Рыба, рыба, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

Приплыла к нему камбала и сказала: «Ну, что ж тебе надобно?» – «Да вот, – сказал рыбак, – я-то тебя сегодня изловил, так жена-то моя говорит, будто я должен у тебя что-нибудь себе выпросить. Не хочет, вишь, она больше жить в лачужке, в избу хочет на жительство перейти». – «Ну, ступай, – сказала камбала, – все тебе будет».

Пошел рыбак домой и видит – жена-то его уж не в лачужке, а на месте лачужки стоит нарядная изба, и его жена сидит перед избою на скамье.

И взяла его жена за руку, и сказала ему: «Войди-ка сюда да посмотри – теперь нам жить-то будет гораздо лучше».

И вошли они в избу: в избе просторные сени и большая комната, и покойчик, в котором их кровать стоит, и чулан с кладовою, и везде-то полки, и на полках-то всякого добра наставлено, и оловянной, и медной посуды – все необходимое. А позади дома небольшой дворик с курами и утками и маленький садик с зеленью и овощами. «Посмотри-ка, – сказала жена, – разве это не хорошо?» – «Да, – сказал рыбак, – мы теперь заживем припеваючи». – «А вот посмотрим», – сказала жена. После этого они поужинали и пошли спать.

Так прошло недели с две, и сказала жена: «Слышь-ка, муженек, изба-то нам уж очень тесна, а двор и сад слишком малы; твоя камбала могла бы нам и побольше дом подарить. Я бы хотела жить в большом каменном замке; ступай-ка к камбале, проси, чтобы подарила нам

каменный замок». – «Ах, жена, жена! – сказал рыбак. – Нам и в избе хорошо. Ну, как мы будем жить в замке?» – «Ах, что ты понимаешь? Ступай к камбале: она все это может сделать». – «Нет, жена! – сказал рыбак. – Камбала только что дала нам избу; не могу я к ней сейчас же опять идти: ведь она, пожалуй, может и разгневаться». – «Да ступай же! – сказала жена. – Она все это может сделать и сделает охотно. Ступай!»

У рыбака куда как тяжело было на сердце, он и идти не хотел; он сказал самому себе: «Этак делать не следует!» – и под конец все же пошел.

Когда он пришел к морю, море изрядно потемнело, стало иссиня-серым и не было уже таким светлым и зеленоватым, как прежде, однако же еще не волновалось. Тогда он подошел и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего еще она хочет?» – спросила камбала. «Да вот, – сказал рыбак не без смущения, – она хочет жить в большом каменном замке». – «Ступай к ней, вон она стоит перед дверьми», – сказала камбала. Повернул рыбак к дому, стал подходить – и видит перед собою большой каменный дворец, а жена его стоит на крыльце и собирается войти во дворец; и взяла его за руку и сказала: «Войдем со мною вместе».

Вошли и видят, что полы все в замке выстланы мраморными плитами и везде множество слуг, которые отворяли перед ними двери настежь; и стены-то все блестели, обитые прекрасными обоями, а в покоях везде и стулья, и столы золоченые, и хрустальные люстры спускаются с потолка, и всюду ковры разостланы; всюду столы ломятся от яств и самых лучших вин. А позади замка большой двор с конюшнею и коровником; и экипажи в сараях стоят самые лучшие. Был там сверх того большой и прекрасный сад с красивейшими цветами и плодовыми деревьями, и парк тянулся, по крайней мере, на полмили от замка, полный оленей, диких коз и зайцев, и всего, чего душа пожелает.

«Ну-ка, – сказала довольная жена, – разве все это не прекрасно?» – «О да! – сказал рыбак. – На этом мы и остановимся, и станем жить в этом чудесном замке; теперь у нас всего вдоволь». – «А вот посмотрим да подумаем», – сказала жена. С этим они и спать легли.

На другое утро жена проснулась первая, когда уж совсем рассвело, и из своей постели стала осматривать благодатную страну, которая простиралась кругом замка.

«О рыбаке и его жене».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...»Что же, муженек, – сказала жена, – или ты сегодня ничего не поймал?» – «Нет, – сказал рыбак, – я сегодня изловил камбалу, и она мне сказала, что она не камбала, а заворуженный принц; ну, я и отпустил ее опять в море»...»

Муж все еще спал и не шевелился, и она, толкнув его локтем в бок, сказала: «Муженек, вставай да глянь-ка в окошко. Надумалось мне – отчего бы нам не быть королем да королевой над всею этою странюю? Сходи ты к рыбине, скажи, что хотим быть королями». – «Ах, матушка, – сказал рыбак, – ну, как это мы будем король да королева? Я никак не могу королем быть!» – «Ну, коли ты не можешь быть королем, так я могу быть королевой. Ступай к рыбине, скажи, что хочу быть королевой». – «Ах, жена! Ну, где ж тебе быть королевой? Я этого ей и сказать не посмею!» – «А почему бы не сказать? – крикнула жена. – Сейчас же ступай – я должна быть королевой!»

Пошел рыбак от жены и был очень смущен тем, что его жена задумала попасть в королевы. «Не следовало бы так-то, не следовало бы!» – думал он про себя. И не хотел идти к морю, однако пошел-таки. И когда пришел к морю, море было свинцово-серое и волновалось, и воды его были мутны. Стал он на берегу и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего там еще хотите?» – спросила камбала. «Ах, – сказал рыбак, – да ведь жена-то хочет королевой быть!» – «Ступай домой, будет по воле ее», – сказала камбала.

Пошел рыбак домой – и видит, что замок разросся и стал гораздо обширнее, и ворота у замка большие, красивые; а у входных дверей стоит стража, и везде кругом много солдат

с барабанами и трубами. Вошел во дворец, видит – везде мрамор да позолота, и бархат, и большие сундуки с золотом. Открылись перед ним настежь и двери залы, где весь двор был в сборе, и увидел он жену свою на высоком золотом троне с алмазами, в большой золотой короне, а в руках у нее скипетр из чистого золота с драгоценными камнями, а по обе стороны ее по шести девиц в ряд, одна другой красивее.

Стал он перед женою и сказал: «Ну вот, женушка, ты теперь и королевой стала!» – «Да, – сказала она, – я теперь королева!»

Постоял он против нее, помялся, поглазел на нее и сказал: «А что, женушка, небось хорошо в королевах-то быть? Чай, теперь уж ничего не пожелаешь!» – «Нет, муженек, – сказала жена с тревогою, – соскучилась я быть королевой и не хочу больше. Поди, скажи рыбине, что я вот теперь королева, а хочу быть кайзером». – «Ах, женушка! Ну, на что тебе быть кайзером!» – «Муж! Ступай к рыбине: хочу быть кайзером!» – «Ах, да нет же! – отвечал рыбак. – Кайзером она не может тебя сделать, и я ей об этом и слова замолвить не посмею; ведь королей-то много, а кайзер-то один! Наверно знаю, что не может она тебя кайзером сделать – и не может, и не может!» – «Что такое? Я королева, а ты мой муж – и смеешь мне перечить? Сейчас пошел туда! Могла меня рыбина королевой сделать, сможет сделать и кайзером! Слышишь, хочу быть кайзером! Сейчас пошел к рыбине!»

Вот и должен он был пойти. И, идучи к морю, он крепко тревожился и все думал про себя: «К плохому дело идет! Кайзером быть захотела – уж это совсем бессовестно! Надоест она своей дурью рыбинке!»

В этих думах подошел он к морю; а море-то совсем почернело и вздулось, и ходили по нему пенистые волны, и ветер свистал так, что рыбаку было страшно. Стал он на берегу и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего она еще хочет?» – сказала камбала. «Ах, камбала-матушка! Жена-то теперь кайзером быть хочет!» – «Ступай к ней, – сказала рыбка, – будет по ее воле».

Пошел рыбак домой – и видит перед собой громадный замок, весь из полированного мрамора, с алебастровыми статуями и золочеными украшениями. Перед входом в замок маршируют солдаты, в трубы трубят и бьют в барабаны; а внутри замка бароны и графы, и герцоги расхаживают вместо прислуги: они перед ним и двери отперли (и двери-то из чистого золота!). И когда он вошел в залу, то увидел жену свою на троне высоком-превысоком, из литого золота; на голове у нее золотая корона в три локтя вышиной, вся усыпанная бриллиантами и яхонтами; в одной руке у нее скипетр, а в другой – держава; и по обе стороны трона стоят в два ряда стражники, один красивее другого, и выстроены по росту – от самого громадного верзилы до самого маленького карлика, с мизинчик.

А перед троном стоят князья и герцоги.

Стал перед женой муж и сказал: «Ну, женушка, ты теперь кайзер?» – «Да, я теперь кайзер!» Посмотрел он на нее, полюбовался и сказал: «Небось, женушка, хорошо быть кайзером?» – «Ну, чего ты там стал? – сказала жена. – Я теперь кайзер, а хочу быть папой. Ступай, проси рыбину». – «Ах, женушка! Чего ты еще захотела? Папой ты быть не можешь: папа один на весь крещеный мир! Этого и рыбинка не может сделать». – «Муж! – сказала она. – Я хочу быть папой! Сейчас ступай к морю! Сегодня же хочу быть папой!» – «Нет, женушка, этого не смею я сказать рыбине! Это и нехорошо, да и слишком уж дерзко: папой не может тебя камбала сделать!» – «Коли могла кайзером сделать, сможет и папой!» – сказала жена. – Сейчас пошел к

морю! Я кайзер, а ты – мой муж! Пойдешь или нет?» Перепугался он и пошел, и совсем упал духом; дрожал, как в лихорадке, и колени у него сами подгибались.

Когда подошел он к морю, сильный ветер дул с моря, погоняя облака на небе, и было сумрачно на западе: листья срывало с деревьев, а море плескалось и шумело, ударяясь о берег, и видны были на нем вдали корабли, которые раскачивались и колыхались на волнах. Но все же на небе еще был заметен клочок лазури, хоть и явно было, что с юга надвигается буря. Вышел он на берег, совсем перепуганный, и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего она еще хочет?» – сказала камбала. «Ох, – проговорил рыбак, – хочет она папою быть!» – «Ступай к ней; будет по ее воле», – сказала камбала.

Пошел он обратно, и когда пришел, то увидел перед собою громадную кирху, кругом обстроенную дворцами. Едва пробился он сквозь толпу народа.

А внутри кирхи все было освещено тысячами и тысячами свечей, и жена его в одежде из чистого золота сидела на высочайшем троне, а на голове у ней были три большие золотые короны. Кругом ее толпилось много всякого духовенства, а по обе стороны трона стояли в два ряда свечи – от самой большой, толщиной с доброе бревно, до самой маленькой, грошовой свечурочки. А кайзеры и короли стояли перед ней на коленях и целовали ее туфлю.

«Женушка, – сказал рыбак, посмотревши на жену, – да ты, видно, папа?» – «Да, я теперь папа!»

Смотрел он, смотрел на нее, и казалось ему, что он смотрит на солнышко красное. Немного спустя и говорит он ей: «Ах, женушка, небось, хорошо тебе папой быть?» А она сидела перед ним прямо и неподвижно, словно деревянная, и не двигалась, не трогалась с места. И сказал он: «Женушка! Ну, теперь, чай, довольна? Теперь ты папа и уж ничем больше не можешь быть?» – «А вот еще подумаю», – сказала жена.

И затем они отправились спать; но она все еще не была довольна, и ее алчность не давала ей уснуть, и все-то она думала, чем бы ей еще можно быть.

Муж, набегавшись за день, спал отлично и крепко, а жена, напротив того, совсем не могла заснуть и все ворочалась с боку на бок, и все придумывала, чего бы ей еще пожелать, и ничего придумать не могла.

А между тем дело шло к восходу солнца, и когда она увидала зарю, то пододвинулась к самому краю кровати и стала глядеть из окна на восходящее солнце...

«А, – подумала она, – да разве же я не могу тоже повелевать и солнцу, и луне, чтобы они восходили?»

«Муж, а муж! – сказала она и толкнула его локтем под ребра. – Проснись! Ступай опять к рыбине и скажи, что я хочу быть самым Богом!»

Муж еще не совсем очнулся от сна, однако же так перепугался этих слов, что с кровати свалился. Ему показалось, что он ослышался; он стал протирать себе глаза и сказал: «Ах, женушка, что это ты такое сказала?» – «Муженек, – сказала она, – я не могу повелеть ни солнцу, ни месяцу, чтобы они восходили, да и видеть того не могу, как солнце и месяц восходят, и покойна ни на час не буду, пока не дано мне будет самой повелевать и солнцем, и месяцем!»

И так на него посмотрела, что его мороз по коже продрал. «Сейчас же ступай туда! Я хочу быть самым Богом!» – «Ах, женушка! – воскликнул рыбак и пал перед нею на колени. – Да ведь этого камбала не может сделать! Кайзером и папой она еще могла тебя сделать; так вот и прошу я тебя, образумься, останься папой!»

Тут она пришла в ярость, волосы у ней взъерошились на голове, и она крикнула во все горло: «Не смей со мною так говорить! Не смей! Сейчас проваливай!»

Тогда он мигом собрался и побежал к морю, словно помешанный. А на море бушевала буря, да такая, что он еле на ногах держался: дома и деревья падали, и горы тряслись, и осколки скал, обрываясь, скатывались в море, и небо было черным-черно, и гром гремел, и молния блистала, и волны ходили по морю, похожие на горы, увенчанные белой пеною. Выйдя на берег, он закричал во весь голос, и все же не мог расслышать даже собственных слов:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего же еще она хочет?» – спросила камбала. «Ах, – пролепетал он, – она хочет быть самим Господом Богом». – «Ступай же к ней – она опять сидит в своей лачуге».

Там они еще и по сегодня сидят да посиживают, на море синее поглядывают.

Храбрый портняжка

Жарким летним днем сидел один портняжка, скрестив ноги, на своем столе у окошка; он был в очень хорошем настроении и работал иглою что было мочи.

А тут как раз случилось, что шла баба по улице и выкрикивала: «Сливовое варенье, сливовое варенье!» Этот крик портняге очень по нутру пришелся; он выставил свою головушку в окошко и тоже крикнул: «Сюда ступай, тетка! Тут есть на твой товар покупатель».

Поднялась баба на три лестницы со своим тяжелым коробом к портняжке в каморку и должна была перед ним все горшки с вареньем выставить. Он их все осмотрел и все понюхал, и сказал наконец: «Кажись, хороша штука! А ну-ка, тетка, отвесь мне этого добра лота с четыре, а то, пожалуй, и всю четверть фунта».

Торговка, которая, судя по его зазыву, надеялась порядочно сбыть ему своего товара, отвесила ему потребное количество, однако же вышла от него очень недовольная и с ворчаньем.

«Ну, вот теперь мы это съедим во славу Божию, – весело воскликнул портняжка, – а как съедим, так и силы подкрепим». Затем достал хлеб из шкафа, откroил себе ломоть во весь каравай и намазал варенье на ломоть. «Это будет на вкус недурно, – сказал он, – да вот я только дошью сначала жилет, а потом уж и примусь за ломоть».

Положил он лакомый кусок поближе к себе, стал опять шить, но, желая поскорее шитье окончить, спешил и делал стежки все больше и больше.

А между тем запах лакомого куска почуяли мухи, которых великое множество сидело по стенам; запах их приманил, и они слетелись на кусок туча-тучей. «Эге! Вас-то кто сюда звал?» – сказал портняжка и стал отгонять непрошенных гостей. Но мухи его языка не понимали и уговоров не слушали, и слетались к куску отовсюду. Тут уж портняжка не вытерпел, ухватил он тряпицу, насторожился: вот я, мол, ужо задам вам, да как хватит тряпицей по насевшим мухам!

Посмотрел, сосчитал и видит – семь мух насмерть убил: тут же и ноги протянули, сердешные. «Вот каков я храбрец! – сказал он и сам подивился своей удаче. – Об этом весь город должен узнать!» И тут же выкроил он себе широкий пояс, сшил его и на нем большими буквами вышил: «Единым махом семерых побивахом!»

«Да что мне город! Пусть весь свет о моем подвиге знает!» – сказал себе портняжка, и сердце забилося в нем от гордого сознания собственного мужества.

И вот портной опоясался своим поясом и задумал пуститься по белу свету, потому что его мастерская показалась ему уж слишком тесной для его удали.

Но прежде чем пуститься странствовать, стал он шарить по всему дому, не найдется ли там чего-нибудь такого, что он мог бы взять с собою в дорогу; однако же ничего не нашел, кроме творожного сыра, который и сунул на всякий случай в карман. Около ворот увидел он птицу, запутавшуюся в кустарнике, и ту сунул в карман.

А затем пустился в путь-дорогу, и так как был проворен и на ногу легок, то и не чувствовал никакой усталости от ходьбы. Дорога привела его на гору, и когда он достиг ее вершины, то увидел там великана: сидит на дороге, кругом посматривает. Портняжка прямо к нему подошел, заговорил с ним и сказал: «Здорово, товарищ! Что это ты тут сидишь, на белый свет посматриваешь? Вот я задумал по свету постранствовать, счастья попытать; так не хочешь ли ты со мною в товарищах идти?»

Великан презрительно посмотрел на портного и проговорил: «Ах ты, дрянь! Жалкая тварь!» – «А! Вот как! – ответил ему портняжка, да и расстегнул верхнее платье, и показал великану свой пояс: – Ну-ка, прочти, каков я человек!» Великан прочел: «Единым махом семе-

рых побивахом!» – подумал, что портной сразу может побить семь человек, и проникся некоторым уважением к этому малышу.

Однако же он захотел его испытать; взял в руки камень да так стиснул, что из камня вода потекла. «А ну-ка, попробуй это сделать, коли ты силен!» – сказал великан. «Только и всего?» – сказал портной. – Помилуй, да это у нас пустяками считается!» Выхватил из кармана творожный сыр и стиснул его вместе с камнем так, что сок на землю закапал. «Что? Небось, это почище твоего будет?»

«Храбрый портняжка».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...И тут же выкроил он себе широкий пояс, сшил его и на нем большими буквами вышил: «Единым махом семерых побивахом!»...»

Великан и сам не знал, что ему сказать, и поверить не мог, что этот человечиска обладал такою силою.

И вот поднял великан с земли камень и швырнул его вверх с такою силою, что его едва видно стало, и сказал: «Ну-ка, ты, малявка, подкинь-ка так!» – «Недурно брошено, – сказал портной, – однако же твой камень все же на землю пал; а вот я тебе брошу камень так, что он никогда больше на землю не падет!»

Сунул руку в карман, выхватил оттуда птицу и швырнул ее в воздух. Птица, радешенька, что на свободу вырвалась, взвилась высоко-высоко и не вернулась более. «Что? Каково, товарищ?» – спросил портной. «Бросаешь ты недурно, – промолвил великан, – а вот посмотрим, можешь ли ты снести порядочную тяжесть?»

Он подвел портняжку к мощному дубу, который был срублен и лежал на земле, и сказал: «Коли ты силен, так помоги мне вытащить это дерево из леса». – «Изволь, – сказал портной, – только ты ствол-то на плечи себе взвали, а я понесу на себе сучья и ветви – ведь это, чай, потяжелее ствола будет».

Великан взвалил себе ствол дуба на плечи, а портной сел верхом на одну из ветвей, и великану, который никак не мог оглянуться назад, пришлось тащить на себе все дерево да сверх того еще и портного... А портной ехал себе на ветке, насвистывая веселую песенку: «Вот как шли наши ребята да направо из ворот», – стараясь этим выказать, что ему эта ноша – сущие пустяки.

Великан, протащив страшную тяжесть на порядочное расстояние, выбился из сил и сказал: «Слышь, я сейчас дерево сброшу!» Портной тотчас спрыгнул с ветки, ухватился за дерево обеими руками, словно бы нес его, и сказал великану: «Дивлюсь я на тебя! Ты такой верзила, а не можешь этакое дерева снести!»

Пошли они и дальше, дошли до вишневого дерева; великан ухватил его за вершину, около которой были самые зрелые ягоды, нагнул, дал портному подержать ее в руках и стал угощать его ягодами. Но у портняжки не было силенки удержать дерево за вершину, и когда великан его выпустил из рук, дерево разогнулось, и портного подбросило вверх. Когда он, однако же, без всякого вреда для себя соскочил опять с дерева на землю, великан спросил его: «Что это? Ужели у тебя нет силы даже и этот хлыст в руках удержать?» – «Не в силе тут дело! – смело отвечал портняжка. – Это сущий пустяк для того, кто семерых побивает! А я захотел прыгнуть через дерево, потому видел, что охотники стреляли в кусты под деревом. Попробуй-ка ты прыгнуть по-моему!» Великан попробовал прыгнуть, а все же через дерево перепрыгнуть не мог и повис на ветвях его, так что и тут портняжка одержал над ним верх.

Великан сказал: «Коли ты уж такой храбрец, так ступай со мной в нашу пещеру и переночуй у нас!» Портняжка согласился и последовал за ним.

Пришли они в пещеру, и увидел портняжка там около огня еще и других великанов, и у каждого в руках было по жареному барану, которых они уплетали.

Портняжка осмотрелся кругом и подумал: «Да тут попросторнее, чем у меня в мастерской». Великан указал ему на кровать и сказал: «Ложись на ней да выпись хорошенько». Но портняжке была та кровать чересчур велика; он и не подумал лечь на нее, а залез себе в угол.

В самую полночь великан, думая, что портняжка спит уже крепким сном, поднялся со своей постели, взял большой железный лом и одним ударом перешиб кровать пополам, и думал, что он из этой малявки и дух вышиб вон.

Ранешенько утром великаны направились в лес, а о портняжке и думать забыли; а он тут как тут, выходит, посвистывает. Великаны перепугались – им показалось, что он их теперь всех перебьет, и разбежались кто куда.

А портняжка пошел себе своею дорогою, куда глаза глядят. Долго шел он и пришел наконец во двор королевского дворца, и так как он порядком поутомился, то растянулся на траве и заснул.

Во время его сна подошли к нему люди из королевской челяди, осмотрели его со всех сторон и прочли у него на поясе надпись: «Единым махом семерых побивахом».

«Э-э, – сказали они, – да на какую же потребу этот богатырь сюда пожаловал в мирное время? Ведь надо полагать, что это не простой человек». Пошли и доложили королю, и выразили при этом такое мнение, что на случай войны этот пришелец мог бы очень и очень пригодиться и что отпускать его ни под каким видом не следует.

Королю этот совет пришелся по нутру, и он послал к портняжке одного из своих придворных, которому и дал такое поручение: «Поди, обожди, пока он выспится, и, когда проснется, предложи ему поступить в мое войско на службу».

Посланный стал около спящего незнакомца, обождал, пока тот начал потягиваться и наконец продрал глаза, тогда он передал ему то, что поручил передать король. «Вот-вот, я для этого-то и пришел сюда, – отвечал придворному портняжка, – и готов поступить к королю на службу». Тут его с почестями приняли на службу, и ему отведено было особое жилье.

Все ратники королевские были очень недовольны прибытием портняжки и желали от души, чтобы он провалился в тридевятое царство. «Чего тут ждать хорошего? – говорили они между собою. – Ведь, чего доброго, коли мы с ним поссоримся да он на нас накинется, так от каждого взмаха семерых как не бывало! Где же тут нашему брату с ним тягаться?»

Тогда они решили все вместе идти к королю и просить у него об отставке. «Где уж нам, – сказали они, – выстоять рядом с таким удальцом, который одним махом семерых побивает!»

Король очень опечалился тем, что из-за этого одного он должен лишиться стольких верных слуг; он пожалел, что польстился на его службу, и стал подумывать, как бы ему от этого удальца избавиться. Однако же он не решился прямо дать ему отставку: «Чего доброго, он еще и меня убьет, и всю рать мою перебьет, да на мое место королем сядет».

Долго он так и этак дело обдумывал и придумал, наконец, как ему следует действовать.

Послал король к портняжке и приказал ему сказать: «Уж коли ты такой богатырь, так я тебе вот что предложу. В одном из лесов в моем королевстве поселились два великана и огромный наносят вред своими хищениями, убийствами, опустошениями и поджогами. Никто к ним и подойти не смеет, не подвергая свою жизнь величайшей опасности. Вот если ты этих обоих великанов одолеешь и убьешь, то я отдам тебе мою единственную дочь в супруги и полкоролевства моего в приданое». При этом король предлагал, чтобы сотня всадников за ним следовала и оказывала бы ему во всем поддержку.

«Недурно бы для такого молодца, как я, – подумал портняжка, – еще и красавицу-королевну подцепить. Ну, да и полкоролевства тоже не каждый день подвертывается!»

И он послал сказать королю: «Ладно, великанов я одолею; а твоей сотни всадников мне, пожалуй, и не надобно; кто семерых одним махом побивает, тому, конечно, не могут быть страшны двое».

И вот портняжка пустился в поход, а сотня всадников за ним последовала.

Подойдя к опушке того леса, где великаны жили, он сказал своим спутникам: «Вы остановитесь здесь, а я уж один как-нибудь с великанами управлюсь», – и шмыгнул в лес, и стал в нем осматриваться. Немного спустя он и завидел обоих великанов: они спали под деревом и храпели так, что над ними ветки колыхались.

Портняжка, не будь глуп, набил себе оба кармана камнями и залез на то дерево, под которым спали великаны. Взобравшись туда, он сел на ветку как раз над ними и стал оттуда сбрасывать одному из них камень за камнем на грудь.

Долго не мог он добиться того, чтобы великан это почувствовал, однако все же тот проснулся, толкнул товарища и сказал: «Ты чего меня бьешь?» – «Тебе это, видно, приснилось, – отвечал тот, – я и не думал тебя бить». И опять полегли они спать.

Тогда уж портняжка сбросил камень на второго. «Это еще что? С чего ты вздумал бросаться камнями?» – «Да я вовсе и не бросаю», – отвечал первый великан и стал ворчать. Поругались они между собою, но так как оба были утомлены, то потом замолкли и опять закрыли глаза.

А портняжка опять за то же принялся: выбрал камень поувесистее да и швырнул его изо всей силы в грудь первому великану. «Ну, это уж чересчур!» – крикнул тот, вскочил, как полоумный, и так двинул своего товарища о дерево, что дерево зашаталось.

Тот не остался в долгу, и они оба пришли в такое исступление, что стали вырывать деревья с корнями и теми деревьями побивать друг друга, пока, наконец, оба не пали мертвые на землю.

Тут и портняжка спрыгнул с дерева. «Еще счастье, – сказал он, – что они не вырвали того дерева, на котором я сидел, а не то пришлось бы мне, как белочке, на другое перепрыгивать: ну, да мы же и проворны!» И вынул он свой меч, и нанес каждому из великанов по два хороших удара в грудь; потом вышел из леса к всадникам и сказал: «Дело сделано! Я их обоих доконал! А жаркое было дело: они деревья с корнем выворачивали и ими отбивались, да ничего не могли против меня сделать, потому что я одним махом семерых побиваю». – «И вы не ранены?» – спросили его спутники. «Все обстоит благополучно, – сказал портной, – они на мне и волоска не помяли».

Те не хотели ему верить и въехали в лес: там нашли они великанов окровавленных, а кругом них лежали вырванные с корнями деревья.

Портняжка потребовал от короля обещанной награды, а тот уже успел в своем слове раскаяться и стал придумывать, как бы ему сбыть этого удальца с рук. «Прежде чем ты получишь руку моей дочери и половину моего королевства в приданое за нею, – сказал король, – ты должен совершить еще один подвиг. В том же лесу рыщет единорог, и много от него терпим мы бед. Вот ты его и излови!» – «Одного единорога я еще менее опасуюсь, нежели двоих великанов. Семерых одним махом – вот это мое дело!»

Он взял с собою топор и веревку, направился в лес и опять-таки велел обождать на опушке тем, кому приказано было его сопровождать.

Недолго пришлось ему искать: единорог вскоре и сам вышел к нему и прямо устремился на портного, собираясь сразу пронзить его своим рогом. «Постой, постой, потише! – сказал портняжка. – Так скоро-то нельзя же!» И в то время как зверь уж совсем на него насккивал, он проворно юркнул за дерево. Единорог со всего разбега ткнулся в дерево и так крепко всадил в его ствол свой острый рог, что не в силах был его сразу вытащить и очутился как бы на привязи. «Ну, теперь не уйдешь от меня», – сказал портняжка, обвязал веревкой единорогу шею, потом вырубил топором его рог из древесного ствола и преспокойно вывел зверя из леса и привел к королю.

Король и тут не хотел еще удостоить его обещанной награды и придумал третье условие. До свадьбы портной должен был изловить ему в лесу страшного кабана, который наносил большой вред лесу; королевские егеря должны были оказать ему в этом содействие.

«Отчего же не изловить? – сказал портняжка. – Это для нас плевое дело!» Егерей он с собой в лес не взял, и те были этому рады-радешеньки, потому что этот кабан такого нагонял на них страха, что у них отпала всякая охота за ним гоняться.

Когда кабан завидел портного, он с пеною у рта и оскалив клыки бросился на него, намереваясь его сшибить с ног; но наш ловкач успел вскочить в часовню, стоявшую поблизости, и из той часовни тотчас же выскочил в окошко. Кабан – за ним; а тот уже успел обежать кругом часовни и захлопнуть ее дверь; яростное животное попало таким образом, как в западню, так как при своей толщине и неуклюжести оно никак не могло выпрыгнуть в окошко.

И вот портняжка призвал егерей, и они должны были собственными глазами увидеть пойманного зверя; а наш удалец отправился к королю, и тот уж, волей или неволей, должен был наконец исполнить свое обещание и отдать ему дочь в супруги и полкоролевства в приданое.

Кабы он знал да ведал, что награждает не настоящего богатыря, а простого портняжку, ему бы это было еще тягостнее! Как бы то ни было, а свадьбу сыграли богато и не очень весело – и вот простой портной стал королем.

Несколько времени спустя молодая королева услышала однажды ночью, как ее супруг говорил во сне: «Эй, малый! Сшей мне жилет и заштопай штаны, не то попотчую тебя аршином!» Тут она догадалась, откуда ее муженек родом.

Стала она на другое утро жаловаться отцу и просила, чтобы тот избавил ее от мужа – простого портного. Король старался ее утешить и сказал: «В следующую ночь не замыкай своей спальни, мои слуги будут уж наготове, и чуть только он заснет, они войдут, свяжут его и снесут на корабль, который его увезет за море».

Королева была этим довольна, но один из оруженосцев старого короля, который слышал всю беседу и притом был очень предан молодому королю, сообщил ему об этой затее. «Ну, я с ним сумею управиться!» – сказал портняжка.

Вечерком в обычный час улегся он в постель, и жена его также. Когда, по ее предположению, он уже уснул, она поднялась, отомкнула дверь спальни и опять легла на свое место. Портняжка только прикидывался, что спит, а сам все это слышал; и вот начал он громко кричать: «Малый, сшей мне жилет и заштопай штаны, а не то я тебя попотчую аршином! Я семейных побил одним махом, двух великанов убил, единорога на веревке к королю привел, кабана изловил – так неужели же тех испугаюсь, которые там за дверьми стоят?»

Когда те услышали эти речи портняжки, на них напал великий страх, и они все бросились бежать, словно бы за ними гналась нечистая сила; и никто уж никогда не задумывал больше поднять на него руку.

Так и случилось, что наш портняжка и на всю жизнь до самой своей смерти остался королем.

«Храбрый портняжка».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Тот не остался в долгу, и они оба пришли в такое исступление, что стали вырывать деревья с корнями и теми деревьями побивать друг друга, пока наконец оба пали мертвые на землю...»

Замарашка

Случилось как-то, что жена одного богатого человека заболела, и когда она почувствовала, что ее конец близок, то подозвала к своей постели единственную дочку и сказала: «Милое дитя, будь всегда доброю и Бога не забывай, тогда он тебе будет помощник; а я с того света на тебя смотреть стану и всегда духом буду с тобою». Затем она закрыла глаза и почил.

Дочка каждый день ходила на могилку матери и постоянно была ко всем добра, и Бога не забывала. Пришла зима, прикрыла могилку снежным пологом, и чуть только снег растаял от весеннего солнца, отец сиротки женился на другой женщине.

Мачеха ввела в дом своих двух дочерей, белолицых и красивых с виду, но злых и бессердечных. Тогда наступила тяжелая година для бедной падчерицы. «Неужели эта дура будет у нас в комнатах сидеть! – заговорили мачехины дочери. – Кто хочет хлеба есть, тот поди-ка заработай его: прочь отсюда, судомойка!»

Они отняли у нее хорошие платья, напялили на нее старое серое платьишко и обули ее в деревянные башмаки. «Гляньте-ка на эту гордячку, как она вырядилась!» – заговорили они, стали смеяться и отвели бедняжку в кухню.

Там должна она была с утра до вечера нести на себе всю черную работу, вставать рано, до света, воду носить, огонь разводить, стряпать и мыть. Сверх того названные сестрицы старались всякими способами ее огорчать, осмеивали ее, высыпали в золу горох и чечевицу, приготовленные для кушанья, так что бедная сиротинка должна была выбирать их из золы по зернышку.

Вечеру, утомившись от работы, она не имела даже кровати, на которую могла бы лечь: она должна была рядом с очагом ложиться в золу и на ней спать. И так как она от золы была постоянно покрыта и пылью, и грязью, то злые сестры и называли ее Замарашкой.

Случилось однажды, что отец собрался на ярмарку и спросил своих падчериц, чего им оттуда привезти. «Красивые наряды», – сказала одна из них. «Жемчуг и драгоценные камни», – сказала другая. «Ну, а тебе, Замарашечка, – спросил отец, – тебе что привезти?» – «Батюшка, привези ту веточку, которая на обратном пути прежде всех хлестнет тебя по шляпе; ту отлomi и привези мне!»

Вот и закупил он своим двум падчерицам нарядные платья, жемчуг и драгоценные камни; а на обратном пути, в то время как он пробирался сквозь зеленую чащу кустов, ветка орешника хлестнула его так сильно, что и шапку с него сбила долой. Ту ветку он обломил и прихватил с собою.

Приехав домой, он отдал падчерицам то, что им было любо, а Замарашке – ветку орешника. Замарашка поблагодарила его, пошла на могилку матери, посадила над нею свою веточку и плакала так неутешно, что слезы ее обильно оросили эту ветку. И выросла веточка в целое деревцо.

Замарашка каждый день трижды ходила под это деревцо, плакала там и молилась, и каждый раз прилетала на то дерево и садилась беленькая птичка, и стоило только бедняжке высказать какое-нибудь желание, как уж птичка сейчас его выполняла и сбрасывала ей с деревца то, что она пожелает.

Случилось как-то, что король той страны затеял праздник, и праздник тот должен был продолжаться три дня; на этот праздник он задумал созвать всех красавиц со всего королевства, чтобы его сын мог себе выискать между ними невесту. Обе названные ее сестры, услышав, что и они тоже должны явиться на тот праздник, стали поласковее, призвали Замарашку и сказали: «Расчеши нам волосы, вычисти башмаки и закрепь на них пряжки – мы идем на праздник в королевский замок».

Замарашка повиновалась им, однако же заплакала, потому что и ей тоже хотелось идти вместе с сестрами и потанцевать; она даже попросила у мачехи, чтобы та ее отпустила на празд-

ник. «Ты, Замарашка, – крикнула мачеха, – вся ты в грязи и в пыли, и тоже на праздник собираешься! Нет на тебе ни платишка, ни башмаков – и туда же танцевать лезешь!»

Когда Замарашка не стала более просить ее, то мачеха сказала ей: «Вот я тебе высыпала в золу полное блюдо чечевицы, и если ты через два часа сумеешь эту чечевицу из золы выбрать, тогда, пожалуй, ступай вместе с сестрами на праздник!»

Бедная сиротка сошла по черной лестнице в сад и крикнула во весь голос: «Голубки-голубочки, милые дружочки, и вы все, пташечки поднебесные, слетайтесь сюда, помогите мне, бедной, собрать чечевички:

Те, что годны, в горшочек,
А негодны – в зобочек».

И слетелись на зов ее к окошку кухни сначала два белых голубка, а потом турманы мохноногие, а затем и целые стаи всяких пташечек поднебесных и опустились на золу. И стали голубки кивать головками и начали клевать: пик, пик, пик, пик; и другие тоже: пик, пик, пик, пик – и собрали все годные зерна в блюдо. И часу не прошло, как у них все было готово, и они улетели опять в то же окошко.

Принесла Замарашка блюдо к мачехе с радостью и думала, что вот и ей будет дозволено отправиться с сестрами на праздник.

Но мачеха сказала ей: «Нет, Замарашка, у тебя и платьев не припасено, и танцевать ты не можешь, над тобой только смеяться станут». Когда бедняжка стала плакать, мачеха сказала: «Вот если ты мне два блюда чечевицы в час времени из золы выберешь дочиста, тогда, пожалуй, пойдешь». А сама думала: «Где же ей это сделать?»

Но когда она высыпала ей два блюда чечевицы в золу, девушка вышла черным крыльцом в сад и крикнула: «Голубки-голубочки, милые дружочки, и вы все, пташки поднебесные, слетайтесь сюда, помогите мне, бедной, собрать чечевички:

Те, что годны, в горшочек,
А негодны – в зобочек».

И слетелись на зов ее к окошку кухни сначала два белых голубка, а потом турманы мохноногие, а затем и целые стаи всяких пташек поднебесных и опустились на золу. И стали голубки кивать головками и поклевывать: пик, пик, пик, пик; и другие тоже: пик, пик, пик, пик – и собрали все годные зерна в два блюда. И получаса не прошло, как у них все уже было готово, и все они опять улетели в окошко.

Понесла бедняжка оба блюда к мачехе и радовалась, что вот ей будет дозволено отправиться на праздник с сестрами. Но мачеха сказала ей: «Напрасно ты стараешься: ты не пойдешь с нами; у тебя и нарядов нет, и танцевать ты не умеешь; нам бы пришлось краснеть за тебя».

Повернувшись к бедняжке спиной и поспешно удалилась со своими двумя горделивыми дочками.

Оставшись одна-одинешенька в доме, Замарашка пошла на могилу матери под ореховое деревцо и воскликнула:

Встряхнись, встrepенись ты, мое деревцо,
Просыпь на меня злато-серебрецо.

Тогда птичка кинула ей серебряное платье с золотом и туфельки, расшитые шелками и серебром.

Девушка поскорее оделась и поспешила на праздник. А названные сестры ее и мачеха, ничего об этом не зная, подумали, что это какая-нибудь чужая королева – такой красавицей была она в своем платье, разукрашенном золотом. Замарашка им и в голову не пришла: они думали, что она сидит себе дома да выбирает чечевички из золы.

Сам королевич вышел красавице навстречу, взял ее за руку и все с ней танцевал. Да так и не захотел ни с кем больше танцевать, и руки ее из своей руки не выпустил, и когда подходил к ней кто-нибудь из мужчин, королевич говорил: «Я сам с ней хочу танцевать».

Так и проплясала она до самого вечера. А когда захотела домой вернуться, то королевич сказал ей: «Я пойду с тобою и провожу тебя». Ему смерть как хотелось посмотреть, чья она дочь и из какого дома родом. Но она от него ускользнула и взобралась на голубятню.

Обождal немного королевич, видит, отец Замарашки идет, и говорит ему: «Вот туда на голубятню взобралась одна красавица!» Отец подумал: «Уж не Замарашка ли?» – потребовал топор да багор и надвое рассек голубятню, а в ней никого не оказалось. А когда они домой вернулись, Замарашка по-прежнему лежала в своем грязном платышке на золе, а около нее на трубе тускло горела маленькая масляная лампа.

Замарашка была проворна: она с одной стороны взобралась на голубятню, а с другой спустилась и мигом под орешинной очутилась; там скинула она свой богатый наряд, положила его на могилку, и птичка снова унесла этот наряд, а сама Замарашка опять напялила на себя серые лохмотья и села в кухне на кучу золы.

На другой день, когда праздник начался снова и родители с названными сестрицами опять ушли из дома, Замарашка пошла к орешине и сказала:

Встряхнись, встрепенись ты, мое деревцо,
Просыпь на меня злато-серебрецо.

И птичка сбросила ей платье, еще богаче, еще наряднее вчерашнего. И когда она в этом наряде явилась на празднество, все надивиться не могли ее красоте.

А королевич уж поджидал ее, взял ее тотчас за руку и танцевал только с ней одной. Когда другие мужчины подходили к ней, чтобы пригласить ее на танец, королевич говорил: «Я с ней танцую».

По наступлении вечера Замарашка надумала удалиться, а королевич пошел за нею следом и хотел посмотреть, в какой дом она войдет; но та юркнула в сторону и убежала в сад позади дома. В том саду росло прекрасное большое грушевое дерево, и на нем много было чудных груш; на него-то и взобралась Замарашка, словно белочка, и укрылась в ветвях его; а королевич даже и не знал, куда она подевалась.

Подождал он немного, пока подошел отец Замарашки, и сказал ему: «Вот тут одна красавица от меня ускользнула, и мне сдается, что она залезла на эту грушу».

Отец подумал: «Уж не Замарашка ли это?» – потребовал топор и срубил дерево; но на дереве никого не оказалось. И когда они все вернулись домой, увидели Замарашку, как и всегда, на ее куче золы.

Она проворна была: с одной стороны на дерево влезла, с другой стороны прыгнула, вернула свой наряд птичке, что сидела на орешине, и опять напялила свои старые лохмотья.

На третий день, когда родители и названные сестры ушли из дома, Замарашка опять пошла на могилку матери и сказала деревцу:

Встряхнись, встрепенись ты, мое деревцо,
Просыпь на меня злато-серебрецо.

Тут птичка сбросила ей платье, такое великолепное и так ослепительно блиставшее, что такого еще никто не видал; а к этому платью и туфли чистого золота.

Когда она явилась на празднество в этом наряде, все ей дивились, как чуду.

Королевич только с ней и танцевал, а если подходил к ней кто-нибудь другой, он говорил: «Я с ней танцую».

Когда наступил вечер, Замарашка хотела уйти, и королевич по-прежнему хотел идти за ней следом; но она так быстро от него ускользнула, что он не поспел за ней.

Однако же он заранее пустился на хитрость: велел вымазать всю лестницу смолою. Как сбегала Замарашка с лестницы, одна ее туфелька и пристала к ступеньке. Королевич туфельку поднял, и туфелька та была маленькая, хорошенькая и вся золотая.

На следующее утро пришел королевич с этой туфелькой к отцу Замарашки и сказал ему: «Моей супругой будет только та, которой этот золотой башмачок придется впору».

Услышав это, обрадовались обе названные сестрицы, потому что ноги у них были красивые.

Старшая пошла с башмачком в особую комнату и стала его примерять при матери. Стала примерять и видит: никак не влезает в башмак ее большой палец, потому что башмак ей мал. Вот мать и подала ей нож, и говорит: «Отрежь палец-то! Ведь коли будешь королевой, не придется тебе пешком ходить!»

Послушалась дочка матери, срезала палец, втиснула ногу в башмак, прикусила губу от боли и вышла к королевичу. Тот взял ее себе в невесты, посадил на коня и повез к себе домой.

Пришлось им проезжать мимо могилки; а на орешине сидят два голубка и воркуют:

Гули, гули, гулюшки,
Весь башмак-то в кровушке:
Ножке, видно, нет в нем места!
Это не твоя невеста.

Королевич глянул на ногу невесты и увидел, как кровь из башмачка текла.

Он тотчас повернул коня, вернул старшую дочку родителям и сказал, что это не настоящая его невеста: пусть, мол, другая сестра примерит башмачок.

Пошла эта сестра в особую комнату, и когда стала надевать башмачок, то пальцы-то у нее влезли в него, но пятка была слишком велика. Тогда мать подала ей нож и сказала: «Отруби кусок от пятки! Будешь королевой, не придется тебе больше пешком ходить!»

Дочь отрубила часть пятки, втиснула кое-как ногу в башмачок, скрыла боль нестерпимую и вышла к королевичу. Тот ее, как невесту, посадил на своего коня и поехал с ней.

Но когда они проезжали мимо орешины, то сидели на ней два голубка и ворковали:

Гули, гули, гулюшки,
Весь башмак-то в кровушке:
Ножке, видно, нет в нем места!
Это не твоя невеста.

Посмотрел королевич невесте на ногу и увидел, как кровь текла из башмачка и покраснелся от нее белый чулочек.

Повернул он своего коня обратно и привез эту невесту к родителям в дом. «Эта тоже не настоящая! – сказал он. – Нет ли у вас еще одной дочки?» – «Нет, – сказал отец, – а вот только еще от моей первой, покойной жены осталась этакая маленькая, дрянненькая Замарашечка – уж та-то, конечно, тебе не невеста».

Королевич захотел ее непременно видеть; но мачеха отвечала: «Да нет же, она такая грязная, что ее никак и показать не смеем».

А королевич все настаивал на своем, и должны были, наконец, позвать к нему Замарашку.

Та сначала вымыла чистенько лицо и руки, потом вышла и поклонилась королевичу, который подал ей золотой башмачок. Она тут же присела на скамеечку, скинула свой деревянный башмак и сунула ногу в туфельку, которая по ее ноге пришлась, как облитая, и как она поднялась со скамеечки и королевич глянул ей в лицо, то он тотчас узнал в ней ту красавицу, с которой танцевал, и воскликнул: «Вот она, настоящая-то невеста!»

Мачеха и обе названные сестры перепугались и побелели от досады; а королевич взял Замарашку к себе на коня и повез ее к себе в замок. Когда они проезжали мимо орешины, два белых голубка ворковали:

«Замарашка».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Однако же Принц заранее пустился на хитрость: велел вымазать всю лестницу смо-
лою. Как сбегала Замарашка с лестницы, одна ее туфелька и пристала к ступеньке. Короле-
вич туфельку поднял, и туфелька та была маленькая, хорошенькая и вся золотая...»*

Гули, гули, гулюшки,
Нету больше кровушки:

Ножке в туфле полно места.
Вот она – твоя невеста!

И как это проворковали, так тотчас слетели с деревца и сели Замарашке на плечи: один – на правое, другой – на левое, да так и остались у нее на плечах.

Когда пришло время играть свадьбу, лукавые сестрицы тоже явились, хотели примазаться и как будто выказать участие к счастью Замарашки.

Вот свадебный поезд двинулся к церкви, и старшая из названных сестриц шла с правой стороны невесты, а младшая – с левой; и вдруг голубки у каждой из них выклевали по одному глазу.

На обратном пути из церкви старшая шла с левой, а младшая – с правой стороны невесты, и голубки опять выклевали каждой из них по одному глазу.

Так-то и были они наказаны слепотой на всю жизнь за их злобу и лукавство.

Загадка

Жил-был однажды королевич, которому полюбилось скитаться по белу свету, и скитался он один со своим верным слугою. И случилось однажды, что попал он в дремучий лес, и когда наступил вечер, он нигде не мог сыскать себе приюта и не знал, где придется ему провести ночь.

Тут увидел он девушку, которая направлялась к маленькой избушке; подойдя поближе, он заметил, что девушка была молода и красива.

Он вступил с нею в разговор и сказал: «Голубушка, не могу ли я у вас в избушке приютиться на ночь с моим слугою?» – «О да, – отвечала девушка печально, – конечно, вы могли бы там приютиться, да я-то вам не советовала бы; лучше и не заходите туда». – «Почему бы так?» – спросил королевич. «А потому, – отвечала со вздохом девушка, – что моя мачеха чернокнижница – и чужих не жалует».

Тут понял королевич, что он подошел к жилью ведьмы; но так как темнота уже наступала, идти дальше было нельзя, да притом он был и не из трусливых, вот он и вошел в избу.

Старуха сидела в кресле у огня и глядела своими красными глазами на пришельцев.

«Добрый вечер, – пробурчала она и потом добавила ласково: – Присядьте-ка да отдохните».

Она вздула уголья, на которых кипятила что-то в небольшом горшочке.

Дочка же предупредила обоих – и королевича, и его слугу, – чтобы они ничего не пили и не ели, потому что ее мачеха варит одни только отравы.

И вот они спокойно проспали до утра.

Когда уж они изготовились к отъезду и королевич сидел уж на коне, старуха сказала: «Погодите маленько, я попотчую вас на прощанье добрым питьем».

Пока она за тем питьем ходила, королевич уж успел отъехать, и слуга его, подтягивающий подпруги у своего седла, оставался один у домика, в то время как злая ведьма вернулась с питьем.

«Вот, снеси-ка это своему господину», – сказала она; но и договорить не успела, как бутылка в ее руках разлетелась вдребезги, ядовитое пойло брызнуло на коня и оказалось таким вредоносным, что конь тотчас пал мертвый.

Слуга побежал за господином, рассказал ему о случившемся, однако же не захотел седла бросить вместе с лошадыю и побежал назад к избушке, чтобы снять седло с палого коня.

Когда же он к нему подошел, то на нем уж сидел ворон и починал его. «Кто знает, попадется ли нам сегодня что-нибудь лучше этого ворона», – сказал себе слуга. Он убил ворона и прихватил его с собою.

И еще целый день пробирались они по лесу, и все никак не могли из него выбраться.

Только уже при наступлении вечера наткнулись они на постоялый двор и вошли туда. Слуга отдал битого ворона хозяину и приказал его приготовить на ужин.

А они и не знали, что попали в разбойничий вертеп, и вот, когда стемнелось, пришли двенадцать разбойников, чтобы ограбить и убить заезжих гостей.

Но прежде чем приняться за дело, они сели за стол, и хозяин с ведьмою присели к ним же и принялись за миску с похлебкой, в которую нарублено было кусками мясо ворона.

И чуть только они проглотили кусочек-другой этого мяса, как все разом пали мертвые, потому что ворон-то успел уж поесть отравленной конины.

Во всем доме осталась тогда только одна дочка хозяина, девушка честная и ни к каким злодействам не причастная.

Она открыла королевичу все двери в доме и показала ему накопленные богатства.

Но королевич не захотел ничего взять из тех сокровищ и поехал далее со своим слугою. После долгих странствований приехали они в город, в котором жила прекрасная собою и гор-

деливая королева, и приказала она объявить всенародно, что изберет себе в мужа того, кто загадает ей такую загадку, которую бы она не могла разгадать: а если разгадает – голова тому долой!

Она выговаривала себе три дня на отгадку, но была так умна, что всегда угадывала предложенные ей загадки ранее определенного срока. Уже девять искателей ее руки погибли таким образом, когда прибыл королевич и, ослепленный несравненной красотой королевы, решился попытать счастья, не обращая внимания на опасность, грозившую его жизни.

Тогда явился он перед королевой и задал ей загадку: «Что бы это было такое: один жил да был – и никого не побил, а от него двенадцать пали». Она не знала, что бы это могло значить, думала и передумывала, но ничего придумать не могла.

Приказала принести все мудрые гадальные карты, перерыла их от корки до корки, да ничего путного в них не нашла. Одним словом, мудрости ее на этот раз не хватило. Не зная, как помочь беде, королева приказала своей служанке пробраться в спальню королевича, спрятаться там за занавеской и подслушать, что он во сне будет говорить: авось сонный-то и проговорится, и вскроет свою загадку.

Но умный слуга лег в постель на место господина своего, и когда служанка прокралась в спальню, он сорвал с нее плащ и дал ей отведать розог.

Во вторую ночь королева послала свою приближенную в надежде, что ей, быть может, удастся подслушать; но слуга и с нее сорвал плащ и прогнал от постели розгами.

Вот уж на третью-то ночь королевич и подумал, что теперь он может спокойно улечься в свою постель; а между тем в его спальню пробралась сама королева, окутанная в темно-серый плащ, и присела около его изголовья.

И когда ей показалось, что он уж крепко заснул, то она с ним заговорила и ожидала, что он, подобно многим другим, станет ей во сне отвечать на ее вопросы.

А он-то между тем совсем и не думал спать и все прекрасно слышал и разумел.

Тогда и спросила она: «Один никого не побил – что бы это значило?»

Он отвечал ей: «Один – это ворон; поел он отравленной конины и оттого подох». – «А от него двенадцать пали? Это что?» – продолжала расспрашивать королева. «А это двенадцать разбойников, которые мясо того ворона отведали и, отравившись им, померли».

Уяснив себе смысл загадки, она хотела ускользнуть из спальни, но королевич так крепко ухватил ее за плащ, что она должна была сбросить его в опочивальню.

На следующее утро королева объявила, что она загадку отгадала, и приказала позвать двенадцать судей, в присутствии которых она загадку разрешила.

Но юноша попросил судей и его выслушать. «Она ночью пробралась ко мне в спальню и выспросила меня, – сказал он, – иначе она не могла бы отгадать загадки моей!»

Судьи сказали: «Дайте нам какое-нибудь доказательство правоты ваших слов».

Слуга тотчас же вынес на суд все три плаща, и когда судьи увидели темно-серый плащ, который обычно носила королева, то они сказали ей: «Прикажите этот плащ расшить серебром и золотом, он пригодится вам для свадебного наряда».

О мышке, птичке и жареной колбасе

Однажды подружились мышка, птичка и жареная колбаса, повели и хозяйство на общий счет и зажили в мире и согласии, и даже достатком их Бог не обидел. Птичка приняла на себя такой труд: каждый день улетала она в лес и принашивала оттуда вязанку валежничку. Мышка воду носила, печь растопляла и стол накрывала, а жареная колбаса готовила.

Кому хорошо живется, тому все большего и большего хочется. Так-то и случилось.

Встретила однажды птичка по пути в лес другую птицу и рассказала ей, как ей живется, и похвалялась своим житьем.

А встречающая птица и скажи ей, что хвастаться нечем: что она, мол, больше всех работает, а те двое там живут в холе да на воле. Ведь вот, например, мышь: печь затопила, воды натаскала – и ушла себе в свою каморку спать, пока ее не позовут стол накрывать. А колбаса? Та и вовсе все дома торчит, за кушаньем присматривает, а как наступит обеденное время, так ей стоит только раза четыре по каше или по овощам перекатиться – смотришь, они и жирны, и солонны, и совсем готовы, хоть на стол подавай...

Вот прилетела птичка домой, сбросила с себя свою вязанку, сели они все за стол, а после стола завалились спать и проспали до самого утра. Чем бы, кажется, не житье?

На другой день птичка заупрямилась и не захотела больше дров таскать, ссылаясь на то, что уж довольно она у своих товарищей в слугах была да в дурах – не хотят ли они, мол, с нею делом поменяться и попытать свои силы на ее работе.

И как ни упрашивали ее мышка и колбаса, птичка все же настояла на своем!

Делать нечего, надо было испробовать, бросили жребий, и выпал жребий колбасе дрова таскать, а птичке воду носить. Что же случилось?

Колбаса направилась в лес, птичка развела огонь, мышка горшок в печку сунула, и стали выжидать, когда вернется колбаса с запасом дров на следующий день.

Однако же колбаса так долго не возвращалась, что их обеих недоумение охватило, и птичка вылетела колбасе навстречу. И что же?

Невдалеке от дома при дороге видит, как собака преспокойно уплетает жареную колбасу. Птичка накинулась на собаку и стала прямо-таки укорять эту хищницу в насилии; но слова ее так и остались словами: собака оправдывалась тем, что отыскала будто бы у колбасы какие-то подметные письма в сумке, а потому и решила лишить ее жизни.

Птичка опечалилась, подхватила вязанку дров на себя, полетела домой и рассказала все, что видела и слышала.

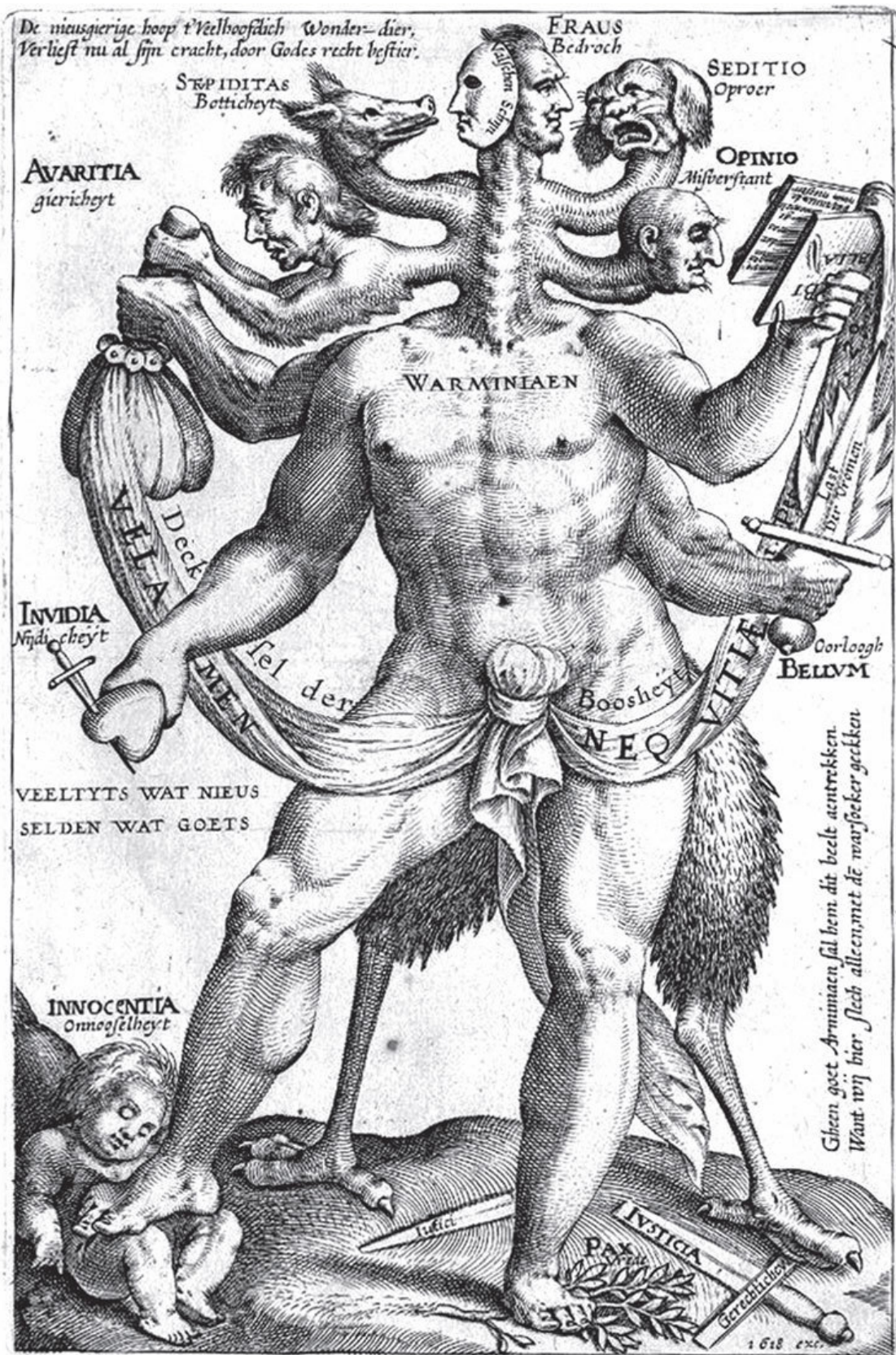
Обе они с мышкой очень горевали, однако все же уговорились не расставаться и сделать все возможное для их общего блага.

Вот и пришлось птичке стол накрывать; а мышка вздумала готовить и захотела подражать жареной колбасе: «Вот покатаюсь по овощам да поваляюсь, так они и поселятся и промаслятся».

Но чуть только она забралась в овощи, кто-то сцапал ее, и должна была она с жизнью расстаться.

Когда птичка пришла и вздумала подавать на стол, то у печки и повара не оказалось.

Птичка, растерявшись, всюду стала разбрасывать принесенные из лесу дрова, стала звать и разыскивать, но все же нигде повара не разыскала. А между тем по неосторожности дрова как-то вспыхнули, пожар разгорелся, птичка бросилась за водой – заливать; да ведро-то у ней в колодец упало, и она за ним туда же, ведра не вытащила, да и сама не выплыла.

Арминианская сатира на жадность.

Гравюра. Художник неизвестен. 1618 г. 5 глав демона обозначены как: «алчность», «глупость», «обман», «предательство», и «непонимание», 4 руки и 4 ноги, 2 из них дьявола при-
датков, меч правосудия разбит у его ног.

«Однако же колбаса так долго не возвращалась, что их обеих недоумение охватило, и птичка вылетела колбасе навстречу. И что же? Невдалеке от дома при дороге видит, как собака преспокойно уплетает жареную колбасу...»

Госпожа Метелица

У одной вдовицы были две дочери-девицы; одна-то была и красива, и прилежна; а другая и лицом некрасивая, и ленивая. Но эта некрасивая да ленивая была вдовице дочь родимая, а к тому же она ее и любила, а на другую всю черную работу валила, и была у ней та в доме замарашкой. Бедняжка должна была каждый день выходить на большую дорогу, садиться у колодца и пряхь до того много, что кровь выступала у нее из-под ногтей.

Вот и случилось однажды, что веретено у ней было все перепачкано кровью; девушка наклонилась к воде и хотела веретено обмыть, а веретено-то у нее из рук выскользнуло и упало в колодец. Бедняжка заплакала, бросилась к мачехе и рассказала ей о своей невзгоде. Та ее так стала бранить и такую выказала себя безжалостною, что сказала: «Умела веретено туда уронить, сумей и достать его оттуда!»

Пришла девушка обратно к колодцу и не знала, что ей делать, да с перепугу-то прыгнула она в колодец – задумала сама оттуда веретено добыть. Она тотчас потеряла сознание, а когда очнулась и снова пришла в себя, то увидела, что лежит на прекрасной лужайке, что на нее и солнышко весело светит, и цветов кругом великое множество.

Пошла девушка по этой лужайке и пришла к печке, которая была полнешенька хлебами насажена. Хлебы ей крикнули: «Вынь ты нас, вынь скорее, не то сгорим: мы давно уже испеклись и готовы». Она подошла и лопатой повынимала их из печи.

Затем пошла она дальше и пришла к яблоне, и стояла та яблоня полнешенька яблок, и крикнула девушке: «Обтряси ты меня, обтряси, яблоки на мне давно уж созрели». Стала она трясти яблоню, так что яблоки с нее дождем посыпались, и трясла до тех пор, пока на ней ни одного яблочка не осталось; сложила их в кучку и пошла дальше.

Наконец, подошла она к избушке и увидела в окошке старуху; а у старухи зубы большие-пребольшие, и напал на девушку страх, и задумала она бежать. Но старуха крикнула ей вслед: «Чего испугалась, красавица-девица? Оставайся у меня, и если всю работу в доме хорошо справлять станешь, то и тебе хорошо будет. Смотри только, постель мне хорошенько стели да перину мою взбивай постарательнее, так чтобы перья во все стороны летели: когда от нее перья летят, тогда на белом свете снег идет. Ведь я не кто иная, как сама госпожа Метелица».

Речь старухи поуспокоила девушку и придала ей настолько мужества, что она согласилась поступить к ней в услужение. Она старалась угодить старухе во всем и перину ей взбивала так, что перья, словно снежные хлопья, летели во все стороны; зато и жилось ей у старухи хорошо, и бранного слова она от нее не слышала, и за столом у ней было всего вдоволь.

Прожив некоторое время у госпожи Метелицы, девушка вдруг загрустила и сначала сама не знала, чего ей недостает, наконец догадалась, что просто истосковалась по дому; как ей тут ни было хорошо, а все же домой ее тянуло и позывало.

Наконец, она создалась старухе: «Я по дому соскучилась, и как мне ни хорошо здесь у тебя под землею, а все же не хотелось бы мне долее здесь оставаться и тянет меня вернуться туда – со своими повидаться».

Госпожа Метелица сказала: «Мне это любо, что тебе опять к себе домой захотелось, а так как ты мне служила хорошо и верно, то я сама тебе укажу дорогу на землю».

Тут взяла она ее за руку и подвела к большим воротам. Ворота распахнулись, и когда девица очутилась под сводом их, просыпалось на нее дождем из-под свода золото да так облепило ее, что она вся была золотом сплошь покрыта. «Вот это тебе награда за твое старание», – сказала госпожа Метелица да, кстати, вернула ей и веретено, упавшее в колодец.

Затем ворота захлопнулись, и красная девица очутилась опять на белом свете, недалеко от мачехина дома; и когда она вступила во двор его, петушок сидел на колодце и распевал:

Ку-ка-ре-ку! Вот чудеса!
Наша-то девица в золоте вся!

Тогда вошла она к мачехе в дом, и так как на ней было очень много золота, что и мачеха, и сестра приняли ее весьма ласково.

Рассказала им девица все, что с нею приключилось, и когда мачеха услышала, как она добыла себе такое богатство, то задумала и другой своей дочке, злой и некрасивой, добыть такое же счастье.

Она свою дочку усадила прясть у того же колодца; а чтобы на веретене у дочки кровь была, та должна была она уколоть себе палец и расцарапать руку в колючем терновнике. Затем та бросила веретено в колодец и сама за ним туда же спрыгнула.

И очутилась она точно так же, как прежде сестра ее, на прекрасной лужайке, и пошла той же тропинкой далее.

Пришла к печке, и закричали ей хлебы: «Вынь ты нас, вынь скорее, не то сгорим: мы давно уж совсем испеклись». А лентяйка им отвечала: «Вот еще! Стану ли я из-за вас пачкаться!» – и пошла далее.

Вскоре пришла она и к яблоне, которая крикнула ей: «Обтряси ты меня, обтряси поскорее! Яблоки на мне давно уж созрели!» Но лентяйка отвечала: «Очень мне надо! Пожалуй, еще которое-нибудь яблоко мне на голову грохнется», – и пошла своей дорогой.

Придя к дому госпожи Метелицы, она ее не испугалась, потому уж слыхала от сестры о ее больших зубах, и тотчас поступила к ней на службу.

В первый-то день она еще кое-как старалась переломить свою лень и выказала некоторое рвение, и слушалась указаний своей госпожи, потому что у ней из головы не выходило то золото, которое ей предстояло получить в награду; на другой день она уже стала разлениваться, на третий – еще того более; а там уж и вовсе не хотела поутру вставать с постели.

И постель госпожи Метелицы она постилала не как следовало, и не вытряхивала ее так, чтобы перья летели во все стороны.

Вот она вскоре и прискучила своей хозяйке, и та отказала ей от места. Ленивица обрадовалась этому, думала: вот сейчас на нее золотой дождь просыплется!

Госпожа Метелица подвела ее к тем же воротам, но когда ленивица под ворота стала, на нее просыпалось не золото, а опрокинулся целый котел, полнешенек смолы. «Это тебе награда за твою службу», – сказала госпожа Метелица и захлопнула за нею ворота.

Пришла ленивица домой, с ног до головы смолою облеплена, и петушок на колодце, увидав ее, стал распевать:

Ку-ка-ре-ку – вот чудеса!
Залита девица смолою вся.

И эта смола так крепко к ней пристала, что во всю жизнь не сошла, не отстала.

Семь воронов

У одного отца было семь сыновей, а дочки-то ни одной, хоть он и очень желал бы иметь дочку; наконец, явилась надежда на то, что семья должна будет еще увеличиться, и жена родила ему дочку. Радость по поводу ее рождения была очень велика; но ребеночек-то был и маленький, и хилый, так что родители даже вынуждены были поспешить с крещением.

Отец поскорее послал одного из мальчиков к ближайшему роднику за водою для крещения; и остальные шестеро вслед за посланным побежали, и так как каждому хотелось первому зачерпнуть воды, то оказалось, что кружка упала в воду. Это их так озадачило, что они стояли у воды и никто из них не решался первым вернуться домой.

Подождал-подождал их отец, наконец потерял всякое терпение и сказал: «Верно, они, негодяи, заигрались там да и забыли о деле». Он стал опасаться того, что, пожалуй, девочка умрет у него на руках некрещеная, и в досаде своей проговорил: «А чтоб им всем воронами быть!»

И едва только произнес это слово, как услышал вдруг свист крыльев у себя над головою, глянул вверх и видит – низко-низко летят над ним семь черных воронов. Пролетели и скрылись.

Родители уж никак не могли снять с них заклятия, и как ни горевали об утрате своих семерых, однако же милая дочка их, которая вскоре окрепла и стала день ото дня хорошеть, служила им немалым утешением в горе.

Она и знать не знала о том, что у ней были братьцы, потому что родители опасались при ней об этом и упоминать; однако же случилось как-то, что посторонние люди при ней однажды проговорились: дочка-то, мол, и очень у них хороша, а все-таки она была виною несчастья своих семи братьев.

Тогда она была очень этим опечалена, пошла к отцу с матерью и спросила, точно ли у нее были братья и если были, то куда же они подевались? Тут уж родители не посмели от нее скрыть тайну; но сказали, что случилось это по воле судьбы, а ее рождение послужило лишь невольным поводом к тому.

Однако девочка каждый день себя упрекала в том, что она загубила братьев, и задалась мыслью, что она должна их избавить от наложенного на них заклятия. И до тех пор она не успокоилась, пока потихоньку не ушла из дому и не пустилась странствовать по белу свету, чтобы разыскать своих братьев и освободить их во что бы то ни стало.

Она взяла с собою на дорогу только колечко от родителей на память, каравай хлеба на случай, если проголодается, кружечку воды для утоления жажды да стулик, на котором бы присесть можно было, утомившись. И пошла, пошла она далеко-далеко – на самый конец света. Пришла она к солнцу; но оно было слишком жарко, слишком страшно, да еще и пожирало маленьких деток.

Поспешно побежала она от солнца к месяцу; но месяц был уж чересчур холоден и тоже смотрел сумрачно и злобно, и, завидев девочку, стал поговаривать: «Чую – пахнет, пахнет человеческим мясом».

Убежала она и от месяца и пришла к звездочкам, которые были к ней и добры, и ласковы, и каждая сидела на своем особом стулике. А как поднялась утренняя звездочка, так она девочке и костылек принесла и сказала: «Коли не будет у тебя этого костылька, не вскрыть тебе будет гору стеклянную, а в стеклянной-то горе и есть твои братья».

Девочка приняла костылек, завернула его в платок и опять шла, шла, пока к стеклянной горе не пришла. Ворота внутрь той горы были замкнуты, и девочка вспомнила о костылке; но когда вскрыла платок, то увидела, что костылька там нет: она потеряла на дороге подарок добрых звездочек.

Что ей было делать? Хотелось братьев выволить – и как раз ключа-то к стеклянной горе и не оказалось!

Тогда взяла добрая сестрица нож, отрезала себе мизинчик, сунула его в замочную скважину ворот и отомкнула их благополучно. Вошла она внутрь горы, вышел ей навстречу карлик и сказал: «Дитяtko, ты чего ищешь?» – «Ищу моих братьев, семерых воронов», – отвечала она. Карлик сказал: «Господ воронов нет теперь дома, но если ты хочешь подождать их возвращения, то войди».

Затем карлик внес воронам их кушанье и питье на семи тарелочках и в семи чарочках, и с каждой тарелочки съела сестрица по крошечке, и из каждой чарочки отхлебнула по глоточку; в последнюю же чарочку опустила принесенное с собою колечко.

И вдруг зашумело, засвистало в воздухе, и карлик сказал: «Вот это господа вороны домой возвращаются».

И точно: прилетели, есть-пить захотели и стали искать свои тарелочки и чарочки. Тогда каждый из них поочередно сказал: «Кто же это из моей тарелочки ел? Кто из моей чарочки отхлебнул? Это человечесьи уста и пили, и ели».

А когда седьмой осушил свою чарочку, из нее и выкатилось ему колечко.

Посмотрел он на него, узнал кольцо родительское и сказал: «Дай-то Бог, чтобы наша сестричка тут была – тогда бы и для нас наступило избавление».

Как услышала эти слова сестричка (а она стояла за дверью и прислушивалась), тогда вышла к ним, и все вороны в то же мгновенье вновь обратились в ее братьев. И целовались-то они, и миловались, и радешеньки, веселешеньки домой пошли.

«Семь воронов».

Художник – Владимир Сверчков. Витраж. 18721876 гг.

«...И вдруг зашумело, засвистало в воздухе, и карлик сказал: “Вот это господа вороны домой возвращаются”...»

Красная шапочка

Ух, какая это была маленькая, славная девчурочка! Всем-то она была мила, кто только видел ее; ну а уж всех-то милее и всех дороже была она бабушке, которая уж и не знала, что бы ей подарить, своей любимой внученьке.

Подарила она однажды ей шапочку из красного бархата, и так как ей эта шапочка была очень к лицу и она ничего другого носить не хотела, то и стали ее звать Красной Шапочкой. Вот однажды ее мать и сказала ей: «Ну, Красная Шапочка, вот возьми этот кусок пирога и бутылку вина, снеси бабушке; она и больна, и слаба, и это ей будет на пользу. Выходи из дома до наступления жары, и когда выйдешь, то ступай умненько и в сторону от дороги не забегай, не то еще, пожалуй, упадешь и бутылку расшибешь, и бабушке тогда ничего не достанется. И когда к бабушке придешь, то не забудь с ней поздороваться, а не то чтобы сначала во все уголки заглянуть, а потом уж к бабушке подойти». – «Уж я все справлю, как следует», – сказала Красная Шапочка матери и заверила ее в том своим словом.

А бабушка-то жила в самом лесу, на полчаса ходьбы от деревни. И чуть только Красная Шапочка вступила в лес, повстречалась она с волком. Девочка, однако же, не знала, что это был за лютый зверь, и ничуть его не испугалась. «Здравствуй, Красная Шапочка», – сказал он. «Спасибо тебе на добром слове, волк». – «Куда это ты так рано выбралась, Красная Шапочка?» – «К бабушке». – «А что ты там несешь под фартучком?» – «Кусок пирога да вино. Вчера у нас матушка пироги пекла, так вот посылает больной и слабой бабушке, чтобы ей угодить и силы ее подкрепить». – «Красная Шапочка, да где же живет твоя бабушка?» – «А вот еще на добрую четверть часа пути дальше в лесу, под тремя старыми дубами; там и стоит ее дом, кругом его еще изгородь из орешника. Небось, теперь будешь знать?» – сказала Красная Шапочка.

А волк-то про себя думал: «Эта маленькая, нежная девочка – славный будет для меня кусочек, почище, чем старуха; надо это так хитро дельце обделать, чтобы мне обе на зубок попали».

Вот и пошел он некоторое время с Красной Шапочкой рядом и стал ей говорить: «Посмотри-ка ты на эти славные цветочки, что растут кругом, – оглянись! Ты, пожалуй, и птичек-то не слышишь, как они распевают? Идешь, словно в школу, никуда не оборачиваясь; а в лесу-то, поди-ка, как весело!»

Красная Шапочка глянула вверх, и как увидела лучи солнца, прорезавшиеся сквозь трепетную листву деревьев, как взглянула на множество дивных цветов, то и подумала: «А что, если б я бабушке принесла свежий пучок цветов, ведь это бы ее тоже порадовало; теперь же еще так рано, что я еще всегда успею к ней прийти вовремя!» Да и сбежала с дороги в сторону, в лес, и стала собирать цветы. Чуть сорвет один цветочек, как уж ее другой манит, еще лучше, и она за тем побежит, и так все дальше да дальше уходила вглубь леса.

А волк прямехонько побежал к бабушкиному дому и постучался у дверей. «Кто там?» – «Красная Шапочка; несу тебе пирожка и винца, отвори-ка!» – «Надави на щеколду, – крикнула бабушка, – я слишком слаба и не могу вставать с постели».

Волк надавил на щеколду, дверь распахнулась, и он вошел к бабушке в избу; прямехонько кинулся к постели бабушки и разом проглотил ее.

Затем надел он бабушкино платье и на голову ее чепчик, улегся в постель и занавески кругом задернул.

Красная Шапочка между тем бегала и бегала за цветами, и когда их набрала столько, сколько снести могла, тогда опять вспомнила о бабушке и направилась к ее дому.

Она очень удивилась тому, что дверь была настежь отворена, и когда она вошла в комнату, то ей так все там показалось странно, что она подумала: «Ах, Боже ты мой, что это мне

тут так страшно нынче, а ведь я всегда с таким удовольствием прихаживала к бабушке!» Вот она сказала: «С добрым утром!»

Ответа нет.

Подошла она к кровати, отдернула занавески и видит: лежит бабушка, и чепчик на самый нос надвинула, и такую странную кажется.

«Бабушка, а бабушка? Для чего это у тебя такие большие уши?» – «Чтобы я тебя могла лучше слышать». – «Ах, бабушка, а глаза-то у тебя какие большие!» – «А это, чтобы я тебя лучше могла рассмотреть». – «Бабушка, а руки-то какие у тебя большие!» – «Это для того, чтобы я тебя легче обхватить могла». – «Но, бабушка, зачем же у тебя такой противный большой рот?» – «А затем, чтобы я тебя могла съесть!» И едва только волк проговорил это, как выскочил из-под одеяла и проглотил бедную Красную Шапочку.

Насытившись таким образом, волк опять улегся в кровать, заснул, да и стал храпеть что есть мочи.

Охотник проходил как раз в это время мимо бабушкина дома и подумал: «Что это старушка-то так храпит, уж с ней не приключилось ли чего-нибудь?»

Вошел он в дом, подошел к кровати и видит, что туда волк забрался. «Вот где ты мне попался, старый греховодник! – сказал охотник. – Давно уж я до тебя добираюсь».

И хотел было убить его из ружья, да пришло ему в голову, что волк, может быть, бабушку-то проглотил и что ее еще спасти можно; потому он и не выстрелил, а взял ножницы и стал вспарывать спящему волку брюхо.

Чуть только взрезал, как увидел, что там мелькнула красная шапочка; а дальше стал резать, и выпрыгнула оттуда девочка и воскликнула: «Ах, как я перепугалась, как к волку-то в его темную утробушку попала!»

А за Красною Шапочкою кое-как выбралась и бабушка-старушка и еле могла отдышаться.

Тут уж Красная Шапочка натаскала поскорее больших камней, которые они и навалили волку в брюхо, и зашили разрез; и когда он проснулся, то хотел было улизнуть; но не вынес тяжести камней, пал наземь и издох.

Это всех троих порадовало: охотник тотчас содрал с волка шкуру и пошел с ней домой, бабушка поела пирога и попила винца, которое ей Красная Шапочка принесла, и это ее окончательно подкрепило, а Красная Шапочка подумала: «Ну, уж теперь я никогда не стану в лесу убегать в сторону от большой дороги, не послушаюсь больше матушкиного приказанья».

Бременские уличные музыканты

У одного хозяина был осел, который уж много лет сряду таскал да таскал кули на мельницу, да наконец-таки обессилел и начал становиться к работе непригодным. Хозяин стал соображать, как бы его с корму долой сбыть; но осел вовремя заметил, что дело не к добру клонится, убежал от хозяина и направился по дороге в Бремен: там, мол, буду я городским музыкантом.

Прошел он сколько-то по дороге и наткнулся на легавую собаку, которая лежала на дороге и тяжело дышала: видно было, что бежала издалека. «Ну, что ты так запыхалась, Хватайка?» – спросил осел. «Ах, постарела ведь я да ослабла и к охоте негодна становлюсь, – отвечала собака, – так хозяин-то мой убить меня собирался! Ну, я и удрала из дому! Да вот только не знаю, чем мне будет теперь хлеб заработать?» – «А знаешь ли, что я придумал? – сказал осел. – Иду в Бремен и собираюсь там быть уличным музыкантом. Пойдем вместе, поступай тоже в музыканты. Я стану на лютне играть, а ты в медные тарелки бить». Собака согласилась с удовольствием, и пошли они далее.

Немного прошли, повстречали на дороге кота; сидит хмурый такой, пасмурный. «Ну, тебе что не по нутру пришлось, Усатый?» – спросил осел. «Небось, не очень развеселишься, когда до твоей шкуры добираться станут! – отвечал кот. – Из-за того, что я стар становлюсь и зубы у меня притупились и что я охотнее сижу за печкой да мурлычу, чем мышшей ловлю, хозяйка-то моя вздумала меня утопить. Я, конечно, от нее-таки улизнул и вот теперь и не знаю: куда голову приклонить?» – «Пойдем с нами в Бремен. Ведь ты ночью вон какую музыку разводишь – значит, и в уличные музыканты пригодишься». Коту совет показался дельным, и он пошел с ними по дороге. Пришлось затем нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, и видят они – сидит на воротах петух и орет что есть мочи. «Чего ты это орешь во всю глотку так, что за ушами трещит?» – спросил его осел. «Да вот я предсказал на завтра хорошую погоду, – сказал петух, – потому что завтра Богородицын день; но из-за того, что завтра, в воскресенье, к нам гости будут, хозяйка все же без жалости велела меня заколоть на суп, и мне сегодня вечером, наверно, свернут шею. Ну, и кричу я во все горло, пока могу». – «Ишь ведь, что выдумал, красная головушка! – сказал осел. – Да тебе же лучше с нами уйти! Идем мы в Бремен. Все это лучше смерти будет! Да и голос у тебя такой славный: а если мы все вместе заведем музыку, так это будет очень и очень недурно».

Понравилось петуху это предложение, и вот они все четверо направились далее.

Однако же в один день им не удалось добраться до Бремена. Вечером пришли они к лесу, где и задумали заночевать. Осел и собака легли у корня большого дерева, кошка и петух забрались в ветви его, а петух взлетел даже на самую вершину дерева, где ему казалось всего безопаснее.

Прежде чем глаза сомкнуть, он еще раз огляделся во все стороны, и показалось ему, что вдали что-то светится: вот он и крикнул товарищам, что где-нибудь неподалеку есть жилье, потому огонек мерцает.

Осел и сказал: «Ну, так надо с места сниматься и еще-таки вперед брести, потому что тут приют у нас неважный». Собака при этом подумала, что пара косточек да мясца кусочек ей были бы и очень кстати.

Вот и пошли они на огонек, и огонек светил все светлее, становился больше и больше – и наконец вышли они к ярко освещенному дому, который был разбойничьим притоном.

Осел был повыше всех, подошел к окошку да и стал смотреть. «Ты что там видишь. Серый?» – спросил петух. «Что вижу? Накрытый стол, а на нем и яства, и питье, и разбойники за столом сидят и угощаются». – «Это бы и для нас не вредно было!» – сказал петух. «Да, да, хорошо бы и нам быть там!» – сказал осел.

Тогда стали они между собою совещаться, как бы им ухитриться и разбойников из дома повыгнать...

Наконец-таки нашли способ. Осел должен был упереться передними ногами в подоконник, собака – вспрыгнуть ему на спину, кот – взобраться на спину собаки, а петух должен был взлететь и сесть коту на голову. Как установились, так по данному знаку разом и принялись за свою музыку: осел заревел, собака залаяла, кот замяукал, а петух стал кукарекать. А потом и вломились в дом через окно, так что оконницы задребезжали.

Разбойники, слышав этот неистовый рев, повскакали со своих мест; им показалось, что в окно лезет какое-то страшное привидение, и они в ужасе разбежались по лесу.

Тут уселись наши четверо приятелей за стол, принялись за остатки ужина и так наелись, как будто им предстояло голодать недели с три.

Покончив с ужином, все четверо музыкантов загасили огни в доме и стали себе искать постели, каждый по своему вкусу и удобству.

Осел улегся на навозе, собака прикорнула за дверью, кошка растянулась на очаге около теплой золы, а петух взлетел на шесток; и так как они все были утомлены своим долгим странствованием, то и заснули очень скоро.

Когда минула полночь и разбойники издали увидели, что огни в их доме погашены и все, по-видимому, спокойно, тогда их атаман сказал им: «Чего мы это сдуру так пометались?!» – и велел одному из шайки пойти к дому и поразнюхать.

Посланный видит, что все тихо, и вошел в кухню, чтобы вздуть огня; подошел к очагу, и покажись ему кошачьи глаза за горящие уголья. Он и ткнул в них серной спичкой, чтобы огня добыть. Но кот шутить не любил: как вскочит, как фыркнет ему в лицо да как цапнет!

Разбойник с перепугу бросился к черному ходу, но тут и собака сорвалась со своего места да как укусит его в ногу!

Он пустился напрямик через двор мимо навозной кучи, а осел-то как даст ему заднею ногою!

В довершение всего петух на своем шестке от этого шума проснулся, встрепенулся и заорал во всю глотку: «Ку-ка-ре-ку!»

Побежал разбойник со всех ног к атаману и доложил: «В доме там поселилась страшная ведьма! Она мне в лицо дохнула и своими длинными пальцами поцарапала! А у дверей стоит человек с ножом – мне им в ногу пырнул! А на дворе дрыхнет какое-то черное чудище, которое на меня с дубиной накинулось. А на самом-то верху сидит судья да как крикнет: “Давай его, плута, сюда!” Едва-едва я оттуда и ноги уволок!»

С той поры разбойники не дерзали уж и носа сунуть в дом, а четверым бременским музыкантам так в нем полюбилось, что их оттуда ничем было не выманить.

Кто их там видал, тот мне о них рассказывал, а я ему удружил – эту сказку сложил.

«Бременские уличные музыканты».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Осел должен был упереться передними ногами в подоконник, собака вспрыгнуть ему на спину, кошка взобраться на спину собаки, а петух должен был взлететь и сесть кошке на голову. Как установились, так по данному знаку разом и принялись за свою музыку: осел заревел, собака залаяла, кот замяукал, а петух стал кукарекать...»

Поющая косточка

В одной стране стряслась большая беда: появился в ней кабан, который взрывал поля у поселян, скот побивал и встречным людям живот своими клыками вспарывал. Король той страны обещал большую награду тому, кто избавит его королевство от этого бедствия: однако же зверь был настолько велик и силен, что никто не решился даже подойти к лесу, в котором он рыскал.

Наконец, король объявил, что если кто-нибудь этого кабана изловит или убьет, то он за такого удалыца выдаст замуж свою единственную дочку.

Вот и вызвались на это смелое дело два брата – дети бедняка, жившего в той стране. Старший из них был хитер и себе на уме и пошел на это из тщеславия, а младший, человек простой и недалекий, решился на него по доброте сердечной.

Король сказал братьям: «Чтобы вам было легче разыскать зверя, ступайте в лес с двух противоположных сторон».

Вот и вошли они в лес – старший с полуночи, а младший с полудня. И после того как младший прошел уже некоторое пространство по лесу, к нему вдруг подошел человек, а в руке у него было черное копьё. Человек сказал: «Это копьё я даю тебе, потому что у тебя сердце простое и доброе; с этим копьём смело выступай против кабана – от него тебе зла не приключится».

Поблагодарил молодец человека, взял копьё на плечо и бесстрашно пошел вперед.

Немного прошло времени, как он уж увидел зверя, который на него и устремился, но молодец выставил свое копьё вперед, и кабан в слепой ярости так сильно наскочил на это копьё, что оно ему вонзилось в самое сердце.

Тогда молодец взвалил убитое чудовище себе на плечи, повернул к выходу из леса и собирался отнести свою добычу прямо во дворец к королю.

Придя к окраине леса, он увидел там дом, в котором люди веселились: пили вино и плясали.

И старший брат его зашел туда же, думая, что кабан-то от него не уйдет, а вот он сначала выпьет для храбрости!

Когда же он увидел младшего брата, который выходил из леса, нагруженный своею добычею, то его завистливое и злое сердце стало его мутить.

Он крикнул брату: «Заверни-ка сюда, милый братец, отдохни да подкрепишься кубком вина».

Младший брат, ничего дурного не подозревая, зашел и рассказал брату о добром человеке, который дал ему копьё в руки – кабана на погибель.

Старший брат задержал его до вечера, и вышли они вместе. Когда же они, уже в потемках, пришли к мосточку, перекинутому через ручей, старший пустил младшего брата вперед и, чуть только дошли до середины мосточка, нанес ему такой удар, что юноша сразу же пал мертвый.

Убийца похоронил своего брата под мостом, затем взял кабана и принес его к королю, которому заявил, что он сам убил этого зверя; после того король выдал за него замуж свою единственную дочь. А так как младший брат не возвращался, то старший сказал: «Верно, кабан вспорол ему живот клыками». И все ему поверили.

Но от Бога ничто не остается скрытым, а потому и это темное дело должно было также всплыть наружу.

Много лет спустя случилось однажды, что какой-то пастух гнал свои стада через этот мосток и увидел: под мостком в песке лежит беленькая косточка.

Он и подумал, что из этой косточки мог бы выйти отличный наконечник для дудки.

Сошел под мосток, поднял косточку и вырезал из нее наконечник для своего рожка.

И чуть только он в первый раз приложил тот рожок к губам, косточка, к великому изумлению пастуха, сама от себя запела.

Вот что он услышал:

Ах, мой милый пастушок!
Ты послушай-ка, дружок:
Меня брат мой здесь убил,
Под мосточком схоронил.
И себе обманом в жены
Королевну подцепил.

«Что за диковинный рожок: сам от себя песни распевает! – сказал пастух. – Надо бы мне показать его королю».

Пришел он к королю с этим рожком, и рожок опять при короле запел свою песенку.

Король понял смысл песни, велел взрыть землю под мосточком, и там отрыли кости убитого брата.

Злой брат уже не мог отрицать своего преступления, и его живого зашили в мешок и утопили; а кости убитого младшего брата похоронили на кладбище и воздвигли над ними прекрасный надгробный памятник.

Черт с тремя золотыми волосками

Одна бедная женщина родила сыночка, и так как он родился в рубашке, то и было ему предсказано, что он уже на четырнадцатом году получит королевскую дочку в жены.

Случилось так, что вскоре после этого сам король прибыл в ту же деревню, и никто не знал, что он король.

Стал он у людей расспрашивать, что новенького, и ему рассказали: «Родился на этих днях ребенок в рубашке; а уж кто так-то родится, тому во всем удача! Вот ему уж и вперед предсказано, что на четырнадцатом году король ему свою дочь отдаст в жены».

Король, человек недобрый, на это предсказание прогневался, пошел к родителям ребенка, прикинулся ласковым и сказал: «Бедняки вы горемычные, отдайте мне вашего ребенка, я уж о нем позабочусь».

Сначала-то родители отказывались, но так как чужак предлагал им за ребенка чистое золото, да притом же они еще подумали: «Это ведь счастливец родился, у него и так во всем удача будет», – то под конец согласились и отдали ему ребенка.

Король сунул ребенка в ящик и поехал с ним путем-дорогою, пока не приехал к омуту; туда и бросил он этот ящик и подумал: «Вот я и избавил дочку от непростого жениха».

А ящик-то не потонул и стал корабликом плавать по поверхности воды – и внутрь его не прошло ни капельки.

Поплыл он по воде и приплыл в окрестности королевской столицы, к мельнице; у мельницы на плотине он и застоялся.

Работник с той мельницы, который, по счастью, стоял на плотине и тот ящик заметил, подтянул его багром к берегу и думал в нем найти большие сокровища, а вместо того, вскрыв ящик, увидел в нем славного мальчугана, крепенького и здоровенького.

Он принес его к мельнику с мельничихой, а так как у них детей не было, они очень этому мальчугану обрадовались и сказали: «Бог нам его послал!» И затем воспитали маленького найденыша, и он стал у них расти во всякой добродетели.

Случилось, что однажды во время грозы завернул на их мельницу король и спросил у мельника с мельничихой, не сын ли их этот взрослый паренек. «Нет, – отвечали они, – это найденыш; лет четырнадцать тому назад его в ящике к нашей плотине принесло, а наш работник его из воды вытащил».

Тут король увидел, что это не кто иной, как тот же счастливчик, которого он в воду швырнул, и сказал: «А что, милые, не снесет ли ваш паренек от меня письмецо к королеве – я бы ему два золотых за это дал?» – «Отчего же, коли твоей милости угодно», – ответили добрые люди и приказали пареньку изготавиться.

Тогда король написал королеве письмо, в котором было написано: «Как только малый принесет к тебе это мое письмо, приказываю его немедленно убить и схоронить, и все это чтобы было выполнено до моего возвращения домой».

Пошел парень с этим письмом, да заплутал, и проплутал до вечера, и попал в большой лес. В темноте увидел он небольшой огонек, пошел на него и прибыл к избушке.

Когда он вошел в избушку, там сидела старушка у огня одна-одинешенька. Она испугалась, увидевши пареньку, и спросила его: «Откуда идешь и куда путь держишь?» – «Иду с мельницы, – отвечал он; – а путь держу к королеве – письмо ей передать должен; да вот заблудился в лесу, так нельзя ли мне здесь переночевать?» – «Ах ты, бедняга! – сказала ему старушка. – Ведь ты зашел в разбойничий притон, и когда разбойники вернутся, они тебя убьют». – «А кто бы ни пришел, – сказал юноша, – я не боюсь; да и притом я так притомился, что все равно не могу идти дальше». Вытянулся на лавке, да и заснул.

Вскоре после того пришли разбойники и спросили гневно, что это за чужой мальчуган тут разлегся. «Ах, – сказала старушка, – это невинное дитя – в лесу, вишь, заблудился, и я его пустила сюда из сострадания: а послан он с письмом к королеве».

Разбойники вскрыли письмо и прочли в нем приказание этого малого убить тотчас, как только он придет. Тут разбойники отнеслись к нему с состраданием, и их атаман, разорвав письмо, написал другое, в котором было прописано, чтобы этого паренька тотчас по прибытии обвенчать с королевской дочкой.

И вот они дали ему полную возможность выспаться на лавке до следующего утра, а когда он проснулся, то письмо ему отдали и настоящую дорогу ему указали.

Королева же по получении письма прочитала его и поступила по выраженной в нем воле – приказала устроить пышное свадебное торжество и обвенчать королевскую дочку со счастливым. А так как юноша был красив и очень ласков, то и королева жила с ним в полном удовольствии и согласии.

Несколько времени спустя король вернулся в свой замок и увидел, что предсказание сбылось и счастливец-таки обвенчан с его дочерью. «Как это могло случиться? – сказал он. – Ведь я же в письме моем совсем иной наказ давал».

Тогда королева подала ему письмо и сказала, что он может сам увидеть, что в письме написано. Король прочел письмо и убедился в том, что его письмо подменено другим.

Он спросил у юноши, куда девал он вверенное ему письмо и почему заменил его другим. «Ничего об этом не ведаю, – отвечал тот, – разве что ночью его мне подменили, когда я заночевал в лесу». Тогда разгневанный король сказал: «Ну, это тебе не сойдет даром! Кто хочет быть мужем моей дочки, тот должен мне добыть из преисподней три золотых волоска с головы черта; коли принесешь мне то, чего я требую, оставайся мужем дочки».

Король думал таким образом от него навсегда отделаться. Но счастливчик отвечал ему: «Изволь, принесу тебе три золотых волоска – ведь я черта-то нисколько не боюсь».

Затем он распростился с королем и пустился в странствие. Путем-дорогою дошел он до большого города, где привратник, впуская его, спросил, какое ремесло он разумеет и что знает. «Да я все знаю», – отвечал счастливчик. «Так окажи нам одолжение, – заговорил сторож, – скажи, почему наш фонтан на базарной площади, из которого прежде било струею вино, теперь совсем иссяк и даже воды не дает?» – «Это я вам все разьясню, – сказал юноша, – вот только дайте мне назад воротиться».

Затем пошел он далее и пришел к другому городу; и тут привратник спросил его, какое он ремесло разумеет и что знает. «Да я все знаю», – отвечал юноша. «Так сделай одолжение, объясни ты нам, почему одно дерево в нашем городе, на котором в былое время росли золотые яблоки, теперь даже и листьев на себе не носит?» – «Это я вам все разьясню, – сказал юноша, – подождите только моего возвращения».

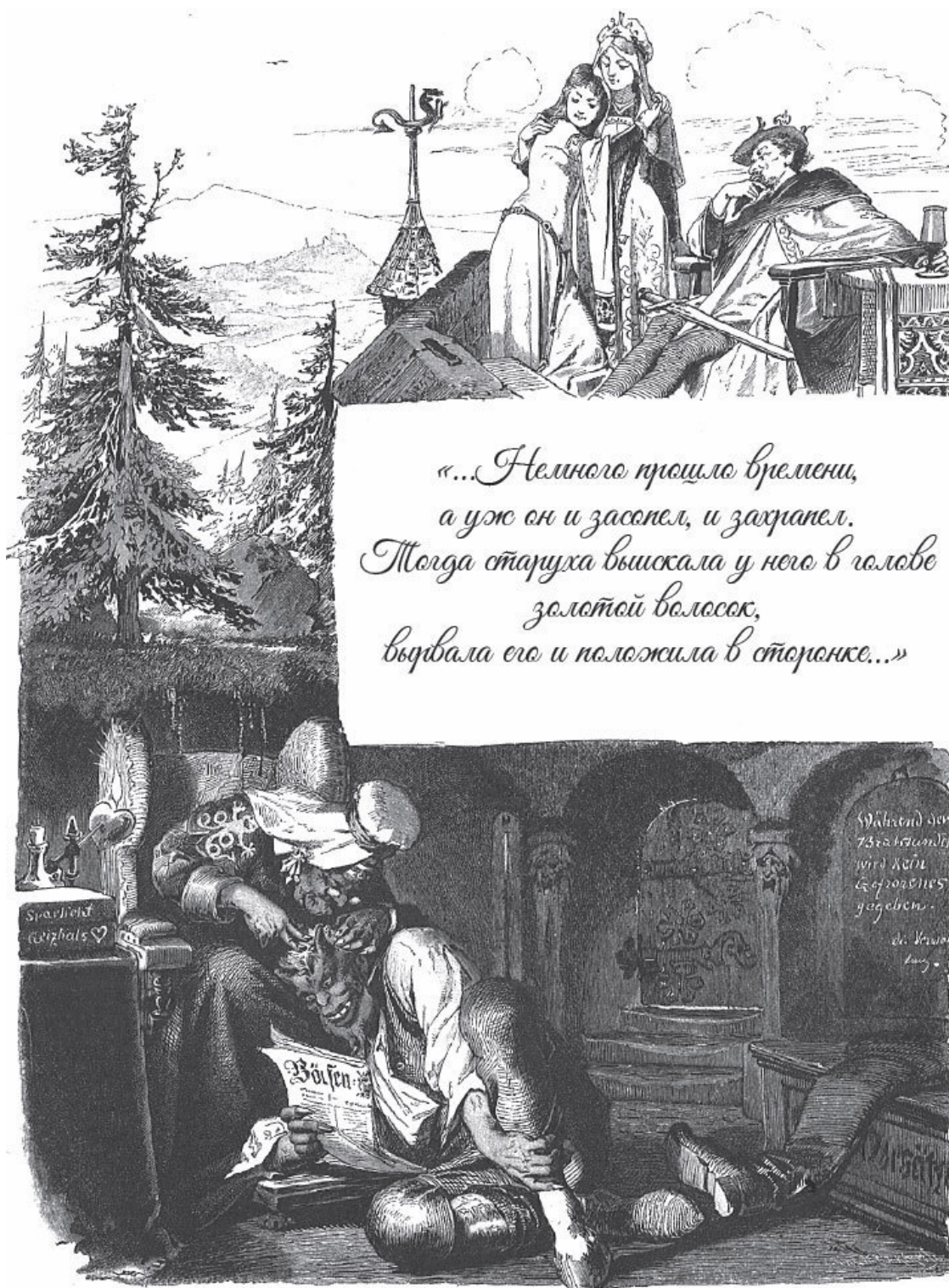
И пошел далее, и пришел к большой реке, через которую ему надо было переправиться. Тут перевозчик спросил его, какое ремесло он разумеет и что знает. «Да я все знаю», – сказал юноша. «Так сделай одолжение, скажи мне, почему я должен век свой тут взад и вперед переезжать и никак от этого избавиться не могу?» – «Ты это узнаешь, – отвечал юноша, – дай только мне назад вернуться».

Чуть только переправился он через реку, как наткнулся на вход в преисподнюю.

В самой преисподней стены были черны от сажи и копоти; а самого-то черта дома не было, и только его мать сидела на своем просторном кресле. «Чего тебе?» – спросила она у юноши и на вид показалась ему совсем не злой. «Да вот надо бы мне раздобыться тремя золотыми волосками с головы черта, – отвечал юноша, – а не то придется мне с женой расстаться». – «Ну, ты уж очень многого захотел, – сказала она, – ведь если черт вернется да найдет тебя здесь, так тебе несдобровать; но мне тебя жаль, и я посмотрю, не могу ли я тебе чем помочь».

Она оборотила его мурашом и сказала: «Заползи в складки моего платья, там тебе ничего не приключится дурного». – «Это все так, – сказал юноша, – но мне этого мало; мне бы надо было еще вот что узнать: почему фонтан, который прежде вином бил, теперь иссяк и даже воды не дает? Почему дерево, на котором в былое время росли золотые яблоки, теперь даже и листьев на себе не носит? И еще: почему один перевозчик должен все ездить взад и вперед от берега к берегу и никак от этого избавиться не может?» – «Мудреные ты задал мне вопросы, – отвечала она, – однако посиди смирненько да тихонько, да прислушайся к тому, что станет отвечать черт, когда я у него буду выдергивать три золотых волоска».

С наступлением вечера и черт вернулся домой. Едва вступил он в преисподнюю, как уж почувал, что воздух в ней не тот. «Чую, чую я здесь человечесье мясо, – сказал он. – Тут что-нибудь не так».

*«...Нелюбо прошло времени,
а уж он и заснул, и захрипел.
Тогда старуха вышла к нему в голове
золотой волосок,
выдвинула его и положила в сторонку...»*

«Черт с тремя золотыми волосками».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

И пошел он заглядывать по всем уголкам и закоулкам – и нигде ничего не нашел. А его мать давай его бранить: «Только-только выметено все и в порядок приведено, а ты мне опять все испортишь! Нанюхался там человеческого мяса, так оно тебе везде и чудится. Садись и ешь свой ужин».

Когда он наелся и напился, то почувствовал утомление, положил матери голову на колени и попросил, чтобы она у него в голове поискала.

Немного прошло времени, а уж он и засопел, и захрапел. Тогда старуха выискала у него в голове золотой волосок, вырвала его и положила в сторонке. «Ай-ай! – крикнул черт. – Что это с тобой?» – «Да вот приснился мне такой нехороший сон, – отвечала ему мать, – что я тебя и ухватила за волосы». – «Что же такое тебе приснилось?» – спросил черт. «Приснилось мне, что фонтан на базарной площади, из которого некогда струей било вино, вдруг так иссяк, что теперь из него и воды не добыть... Что бы этому за причина?» – «Эх, кабы они только знали! – отвечал черт. – В том фонтане сидит под одним камнем жаба; и если они ту жабу убьют, так вино-то опять из него струей бить станет».

Стала опять у него мать в голове перебирать, и перебирала, пока он совсем не заснул и не захрапел так, что окна дрожали. Тогда вырвала она у него второй золотой волосок. «У-у! что это ты делаешь?» – гневно крикнул черт. «Не посетуй на меня! – отозвалась мать. – Ведь это я во сне». – «Да что тебе там опять приснилось?» – «А вот приснилось, что в некотором царстве стоит дерево, и на том дереве прежде, бывало, золотые яблоки росли, а теперь и листьев нет. Что бы этому могло быть причиной?» – «Э-э, кабы они знали да ведали! – отвечал черт. – У того дерева корень гложет мышь; стоит только ту мышь убить, и на дереве опять будут расти золотые яблоки; а если ей еще дадут глотать тот корень, так дерево и совсем засохнет. Но только ты, пожалуйста, не тревожь меня больше своими снами; а если потревожишь, я тогда с тобой по-свойски расправлюсь!»

Матери удалось его опять успокоить, и она снова стала перебирать у него в волосах, пока он не заснул и не стал храпеть. Тогда она ухватила и третий золотой волосок и вырвала его.

Черт вскочил, закричал во всю глотку и хотел с нею круто обойтись, но она еще раз его умаслила и сказала: «Что ты станешь с этими дурными-то снами делать!» – «Да что же тебе могло сниться?» – спросил он, любопытствуя узнать ее сон. «Да вот, снился мне перевозчик, который все жалуется на то, что ему век свой приходится взад и вперед по реке ездить и никак он от этого освободиться не может. Что бы тому за причина?» – «Э-эх, дурень-дурень! – отвечал черт. – Да ведь стоит ему только передать шест в руки первому, кто в его лодке переезжать вздумает, тогда он и освободится; а тот должен будет стать на его место перевозчиком».

Так как мать вырвала у него из головы все три золотых волоска и на все три вопроса получила ответы, то она оставила старого черта в покое и дала ему выспаться до самого рассвета.

Когда черт опять убрался из дому, старуха добыла мураша из складок своего платья и вновь возвратила счастливчику его человеческий образ. «Вот тебе три золотых волоска, – сказала она, – да и ответы черта на твои три вопроса ты, вероятно, тоже слышал?» – «Да, – отвечал тот, – слышал и запомнил их». – «Ну, так ты получил все, что хотел, – сказала она, – и теперь можешь идти своею дорогою».

Он поблагодарил старуху за помощь, покинул преисподнюю и рад был радешенек, что ему все так удачно сошло с рук. Когда он пришел к перевозчику, тот потребовал у него обещанного ответа. «Сначала перевези меня, – обещал счастливчик, – тогда и скажу, как тебе от твоей беды избавиться».

И когда тот перевез его на противоположный берег, он передал ему совет черта: «Как придет кто-нибудь еще и захочет переехать, передай ему только шест в руки».

Пошел он далее и прибыл к городу, в котором стояло неплодное дерево; и здесь привратник потребовал от него ответа. Он и тому сказал то же, что слышал от черта: «Убейте мышь, которая гложет корень дерева, и оно опять станет приносить золотые яблоки».

Поблагодарил его сторож и в награду дал ему двух ослов, навьюченных золотом.

Наконец, прибыл он к городу, в котором фонтан иссяк. И там тоже он передал привратнику то, что слышал от черта: «Сидит жаба в фонтане под камнем, ее должны вы сыскать и убить, тогда и фонтан ваш опять будет вином бить».

Сторож поблагодарил его и тоже подарил ему двух ослов, навьюченных золотом.

Наконец, счастливчик прибыл домой к жене своей, которая сердечно обрадовалась, свидевшись с ним и услышав, какая ему во всем была удача.

Королю он принес то, что тот требовал, – три золотых волоска; а когда тот еще увидел четырех ослов с золотом, то был совершенно доволен и сказал: «Ну, теперь все условия выполнены, и дочь моя может остаться твоею женою. Но скажи ты мне, милый зятек, откуда у тебя столько золота? Ведь тут немалое сокровище!» – «Да вот, переправлялся я через реку, – отвечал тестю зять, – так с той реки с собою прихватил: там оно вместо песку на берегу валяется». – «А что же? Мне, пожалуй, оттуда можно золота понабраться?» – сказал король, и глаза у него разгорелись от жадности. «Сколько душе угодно, – отвечал зять, – там на реке и перевозчик есть; велите ему перевезти вас на противоположный берег, там и нагребете золота полнехоньки мешки».

Жадный король поспешно собрался в путь, и когда прибыл к реке, то кликнул перевозчика, чтобы тот его переправил.

Перевозчик и подплыл к берегу, и пригласил его в свою лодку, и на другой берег его перевез; а там передал ему шест в руки да и выпрыгнул из лодки.

Вот и пришлось королю за его грехи быть на реке перевозчиком. Может, и теперь на том перевозе живет.

Небось, никто у него шеста не возьмет!

Вошка и блошка

Вошка да блошка в одном доме вместе жила и пиво в яичной скорлупке варила. Вошка в ту скорлупку попала и обожглась. А блошка перепугалась да кричать стала. Тут и скажи ей дверка: «Чего ты раскричалась, блошка?» – «Да ведь вошка-то обожглась!»

И стала дверка скрипеть. А метелочка в углу стала ей выговаривать: «Что ты скрипишь, дверочка?» – «А как же мне не скрипеть?»

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась...

Тогда и метелочка принялась мести что есть мочи. А мимо-то катилась тележка и говорит: «Чего ты так метешь, метелочка?» – «А как же мне не мести?»

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась,
Дверка скрипом раскрипелась...

Тогда сказала тележка: «Ну, так я стану кататься», – и покатила что есть мочи. Тогда заговорил катышек навозца, мимо которого тележка катилась: «Чего ты, тележка, катаешься?» – «Как мне не кататься?»

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась,
Дверка скрипом раскрипелась,
Мсть метелке захотелось...

Тогда сказал катышек: «Ну, так я же разгорюсь!» – и стал гореть ярким пламенем. А около катышка стояло деревце и сказала: «Катышек, чего ты разгорелся?» – «Как мне не разгореться?»

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась,
Дверка скрипом раскрипелась,
Мсть метелке захотелось,
А тележке-то кататься...

Тогда и деревце сказала: «Ну, так я стану раскачиваться», – и давай раскачиваться, так что с него листья посыпались. Увидела это девочка, которая шла с кружечкой, и сказала: «Деревце, чего ты раскачалось?» – «Как же мне не раскачаться?»

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась,
Дверка скрипом раскрипелась,
Мсть метелке захотелось,
А тележке-то кататься,
Катышку-то разгораться...

Тут уж и девочка сказала: «Ну, так я разобью свою кружечку!» – и разбила кружечку. Тогда заговорил тот родничок, из которого вода бежала: «Девочка, чего это ты разбила кружечку?» – «Как же мне не разбить кружечку?»

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась,
Дверка скрипом раскрипелась,
Месть метелке захотелось,
А тележке-то кататься,
Катышку-то разгораться,
Деревцу-то раскачаться...»

«Э-э! – сказал родничок. – Ну, так я же разольюсь!» Разлился – и в его разливе все потонуло: и девочка, и деревце, и катышек, и тележка, и метелочка, и дверка, и блошка, и вошка – всего как не бывало!

Девушка без рук

Один мельник жил да жил и все беднел и беднел, и осталась у него всего-навсего мельница да позади мельницы большая яблоня. Пошел он однажды в лес за дровами, и вышел ему навстречу старик, которого он никогда еще не видывал, и сказал: «Ну, чего ты там трудишься над рубкою дров? Я тебя богачом сделаю, обещай мне только отдать то, что стоит у тебя за мельницей». – «Что бы это могло быть? – подумал мельник. – Не что иное, как моя яблоня».

И согласился, и договор подписал с незнакомцем. А тот злобно засмеялся и сказал: «Через три года я приду к тебе и унесу то, что мне принадлежит», – да с тем и ушел.

Когда же мельник пришел домой, жена вышла ему навстречу и сказала: «Скажи-ка мне, хозяйнушка, откуда это взялось у нас в доме нежданное богатство? Все ящики, все шкатулки разом наполнились, а между тем никто ничего сюда не вносил, и я не знаю, как это могло случиться».

Он отвечал ей: «Богатство у нас получилось от одного незнакомца, который мне повстречался в лесу и посулил большие сокровища, а я ему за это передал по уговору то, что у нас позади мельницы стоит: ведь эту большую яблоню мы ему, конечно, можем отдать за его сокровища». – «Ах, муженек, – в испуге ответила мельничиха, – да ведь это, верно, сам дьявол был! И не яблоня у него была на уме, а наша дочка: она в ту пору была за мельницей и подметала двор!»

Мельникова дочка была девушка и собой красивая, и богобоязненная; и все эти три года она прожила без греха и в страхе Божьем. Когда же миновало условное время и наступил тот день, в который нечистому предстояло ее унести, она умылась чистехонько и мелом очертила кругом себя круг.

Бес явился ранешенько, но не мог к ней близко подойти. В гневе он сказал мельнику: «Убери от нее всю воду, чтобы она не могла больше мыться, а то не будет у меня над ней никакой власти». Мельник испугался его гнева и исполнил его повеление. Пришел нечистый на другое утро; но она столько плакала, что руки своими слезами омыла, и они были совсем чисты.

Тогда он опять-таки не мог к ней приблизиться и в ярости сказал мельнику: «Отруби ей руки, а не то я с ней ничего поделывать не могу!»

Мельник пришел в ужас и отвечал ему: «Как я могу отрубить руки моему родному детищу?!» Но нечистый пригрозил ему и сказал: «Коли не отрубишь, так ты за нее будешь в ответе, и я тебя самого унесу!»

Перепугался мельник и обещал нечистому повиноваться. И пошел он к дочери, и сказал: «Дитя мое, если я тебе не отрублю обеих рук, то дьявол унесет меня, и я со страха обещал ему, что это сделаю. Так помоги же мне в моей беде и прости то зло, которое я тебе причиняю».

Она отвечала: «Милый батюшка, делайте со мною, что хотите, ведь я ваше детище». Затем она протянула ему обе руки и дала их себе обрубить.

И в третий раз явился нечистый, но она так долго и так много плакала над своими обрубками, что и их успела омыть своими слезами. Тогда уж он должен был отступить и потерять на нее всякое право.

Мельник сказал дочери: «Благодаря тебе я получил такое большое богатство, что всю свою жизнь буду тебя содержать наилучшим образом». Она же отвечала ему: «Здесь я не могу остаться, я уйду отсюда. Добрые люди дадут мне столько, сколько мне нужно».

Затем она велела привязать ей искалеченные руки за спину, с восходом солнца пустилась в путь и шла весь день до самой ночи.

Вот и пришла она к королевскому саду и при лунном свете увидела, что деревья в нем были усыпаны чудными плодами. Но она никак не могла проникнуть в сад, потому что кругом

его была вода. А так как она шла целый день и ни кусочка у нее во рту не было, то голод ее томил, и она подумала: «Ах, если бы я в тот сад попасть могла, тех плодов отведать, а не то я совсем пропаду».

«Девушка без рук».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...И вдруг явился ангел с небес, запер шлюзом воду, так что ров вокруг сада обсох, и она могла перейти его посуху. Вот и направилась она в сад, и ангел пошел за нею следом...»

И стала она на колени, и обратилась к Господу Богу с молитвою. И вдруг явился ангел с небес, запер шлюзом воду, так что ров вокруг сада обсох и она смогла перейти его посуху.

Вот и направилась она в сад, и ангел пошел за нею следом. Увидала она плодовое дерево и на нем чудные груши; но все они были сочтены.

Подошла она к дереву и съела одну грушу прямо с дерева, не срывая, чтобы утолить свой голод, и ни одной не тронула более.

Садовник это видел, но так как около безручки стоял ангел, то он испугался и подумал, что эта девушка – не человек, а дух какой-нибудь, и промолчал, и не посмел ни заговорить с этим духом, ни закричать. Когда же она съела грушу, то насытилась и укрылась в кустах.

Король, которому сад принадлежал, на другой день сошел в сад, стал считать груши на дереве и одной недосчитался; он спросил садовника, куда она девалась: и под деревом ее не видать, и на дереве нет.

Садовник ему отвечал: «Прошлую ночью приходил сюда какой-то дух без рук и грушу прямо с дерева съел, не срывая».

Король сказал: «Как же этот дух перешел через воду? И куда он ушел, съевши грушу?»

Садовник отвечал: «Сошел кто-то с неба в белоснежной одежде, запер шлюз, и воду оставил, и дал этому духу перейти через ров посуху. А так как тот, что в белой одежде был, вероятно, ангел, то я побоялся его расспрашивать или закричать. Когда же дух съел грушу, он опять удалился».

Король сказал: «Ну, коли это так было, как ты говоришь, так я с тобою нынешнею ночью останусь стеречь сад».

Чуть стемнелось, пришел король в сад и привел с собою священника, который должен был вступить с духом в беседу. Все трое усадились под деревом и стали прислушиваться.

В самую полночь выползла безручка из куста, подошла к дереву и опять прямо с ветки, не срывая, съела еще одну грушу; а рядом с нею стоял ангел в белоснежном одеянии.

Тогда выступил священник из-под дерева и спросил: «От Бога ты ниспослан или из мира пришел? Дух ты или человек?» Она отвечала: «Я не дух, я – несчастная, всеми покинутая, кроме Бога».

Король сказал: «Если ты всеми покинута, то я тебя не покину». Он взял ее с собою, повел в свой королевский замок, полюбил ее за красоту и кротость, приказал ей приделать серебряные руки и взял ее себе в супруги.

Год спустя пришлось королю ехать на войну, и поручил он молодую королеву своей матери на попечение, сказав: «Если она родит, то позаботьтесь о ней и поухаживайте, и тотчас известите меня об этом письмом».

Вот и родила она королю славного сына. Мать тотчас написала о том королю и возвестила ему эту радость.

Посланный с письмом остановился в пути у какого-то ручья и заснул, утомившись в дороге. Тогда явился нечистый, постоянно старавшийся вредить набожной королеве, и подменил письмо другим, в котором написано было, что королева родила страшного оборотня.

Прочитав письмо, король перепугался и опечалился, однако же отписал в ответ, чтобы за королевой ухаживали и берегли ее до его приезда.

Пошел посланный с письмом обратно, остановился для отдыха в том же месте и опять заснул. И опять явился нечистый и подменил письмо в его сумке другим письмом, в котором король будто бы приказывал и королеву, и ее ребенка умертвить.

Старуха-мать ужасно перепугалась, получив это письмо, не решалась ему верить и еще раз написала королю, но не получила никакого ответа, потому что нечистый все подменивал письма у посланного, а в последнем письме от короля было даже приказано прислать королю язык и очи королевы в доказательство того, что казнь над нею совершена.

Но старуха-мать обливалась слезами при мысли, что должна пролиться кровь ни в чем не повинная; она приказала ночью привести себе лань, убила ее, отрезала у нее язык, вынула очи и припрятала их.

Затем обратилась к королеве и сказала: «Не могу я допустить, чтобы ты была умерщвлена по приказу короля, но и дольше здесь оставаться ты тоже не можешь... Ступай со своим ребенком куда глаза глядят и никогда более сюда не возвращайся».

Она подвязала ей ребенка за спину, и несчастная вышла со слезами из королевского замка.

Пришла она в большой дремучий лес, опустилась на колени и стала молиться Богу, и ангел Господень явился ей и привел ее к маленькой избушке, над которой был прибит щиток с надписью: «Здесь каждый может жить».

Из той избушки вышла как снег белая девушка и сказала: «Добро пожаловать, госпожа королева!» – и ввела ее в избушку. Она отвязала мальчугана со спины безручки и приложила к ее груди, чтобы он мог насытиться, а затем уложила его спать в чудную кроватку.

Тогда сказала несчастная: «Откуда ты знаешь, что я была королевой?» Белая как снег девушка отвечала ей: «Я – ангел, посланный Богом ходить за тобой и твоим ребенком».

И оставалась безручка в той избушке семь лет кряду, и жила без забот, а по особой милости Божией за ее благочестие у нее вновь выросли обрубленные руки.

А король между тем вернулся, наконец, с войны, и первое желание его было поскорее увидеться с женою и ребенком. Тогда его мать-старуха стала плакать и сказала: «Злой ты человек! Зачем ты мне написал, что я должна загубить две невинные души! – и, показав ему оба письма, подмененных нечистым, добавила: – Я исполнила твое приказание!» – и показала ему в доказательство язык и очи лани.

Тогда король стал еще горше матери плакать по своей несчастной жене и своему сыночку, так что даже и мать-старуха над ним сжалась и сказала ему: «Утешься, она жива! Это я велела тайно убить лань и от нее добыла язык и очи; а твоей жене я привязала ее дитя за плечи, сказала ей, чтобы шла куда глаза глядят, и взяла с нее обещание, что никогда более сюда не вернется, потому что ты так против нее озлоблен».

Тогда король сказал: «Пойду же и я хоть на самый край света белого и ни пить, ни есть не стану, пока не отыщу моей милой жены и ребенка, если только они тем временем не погибли или не умерли с голоду».

Вот и стал король скитаться по белу свету, и скитался он семь лет, и искал жену свою во всех ущельях и пещерах, но нигде не находил ее и уж думал, что она погибла. Он и не ел, и не пил все эти семь лет; но Бог подкрепил его.

Наконец, пришел он в большой лес и набрел в нем на маленькую избушку, на которой прибит был щиток с надписью: «Здесь каждый может жить».

Тогда вышла к нему из избушки как снег белая девушка, взяла его за руку, ввела в избушку и сказала: «Добро пожаловать, господин король!» – и спросила его, откуда он пришел.

Король отвечал: «Вот скоро уж семь лет тому минет, как я по белу свету скитаюсь, ищу жену мою с ребенком, но нигде не могу ее отыскать». Ангел предложил ему и еду, и питье, но тот не принял, думая только отдохнуть немного. И он прилег соснуть, и покрыл лицо платком.

Затем ангел пришел в комнату, в которой королева сидела со своим сыном (а звала она его Горемыкой), и сказал: «Выходи туда и с ребенком – твой супруг сюда пришел».

Королева вошла туда, где лежал ее муж, и платок упал у него с лица. Тогда она сказала сыну: «Горемыка, подними отцу твоему платок и прикрой ему лицо».

Король это слышал в полудремоте и еще раз, уж нарочно, скинул платок с лица.

Это раздосадовало мальчика, и он сказал: «Милая матушка, как это ты говоришь, чтобы я прикрыл лицо моему отцу, когда у меня нет вовсе отца на свете? Я учился молитве: “Отче наш, сущий на небесах”, – и тогда ты сказала, что отец у меня на небе и что это – Бог милосердный! А этого чужого человека я не знаю – это не отец мне».

Услышав это, король поднялся и спросил, кто она. И она отвечала: «Я – твоя жена, а это – твой сын. Горемыка».

Посмотрел он на живые руки и сказал: «У моей жены руки были серебряные». Она отвечала: «Эти руки отросли у меня по великой милости Божией».

Между тем ангел принес из другой комнаты ее серебряные руки и показал королю. Тут только он убедился, что это были его дорогая жена и его милое дитя, и стал он их целовать, и радоваться, и сказал: «Тяжелый камень у меня с души свалился».

Тут ангел Божий усадил их за общую трапезу, и затем уже они направились домой, к старой матери короля.

И была всюду радость великая, и король с королевой еще раз отпраздновали свадьбу и жили счастливо до своей блаженной кончины.

Разумный Ганс

Мать Ганса спрашивает: «Куда собрался, сынок?» Ганс отвечает: «К Гретель». – «Смотри же, не оплошай!» – «Небось, не оплошаю! Прощай, матушка!» – «Прощай, Ганс».

Пришел Ганс к Гретель.

«Здравствуй, Гретель!» – «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» – «Ничего не принес, от тебя взять хочу».

Гретель дарит Гансу иголку.

Ганс говорит: «Прощай, Гретель». – «Прощай, Ганс».

Ганс берет иголку, втыкает ее в воз с сеном и идет за тем возом до дому.

«Добрый вечер, матушка». – «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» – «У Гретель побывал». – «Что ты ей снес?» – «Ничего не снес – от нее получил». – «Что тебе Гретель дала?» – «Иголку дала». – «А где у тебя иголка, Ганс?» – «В воз сена ее воткнул». – «Ну, это ты глупо сделал, Ганс, тебе бы иголку-то на рукав приколоть». – «Ну, ничего; другой раз лучше сделаю».

«Куда собрался, Ганс?» – «К Гретель, матушка». – «Смотри же, не оплошай, Ганс!» – «Небось, не оплошаю. Прощай, матушка». – «Прощай, Ганс».

Приходит Ганс к Гретель.

«Здравствуй, Гретель». – «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» – «Ничего не принес, от тебя получить хочу».

Гретель подарила Гансу ножик.

«Прощай, Гретель». – «Прощай, Ганс».

Ганс берет ножик, втыкает его в рукав и идет домой.

«Добрый вечер, матушка». – «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» – «У Гретель побывал». – «Что ты ей снес?» – «Ничего не снес – от нее получил». – «Что тебе Гретель дала?» – «Ножик дала». – «А где же у тебя ножик, Ганс?» – «В рукав заткнул». – «Глупо ты это сделал, Ганс; тебе бы нож-то в карман было сунуть». – «Ну, ничего; в другой раз лучше сделаю».

«Куда собрался, Ганс?» – «К Гретель, матушка». – «Смотри, не оплошай, Ганс». – «Небось, не оплошаю. Прощай, матушка». – «Прощай, Ганс».

Ганс приходит к Гретель.

«Здравствуй, Гретель». – «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» – «Ничего не принес, от тебя получить хочу».

Гретель дарит ему козочку.

«Прощай, Гретель». – «Прощай, Ганс».

Ганс берет козу, связывает ей ноги и сует ее в карман. Приходит домой, а козочка-то у него в кармане задохнулась.

«Добрый вечер, матушка». – «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» – «У Гретель побывал». – «Что ты ей снес?» – «Ничего не снес – от нее получил». – «Что же тебе Гретель дала?» – «Козочку дала». – «А где же у тебя козочка, Ганс?» – «В карман ее сунул». – «Ты глупо это сделал, Ганс; тебе бы козочку-то на веревку привязать». – «Ну, ничего, другой раз лучше сделаю».

«Куда, Ганс?» – «К Гретель, матушка». – «Смотри, не оплошай, Ганс». – «Небось, не оплошаю. Прощай, матушка». – «Прощай, Ганс».

Приходит Ганс к Гретель.

«Здравствуй, Гретель». – «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» – «Ничего. От тебя получить хочу».

Гретель дарит ему кусок свиного сала.

«Прощай, Гретель». – «Прощай, Ганс».

Ганс берет кусок сала, навязывает его на веревку и тащит за собою. Подбежали собаки и съели все сало.

Приходит домой – за ним одна веревка тащится, а на веревке-то и нет ничего.

«Добрый вечер, матушка». – «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» – «У Гретель побывал». – «Что ей снес?» – «Ничего не снес – от нее получил». – «А что тебе Гретель дала?» – «Кусок сала дала». – «А где же у тебя сало, Ганс?» – «Привязал на веревку, домой поволок, собаки и съели». – «Глупо ты это сделал, Ганс; тебе бы сало-то на голове принести». – «Ну, ничего, другой раз лучше сделаю».

«Куда, Ганс?» – «К Гретель, матушка». – «Смотри, не оплошай, Ганс». – «Небось, не оплошаю. Прощай, матушка». – «Прощай, Ганс».

Приходит Ганс к Гретель.

«Здравствуй, Гретель». – «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» – «Ничего не принес – от тебя получить хочу».

Гретель дарит Гансу телятца.

«Прощай, Гретель». – «Прощай, Ганс».

Взял Ганс телятца, положил его себе на голову – и телятенок, брыкаясь, все лицо ему помял.

«Добрый вечер, матушка». – «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» – «У Гретель побывал». – «Что же ты ей снес?» – «Ничего не снес – от нее получил». – «А что она тебе дала?» – «Телятца дала». – «А где же у тебя телятенок?» – «Да вот, на голове его нес, он мне ногами все лицо помял». – «Ну, ты это глупо сделал, Ганс. Тебе бы телятца пригнать да к колу привязать». – «Ну, ничего, другой раз лучше сделаю».

«Куда, Ганс?» – «К Гретель, матушка». – «Смотри, не оплошай, Ганс». – «Небось, не оплошаю. Прощай, матушка». – «Прощай, Ганс».

Ганс приходит к Гретель.

«Здравствуй, Гретель». – «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» – «Ничего не принес – от тебя получить хочу».

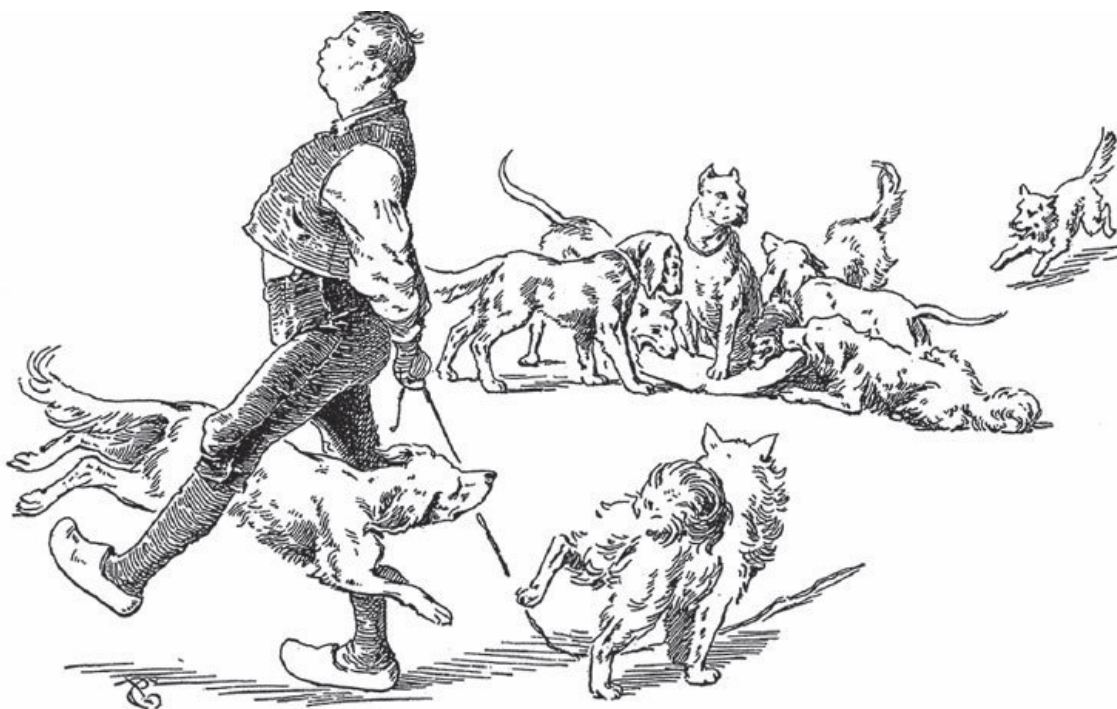
Гретель сказала Гансу: «Я с тобой сама пойду».

Ганс берет с собой Гретель, привязывает ее на веревку и гонит впереди себя; приводит ее к колу и накрепко к нему привязывает. Затем идет Ганс к своей матери.

«Добрый вечер, матушка». – «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» – «У Гретель побывал». – «Что ей снес?» – «Ничего не снес – саму ее с собою привел». – «Да куда же ты Гретель подевал?» – «На веревке пригнал, к колу привязал, травки ей бросил». – «Глупо ты это сделал, Ганс; ты должен на ее лицо ласковые взгляды глазами бросать». – «Ну, ничего; в другой раз лучше сделаю».

Ганс идет в стойло, вырезает у всех телят и баранов глаза и вскидывает их в лицо Гретель.

Ну, тогда уж Гретель на него не на шутку озлилась, с привязи сорвалась и убежала... А была Гансу невестой!

«Разумный Ганс».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Ганс берет кусок сала, навязывает его на веревку и тащит за собою. Подбежали собаки и съели все сало. Приходит домой – за ним одна веревка тащится, а на веревке-то и нет ничего...»

Три языка

В Швейцарии жил некогда старик-граф, у которого был всего один сын, но он был глуп и ничему не мог научиться. Тогда сказал ему отец: «Слушай, сын мой, что я ни делаю, ничего тебе в голову вдолбить не могу. Надо тебе отсюда отправиться к одному знаменитому учителю; я тебя передам ему, и пусть он с тобою попробует заняться».

Юноша был отослан отцом в другой город и целый год оставался у учителя.

По прошествии же года он опять вернулся домой, и отец спросил его: «Ну, сынок, чему же ты научился? – «Батюшка, я выучился разуместь то, что собаки лают», – отвечал сын. «Ах, Господи! Да неужели ты только этому и научился? Так я тебя лучше уж отдам в другой город, к другому учителю».

И сvez туда юношу, и оставался он еще год у другого учителя в науке.

Когда же окончил ученье, отец опять-таки спросил его: «Ну, сынок, чему же ты научился?» Тот отвечал: «Батюшка, я научился тому, что птицы между собой говорят».

Тогда отец разгневался и сказал: «Ах ты, пропащий человек, сколько ты потерял драгоценного времени, ничему не выучился и не стыдишься мне на глаза показываться! Пошлю я тебя еще к третьему учителю, и уж если ты у него ничему не научишься, так я и отцом твоим не хочу называться!»

Сын и у третьего учителя оставался ровнешенько год, и когда домой вернулся, отец опять его спросил: «Чему, сынок, выучился?» Сын отвечал: «Дорогой батюшка, в этот год я научился понимать, что лягушки квакают».

Тогда отец пришел в величайшую ярость, вскочил со своего места, созвал людей своих и сказал им: «Этот человек мне больше не сын! Я выгоняю его из моего дома и приказываю вам отвести его в лес и лишить жизни».

Люди вывели его из дома в лес, но когда собирались его убить, жалость их одолела, и отпустили они его на все четыре стороны. А чтобы отцу доказать, что его приказание исполнено, они убили лань, отрезали у нее язык, вынули глаза и принесли их к старику-графу.

А юноша пошел путем-дорогою и пришел немного спустя к крепкому замку, в который и стал проситься переночевать. «Ладно, – сказал владелец замка, – если только ты захочешь переночевать в подвале старой башни, так ступай туда, пожалуй; только я предупреждаю тебя, что подвал полнехонек злых собак, которые и лают, и воют, не переставая, а по временам требуют, чтобы им сброшен был человек, и они его тотчас растерзывают».

Он добавил еще, что весь околоток был этим бедствием напуган и опечален и все же никто не мог ничего поделать.

Юноша, однако же, не испугался и сказал: «Спустите меня в подвал к этим злым собакам и дайте мне с собою что-нибудь такое, чем бы я мог их покормить; мне от них ничего не станется».

Так как он сам выразил это желание, то ему дали с собой немного съестного про запас и спустили его в подвал башни к злым собакам.

Когда он туда спустился, собаки не стали на него лаять, а напротив, очень ласково завиляли около него хвостами, съели то, что он принес съестного, и не тронули на нем ни одного волоска.

На другое утро, ко всеобщему удивлению, он вышел из подвала цел и невредим и сказал владельцу замка: «Собаки на своем языке пояснили мне, почему они в том подвале сидят и весь околоток в страхе держат. Они заколдованы и вынуждены заклятием сторожить под этой башнею большой клад, и только тогда с них заклятие снимется, когда этот клад из-под башни достанут; а как это сделать, я тоже из их речей понял и выслушал».

Все обрадовались, услышавши это, а владелец замка сказал, что готов его сыном в семью к себе принять, если он счастливо выполнит это дело. Поэтому юноша снова спустился в подвал и, зная уже, что ему надлежит делать, выполнил все прекрасно и вынес на свет Божий сундук, полнешенек золота.

С той поры и воя, и лая злых псов не стало более слышно: они исчезли, и весь околоток был избавлен от великого бедствия.

Немного времени спустя пришло юноше в голову в Рим отправиться.

На пути пришлось ему проезжать мимо болота, в котором сидели лягушки и квакали. Прислушался он, и когда разобрал, что они говорили, то призадумался и опечалился. Наконец, он прибыл в Рим; а там как раз около этого времени папа умер и кардиналы были в большом сомнении, кого они должны избрать папе в преемники.

Наконец, они согласились на том, что папою должен быть избран тот, на ком явно проявится знамение благодати Божией.

И чуть только на этом порешили, как вошел в церковь молодой граф, и вдруг слетели к нему два белых голубя и уселись у него на обоих плечах. Все духовенство признало в этом знамение Божие и спросило его тотчас же, желает ли он быть папою. Он был в нерешимости и не знал, достоин ли он такой чести, но голуби наворковали ему, что он может это сделать, и он отвечал утвердительно.

Тут его помазали и посветили в папы, и тогда только выяснилось, что его так опечалило в речах придорожных лягушек: они ему предсказали, что он святейшим папой будет.

Вот и пришлось ему службу в соборе служить; а он ни в зуб толкнуть...

Ну, да спасибо, голубки выручили: сидели у него на плечах да ворковали – все до слова ему подсказали.

Умная Эльза

Жил-был на свете человек, у которого была дочка, и называлась она умною Эльзою. Когда она выросла, отец и говорит матери: «Надо ее замуж отдать». – «Ладно, – сказала мать, – лишь бы нашелся такой молодец, который бы захотел взять ее в жены».

Наконец, откуда-то издалека выискался такой молодец по имени Ганс и стал к ней сватываться; но при этом поставил условие, чтобы жена его была не только умная, а и разумная.

«О! – сказал отец. – У этой девки голова с мозгами». А мать добавила: «Чего уж! Она такая у меня сметливая, что видит, как ветер по улице бежит, и такая-то чуткая, что, кажется, вот муха кашляни – она уж услышит!» – «Да, – сказал Ганс, – должен вам сказать, что коли она не очень разумная, так мне на ней и жениться не с руки».

Когда они сели за стол и поели уже, мать сказала: «Эльза, сходи-ка в погреб да принеси нам пива».

Сняла умная Эльза кружку со стены, пошла в погреб, по дороге постукивая крышкой для развлечения; когда же сошла в погреб, достала стулик, поставила его перед бочкой да на стулик и присела, чтобы спины не натрудить да себе как не повредить. Затем поставила перед собою кружку и повернула кран у бочки; а пока пиво в кружку бежало, стала она по сторонам глазеть и увидела над собою мотыгу, которую каменщики по забывчивости там оставили...

И вот начала умная Эльза плакать и приговаривать: «Коли я за Ганса выйду замуж да родится у нас ребенок, да повзрастет, да пошлем мы его на погреб пива нацедить, да упадет ему на голову эта мотыга, да пришибет его до смерти!»

И так она сидела около бочки и плакала, и криком кричала из-за того, что ей грозит в будущем беда неминуемая...

В доме между тем все ждали пива, а умная Эльза все-то не возвращалась.

Тогда сказала ее мать служанке: «Сходи-ка в погреб, посмотри, что там Эльза замешкалась?»

Пошла служанка и видит – сидит та перед бочкой и кричит благим матом. «Эльза, о чем ты плачешь?» – спросила служанка. «Ах, – отвечала та, – как же мне не плакать? Коли я за Ганса выйду замуж да родится у нас ребенок, да вырастет, да пошлем мы его на погреб пива нацедить, да упадет ему на голову эта мотыга, да пришибет его до смерти!»

Тут и служанка сказала: «Ведь поди ж ты, какая у нас Эльза умная!» – под села к ней и начала с нею вместе беду неминуемую оплакивать...

Немного спустя, когда и служанка тоже не возвратилась, а все за столом требовали пива, чтобы утолить жажду, отец Эльзы сказал работнику: «Сойди ты в погреб и посмотри, чего там Эльза со служанкой замешкались?»

Сошел работник в погреб и видит – сидят Эльза со служанкой, и обе плачут. Тут он и спросил их: «Чего вы тут разревелись?» – «Ах, – сказала Эльза, – как же мне не плакать? Коли я за Ганса выйду замуж да родится у нас ребенок, да вырастет, да пошлем мы его в погреб пива нацедить, да упадет ему на голову эта мотыга, да пришибет его до смерти!»

И работник тоже сказал: «Вот, поди ж ты, какая у нас Эльза умная!» – подсел к ним и тоже стал выть во весь голос.

А в доме все ждали, что работник вернется, и так как он не возвращался, то сказал хозяин хозяйке: «Ступай сама в погреб, посмотри, чего там Эльза замешкалась?»

Сошла хозяйка в погреб и всех троих застала в сокрушениях, и спросила о причине их, и как услышала от Эльзы о беде неминуемой, которая грозила ее будущему ребенку от мотыги, так и сказала: «Господи, какая у нас Эльза-то умная!»

И тоже под села к ним троим и стала плакать.

Ждал-пождал муж сколько-то времени, но когда увидел, что жена его не возвращается, а жажда его все больше и больше мучила, то он сказал себе: «Ну, видно, уж мне самому надо в погреб сходить да посмотреть, что там Эльза замешкалась?»

Когда же он сошел в погреб и увидел, как они все там сидели рядком и ревели, и услышал о той беде неминуемой, которая грозила будущему ребенку Эльзы от мотыги, – и он тоже воскликнул: «Какая у нас Эльза-то умница!»

И подсел к ним, и тоже стал вместе с ними плакать. Жених долго сидел в доме один-одинешенек; но так как никто не приходил, то он подумал: «Они, пожалуй, меня там внизу ждут. Надо и мне туда же пойти, посмотреть, что они затевают».

Сошел он в погреб и видит – сидят они все пятеро рядом и ревут, и плачут жалобно, один другого перешеголять стараются.

«Да что же у вас за несчастье случилось?» – спросил он. «Ах, милый Ганс, – заговорила Эльза, – сам подумай: как мы с тобой поженимся да будет у нас ребенок, да вырастет, да пошлем мы его, пожалуй, сюда пива нацедить, да вот эта мотыга, что там наверху торчит, на голову ему упадет, да пришибет его до смерти! Так как же нам об этом не плакать?» – «Ну, – сказал Ганс, – большего разума для моего домашнего обихода не требуется; коли уж ты такая умная, Эльза, так я тебя возьму за себя замуж».

Хватя ее за руку, повел ее в дом и свадьбу с нею сыграл. Пожила она сколько-то времени с Гансом, и сказал он ей: «Жена, я пойду на заработки ради добычи денег, а ты ступай в поле и жни, чтобы у нас, кроме денег, и хлеб был». – «Хорошо, милый Ганс, я так и сделаю».

Ганс ушел, а она наварила себе славной каши и взяла кашу с собою в поле.

Когда она пришла на свое поле, то и сказала себе самой: «Что мне прежде следует сделать? Жать ли прежде начать, кашу ли прежде кончать? Э-э! Стану я прежде кашу кончать!»

И опорожнила свой горшок каши, и как уж очень-то наелась, опять стала себя спрашивать: «Теперь что делать прежде? Жать ли мне прежде, спать ли мне прежде? Э-э! Дай-ка я посплю прежде!» И залегла она в рожь, и крепко уснула.

Ганс давно уж и дома был, а Эльза все еще не возвращалась; вот он и сказал: «Экая у меня Эльза умная, экая старательная! До сих пор и домой нейдет, и работает, ничего не евши».

А так как та все не возвращалась домой и уж за вечерело, Ганс сам пошел за нею в поле, думает: «Дай посмотрю, сколько она там нажала!» И видит, что она ничего не нажала, а лежит во ржи да спит.

Тогда Ганс побежал домой, принес птицеловную сетку с маленькими бубенчиками и накинул на нее эту сетку; а та все спит себе да спит.

Затем побежал он опять домой, запер входную дверь, уселся на свое место и принялся за работу.

Наконец, когда уж совсем стемнело, умная Эльза проснулась, и когда стала подниматься, то была словно полоумная, да и бубенчики-то брекотали вокруг нее, чуть только она ступит шаг вперед.

Это напугало Эльзу, и она впала в сомнение – точно ли она и есть умная Эльза? И стала она себя спрашивать: «Я ли это или не я?» И сама не знала, что ей на это ответить, и стояла в нерешимости. Наконец, она надумала: «Пойду-ка я домой и спрошу: я ли это или не я. Те-то уж наверно знают».

Подбежала она к дверям своего дома и нашла двери запертыми; постучалась в окошечко и крикнула: «Ганс, Эльза-то у тебя дома?» – «Да, – отвечал Ганс, – она дома». Тут Эльза испугалась и сказала: «Ах, Боже мой, значит, я не Эльза!» – и бросилась к другим дверям.

Но все, чуть только слышат побрякивание бубенчиков, не отпирают; и так ей нигде не нашлось приюта. Тогда она побежала из деревни, и никто уж не видал ее более.

*«...Сошла хозяйка в погреб и всех троих
застала в секретишках, и спросила о причине
их, и как услышала от Эльзы о беде
нелинудей, которая грозила ее будущему
ребенку от мотыги, так и сказала:
“Господи, какая у нас
Эльза-то умная!”...»*

«Умная Эльза».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Портной в раю

Получилось так, что Бог в один прекрасный день задумал пройтись по райскому саду и взял с собою всех апостолов и всех святых, так что на небе никого не осталось, кроме Святого Петра. Господь приказал Петру во время своего отсутствия никого не впускать в рай, а потому Петр и стоял на часах.

Немного спустя кто-то возьми и постучись. Петр спросил: «Кто там и что нужно?» Тоненький голосок отвечал ему: «Я честный бедняга-портной и прошу о пропуске в рай». – «Да знаем мы вас, честных! – сказал Святой Петр. – Честен ты, как вор на виселице, а у самого, небось, лапа загребистая и куда как искусна насчет урезки чужого сукна! Не войдешь ты в рай – Господь запретил мне впускать кого бы то ни было, пока он будет сам в отсутствии». – «Сжальтесь надо мной! – воскликнул портной. – Ведь эти маленькие обрезочки, которые сами собой отпадают от сукна, даже и за воровство почитать нельзя, об них даже и говорить-то не стоит. Извольте видеть, что я вот хромаю и пузыри у меня сделались на ногах от долгого пути сюда... Как же вы хотите, чтобы я еще назад шел? Вы уж только впустите меня, уж я там приму на себя всю черную работу. Я и с детьми готов возиться, и свивальники их стирать, и лавки те мыть и обтирать, на которых они играют, и платье их штопать».

Святой Петр поддался состраданию и приотворил дверь рая ровно настолько, чтобы хромой портной, худой и тощий, мог-таки проскользнуть в рай. Он должен был приютиться в уголке за дверью и там сидеть смиренненько и тихонько, чтобы его не приметил Господь, когда вернется, и не прогневался на него.

Портной повиновался, но чуть только Святой Петр вышел за двери, портной поднялся со своего места, пошел бродить по всем закоулкам неба и все осматривал с любопытством.

Наконец, пришел он к месту, на котором стояло много прекрасных дорогих стульев, а среди них кресло из чистого золота, украшенное сверкающими драгоценными камнями; это кресло было значительно выше прочих стульев, а перед ним стояла золотая скамейка для ног.

Это и было то кресло, на котором сидел сам Господь, когда бывал у себя дома, и отсюда он мог видеть все, что происходило на земле.

Портной остановился и долго смотрел на кресло, потому что оно ему понравилось более всего остального. Смотрел, смотрел и не мог воздержаться от желания посидеть на этом кресле – взобрался на него и сел.

Тогда увидел он все, что происходило на земле, и обратил особенное внимание на старую, безобразную бабу, которая полоскала белье у ручья и тихонько отложила в сторону два покрывала. Портной так разгневался на это, что схватил золотую скамейку и швырнул ее с неба на землю в старую воровку. Но так как он не мог вернуть скамейку с земли, то потихоньку соскользнул с кресла, уселся на свое прежнее место за дверью и сделал вид, будто он и воды не замутил.

Когда Господь Бог со своей небесной свитой вернулся в свои небесные покои, то, конечно, не заметил портного за дверью, но когда опустился в свое кресло, то увидел, что скамейки при нем не было.

Он спросил у Святого Петра, куда девалась скамейка, и тот не знал, что ему ответить. Тогда Господь спросил Петра, не впускал ли он кого-нибудь. «Не знаю, кто бы сюда мог войти, – отвечал Петр. – Разве только хромой портной, что сидит и теперь еще за дверью».

Тогда Господь приказал позвать портного и спросил его, не он ли взял скамейку и куда он ее девал. «Ах, Господи, – радостно отвечал портной, – я ту скамейку, разгневавшись, швырнул на землю в старуху, которая на моих глазах украла из стирки два покрывала». – «О ты, лукавец! – сказал Господь. – Да ведь если бы я вздумал так судить, как ты судишь, что бы я с тобою-то должен был сделать? Как ты думаешь? Ведь тогда бы у меня здесь ни стульев, ни скамей, ни

кресел, ни даже кочерги не осталось – все бы пришлось побросать на вас, грешников! Отныне ты не можешь долее оставаться на небе, убирайся за ворота – знай, куда ты попал! Здесь никто не смеет карать, кроме меня, Господа».

Петр должен был опять выпроводить портного из дверей рая, и так как у того башмаки были рваные и ноги в пузырях, то он взял в руки палку и отправился в покой, где сидят в Царстве небесном благочестивые солдаты и проводят время в веселье.

Столик-Сам-Накройся, золотой осел и дубинка из мешка

Много лет тому назад жил да был портной, а у него было три сына и всего-навсего одна коза. Но эта коза прокармливала их всех своим молоком, а потому и кормить ее надо было хорошо и ежедневно гонять на пастбище. Гонять ее сыновьям приходилось по очереди.

И вот однажды старший сын пригнал ее на кладбище, где росли превосходнейшие травы, и дал ей там досыта наесться и напрыгаться.

Под вечер, когда уже пора было домой идти, он спросил ее: «Козочка, сыта ли ты?» И козочка отвечала:

Я так теперь сыта-сыта,
Что не могу съесть ни листа!..
Мэ-э!

«Ну, так пойдем домой», – сказал молодец, ухватил ее за веревочку, привел в хлев и привязал ее там.

«Ну, что, – спросил старый портной, – наелась ли козочка досыта?» – «О да! Она так сыта, что не может съесть ни листа».

Однако же отец захотел сам в этом удостовериться, пошел в стойло, погладил милое животное и спросил: «Козочка, сыта ли ты?»

И козочка отвечала:

С чего могу я быть сыта?
Не съела в день я ни листа!..
Мэ-э!

«Что я слышу? – воскликнул портной, взбежал наверх и сказал сыну: – Ах ты, лжец! Говорил, что коза сыта, а сам заставляешь ее голодать?» И в страшном гневе сорвал аршин со стены, стал им бить сына и прогнал его из дому.

На другой день очередь дошла до другого сына, и тот выискал у садового забора такое местечко, где росла только отличная трава, и коза всю ее съела.

Под вечер, когда он хотел вернуться домой, он спросил: «Козочка, сыта ли ты?»

И козочка отвечала:

Я так теперь сыта-сыта,
Что не могу съесть ни листа!..
Мэ-э!

«Ну, так пойдем домой», – сказал молодец, привел ее домой и привязал крепко-накрепко в стойле. «Ну, – спросил старый портной, – довольно ли было корму у козочки?» – «О-о! – сказал сын. – Да она так сыта, что не съест ей ни листа».

Но отец решил убедиться сам, пошел в хлев и спросил: «Козочка, сыта ли ты?»

Козочка отвечала:

С чего могу я быть сыта?
Не съела в день я ни листа!..
Мэ-э!

Мэ-э!

«Ах ты, злодей, ах, бездельник! – вскричал портной. – Этакую славную скотинку да голодом морить!» – взбежал наверх за аршином да и выгнал второго сына из дому.

Пришла очередь третьего сына. Тот задумал выполнить свое дело как можно лучше, выискал кустарничек с густой листвой и дал козочке вдоволь наесться листвы.

Вечерком, собираясь домой, он спросил у козочки: «Козочка, сыта ли ты?»

Козочка отвечала:

Я так теперь сыта-сыта,
Что не могу съесть ни листа!..
Мэ-э!

«Ну, так пойдем домой», – сказал молодец, привел ее в хлев и привязал накрепко. «Ну, – спросил портной, – наелась ли коза досыта?» – «О, – отвечал сын, – так-то она сыта, что не съесть ей ни листа».

Не поверил портной сыну, пошел вниз, в хлев, и спросил: «Козочка, сыта ли ты?»

Злая тварь отвечала:

С чего могу я быть сыта?
Не съела в день я ни листа!..
Мэ-э!

«Ах ты, лживое отродье! – воскликнул портной. – Один другого хуже и нерадивее! Теперь уж вы меня не одурачите!» – и в ярости взбежал наверх да аршином так наколотил сыну спину, что тот сам убежал из дома.

Вот и остался старый портной один-одинешенек со своей козой. На другое утро сошел он в хлев, стал ласкать козочку и сказал: «Ну, пойдем, дорогая моя животинка, я сам сведу тебя на пастбище».

И повел ее на веревке к зеленым изгородям и стал кормить теми травами, которые особенно любимы козами. «Тут ты можешь напиться, сколько твоей душеньке угодно!» – сказал он козочке и оставил ее пастись до самого вечера.

А вечером спросил: «Козочка, сыта ли ты?»

Она ответила:

Я так теперь сыта-сыта,
Что не могу съесть ни листа!..
Мэ-э!

«Ну, так пойдем домой», – сказал портной, свел ее в хлев и привязал накрепко. Уходя из хлева, он еще раз обернулся и сказал:

«Ну, сыта ли ты теперь?»

Но коза и с ним так же поступила, как с сыновьями его, и отвечала:

С чего могу я быть сыта?
Не съела в день я ни листа!..
Мэ-э!

Услышав это, портной обомлел: он понял, что совершенно напрасно прогнал от себя своих троих сыновей. «Погоди уж, – воскликнул он, – неблагодарная тварь! Прогнать тебя мало! Я на тебе такую отметину поставлю, что ты честным портным не посмеешь и на глаза показаться!»

Мигом слетал он наверх, принес свою бритву, намылил козе всю голову и выбрил ее глаже ладони. А так как аршином бить ее было бы слишком много для нее чести, то он принес простую плетъ и так нахлестал козу, что та пустилась от него большими прыжками.

Портной, очутившись один-одинешенек в своем доме, крепко загрустил и охотно бы вернулся к себе своих сыновей, но никто не знал, куда они подевались.

Старший поступил в учение к столяру, был в учении старателен и послушен, и когда время ученья миновало, его хозяин подарил ему столик, в котором на вид ничего мудреного не было, и сделан-то он был из самого простого дерева; но у него было одно хорошее свойство... Стоило только его поставить да сказать: «Столик, накройся!» – и тотчас на том столике явится чистенькая скатерка, а на ней и тарелка, и ножик с вилок, и блюдо с жареным или печеным, да еще сверх того большой стакан красного вина – глазам на усладу, сердцу на радость.

Молодой подмастерье подумал: «Ну, этого столика хватит мне на всю жизнь!» – и пошел себе бродить по свету, нимало не заботясь о том, в какую он попадал гостиницу: хороша ли, дурна ли она была и можно ли было в ней что-нибудь найти или нельзя.

Если вздумается ему, то он и вовсе не зайдет в гостиницу, а где-нибудь в поле, в лесу, на лугу вытащит столик из-за спины, поставит его перед собою и скажет: «Столик, накройся!» – и явится на столик все, чего душа желает. Наконец, пришло ему в голову, что следует ему вернуться к отцу, что гнев у старика уже прошел и что он охотно примет его снова в дом с такой диковинкой, как этот столик.

Случилось при этом, что на обратном пути зашел он однажды вечером в гостиницу, которая была переполнена постояльцами: они его поприветствовали и пригласили сесть за их стол и разделить с ними трапезу. «А то, – сказали они, – едва ли ты что-нибудь здесь достанешь». – «Нет, – отвечал столяр, – зачем стану я у вас отнимать; лучше уж я сам вас угощу».

*«...Когда миновали годы
ученья, хозяин-мельник сказал
ему: “Так как ты вел себя
хорошо, то я тебе подарю осла
особой породы, такого,
что ни возок возить не может,
ни кулей таскать”. –
“Так на что же он годен?” –
спросил сын портного. –
“А вот на что: из него
золото сыплется!”...»*

«Столик-Сам-Накройся, золотой осел и дубинка из мешка». Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Те посмеялись и подумали, что он с ними шутит, а столяр поставил свой деревянный столик среди комнаты и сказал: «Столик, накройся!» Мигом покрылся стол кушаньями, да такими, что их нельзя было бы достать и у хозяина гостиницы, а у гостей уж от одного запаха слюнки потекли.

«Принимайтесь-ка, друзья», – сказал столяр, и никто из гостей не заставил себя просить дважды; все пододвинулись к столику, вытащили ножи и принялись за еду. И более-то всего

удивлялись тому, что не успевало блюдо опорожниться, как на его место само собою являлось новое.

Тем временем хозяин гостиницы стоял в одном из углов комнаты и присматривался к этой диковинке; он и сам не знал, что ему сказать, однако же надумал: «Такого повара недурно было бы мне завести у себя, в моем хозяйстве».

Столяр и его гости веселились и потешались до поздней ночи, пока наконец не улеглись спать; и молодой подмастерье улегся также, поставив свой диковинный столик около стенки.

А хозяин все никак не мог успокоиться: ему пришло в голову, что в кладовой у него был столик точь-в-точь такой же, как этот. И вот он тихонько вытащил свой столик и подменил им столик столяра.

На другое утро столяр заплатил за свой ночлег, взял столик, вовсе не думая о том, что он подменен другим, и пошел своей дорогой.

В полдень пришел он к отцу, который принял его с великой радостью. «Ну, милый сын мой, чему ты выучился?» – спросил он у него. «Батюшка, я теперь столяр». – «Доброе ремесло, – сказал старик, – ну, а что же ты из своих странствований домой принес?» – «А вот, батюшка, лучшее из всего, что я принес, – вот этот столик».

Портной осмотрел его со всех сторон и сказал: «Ну, эта штука не важная – это просто старый и дрянной столишка». – «Да ведь это столик не простой, – сказал столяр, – если я его поставлю и скажу ему, чтобы он накрылся, так на нем тотчас явятся лучшие кушанья и такое вино, что и на сердце повеселеет. Вот вы и пригласите-ка всех родных и друзей к себе, пусть полакомятся и потешатся, мой столик их всех накормит».

Когда все гости были в сборе, он поставил свой столик посреди комнаты и сказал: «Столик, накройся!» А столик и не двинулся и оставался по-прежнему пустым, как и всякий другой, не разумеющий заветного слова.

Тут увидел бедняга-подмастерье, что столик у него подменен, и устыдился того, что он в глазах всех явился лжецом. Родные все его осмеяли и должны были разойтись по домам, не пивши и не евши.

Отец опять вытащил свое тряпье и стал портняжить; а сын определился к мастеру в подмастерья.

Второй сын портного пришел к мельнику и поступил к нему в ученье. Когда миновали годы ученья, хозяин-мельник сказал ему: «Так как ты вел себя хорошо, то я тебе подарю осла особой породы, такого, что ни возок возить не может, ни кулей таскать». – «Так на что же он годен?» – спросил сын портного. – «А вот на что: из него золото сыплется!» – отвечал мельник. – «Стоит тебе только поставить его на разостланный платок да сказать: “Бриклебрит”, – и посыплется у него золото отовсюду». – «Славная это штука!» – сказал сын портного, поблагодарил хозяина и побрел по белу свету.

Чуть, бывало, занадобятся деньги, стоит ему только сказать ослу: «Бриклебрит», – и сыплется золото дождем, и ему уж приходилось только подбирать его с земли. Куда бы он не приходил, ему подавай только все самое лучшее и чем дороже, тем лучше, потому что кошелек у него был постоянно полнешенек золота.

Побродив некоторое время по белу свету, он подумал: «Надо бы теперь отца разыскать; ведь если я к нему теперь приду со своим ослом, он и гнев позабудет, и меня примет ласково».

Случилось, что на пути попал он в ту самую гостиницу, в которой был подменен столик у его брата. Сын портного вел осла под уздцы, и когда хозяин хотел у него осла взять и привязать, наш молодец сказал ему: «Не трудитесь, я своего ослика всегда сам ставлю в стойло, сам и привязываю, потому я должен знать, где он стоит».

Хозяину это показалось странно, и он подумал: «Ну, коли сам за ослом ухаживает, значит, не больно много от него наживешься». Но когда приезжий сунул руку в карман да выта-

щил из него два червонца, да приказал ему закупить всего хорошего, хозяин и рот разинул, побежал и разыскал ему лучшее, что можно было добыть.

После обеда гость спросил, сколько ему следует заплатить, и хозяин не пожалел мела на запись – подвел счет так, что ему приходилось получить с гостя еще пару золотых.

Молодец наш сунул руку в карман, но денег в кармане у него не оказалось. «Погодите с минуточку, господин хозяин, – сказал он, – я сейчас схожу и принесу золота». Пошел и скатерть с собой захватил.

Хозяин не мог понять, что бы это могло значить; захотел узнать, прокрался за ним следом, и так как гость запер дверь конюшни на задвижку, то хозяин стал подглядывать через скважинку.

А гость разостлал под ослом скатерть, крикнул: «Бриклебрит!» – и тотчас посыпалось у осла золото и спереди, и сзади, и порядочно его попадало на землю. «Ах, шут его возьми! – сказал хозяин. – Скоро же он червонцы чеканит! Такой кошель иметь недурно!»

Гость уплатил по счету и лег спать; а хозяин пробрался ночью в стойло, увел оттуда диковинного осла и поставил другого на его место.

На следующее утро ранешенько молодец со своим ослом отправился в путь, не подозревая, что осел у него подменен.

В полдень пришел он к своему отцу, и тот ему обрадовался и принял его ласково. «Ну, сынок, что-то из тебя стало?» – спросил старик. «А я теперь в мельниках, батюшка», – отвечал сын. «А что же ты, сынок, с собою из странствований своих принес?» – «А всего только одного осла». – «Ослов тут и так довольно, – сказал отец, – по мне хорошая коза была бы лучше осла». – «Да, конечно!» – отвечал сын. – Да только мой осел-то не простой, а диковинный; чуть только скажу ослу: “Бриклебрит”, – так он и насыплет мне полный платок золота. Созовите-ка всех родственников, я их сразу обогащу». – «Это мне нравится, – сказал портной, – значит, мне не нужно будет более мучиться с иглой?» – и тотчас вскочил, сам побежал по всем родственникам и всех к себе созвал.

Когда они все были в сборе, мельник, сын портного, попросил их очистить место, разостлал свою подстилку и привел осла в комнату. «Теперь смотрите!» – сказал он им и произнес громко: – Бриклебрит!» Однако же никаких червонцев не посыпалось, и выяснилось тотчас, что осел ничего не понимает в искусстве добывания золота... И то сказать, не всякий же осел обладает таким даром!

Тогда у бедняги лицо повытянулось: он увидел, что его обманули, и стал просить извинения у своих родных, которым пришлось вернуться домой такими же бедняками, как прежде. Что же было делать? Пришлось старику-портному опять взяться за иглоку, а нашему молодцу – поступить в услужение к соседнему мельнику.

Третий сын был в ученье у токаря, и так как это ремесло хитрое, то и пришлось ему учиться дольше всех братьев. Однако же братья известили его письмом, как плохо им пришлось от того хозяина гостиницы, который накануне их возвращения домой сумел оттягать их диковинки.

Когда третий брат окончил ученье у токаря и должен был с ним расстаться, токарь подарил ему за хорошее поведение мешок и сказал: «В этом мешке лежит дубинка». – «Мешок-то я могу через плечо повесить, и он мне может пригодиться, но к чему же в нем дубинка? Она будет только напрасно тяготить меня». – «А вот к чему, – отвечал мастер, – если тебя кто-нибудь обидит, ты только скажи: “Дубинка, из мешка!” – дубинка выскочит и так примется отплясывать на любой спине, что побитый потом дней восемь и пошевелиться не сможет. И до тех пор будет плясать, пока ты не скажешь: “Дубинка, в мешок!”»

Подмастерье поблагодарил мастера, повесил суму через плечо, и когда кто-нибудь подходил к нему слишком близко или умышлял на его жизнь, то он, бывало, только скажет: «Дубинка, из мешка!» – и тотчас выпрыгнет дубинка и пойдет выколачивать на спинах платье

прежде, чем даже и снять его успеют; да так-то быстро и ловко, что раньше, чем один оглянуться успеет, дубинка уж за другого принимается.

Путем-дорогою молодой токарь пришел под вечер в ту гостиницу, в которой его братья были обмануты плутом-хозяином. Он положил перед собою свою котомку на стол и стал рассказывать, что он видел диковинного на свете во время своих странствований. «Да, – сказал он, – бывают такие столики, что сами накрываются, и ослы, из которых золото сыплется само собою, – все это, конечно, недурно, и я бы от этого всего не прочь, но все это ничто перед тем сокровищем, которое я успел приобрести и везу с собою в мешке».

Хозяин тотчас и уши насторожил. «Что бы это могло быть такое? – подумал он. – Мешок-то у него, верно, набит одними драгоценными камнями; недурно бы мне и его прибрать к рукам: недаром говорится, что всего хорошего бывает по трое».

Когда пришло время спать ложиться, гость растянулся на лавке и подложил свой мешок под голову. Хозяин же, когда решил, что гость его заснул глубоким сном, подошел к нему, ухватился за мешок и стал полегоньку тащить из-под головы гостя, чтобы заменить его другим мешком.

А токарь давно уже только этого и поджидал, и в то самое время, когда хозяин собирался дернуть мешок посильнее, он воскликнул: «Дубинка, из мешка!» И тотчас же дубинка выскочила из мешка, наскочила на хозяина и давай его по всем швам разделявать! Хозяин стал кричать и молить о пощаде; но чем громче он кричал, тем сильнее выбивала дубинка в такт этому крику дробь по его спине, пока, наконец, он не упал в совершенном изнеможении.

Тогда токарь сказал ему: «Если ты не вернешь мне столик-сам-накройся и осли, что золото сыплет, я велю дубинке еще раз поплясать на твоей спине». – «Ах, нет, – отвечал хозяин чуть слышным голосом, – охотно верну тебе все – вели только этой проклятой дубинке опять вскочить в мешок».

Молодец сказал на это: «Ну, я тебя помилую, хоть и не следовало бы, но берегись у меня! – и крикнул при этом: – Дубинка, в мешок!» – оставил хозяина в покое.

На другое утро токарь отправился к отцу со всеми тремя диковинками.

Портной очень обрадовался, свидевшись с ним, и его также спросил, чему он выучился на чужбине. «Я, батюшка, выучился токарному мастерству». – «Хитрое мастерство, – заметил отец, – а что ты с собою принес домой из своих странствований?» – «Дорогую привез я диковинку, батюшка! – отвечал сын. – Привез дубинку в мешке». – «Что такое? – воскликнул отец. – Стоило ли такую дрянь с собою привозить! Ведь ты дубинку-то можешь из каждого дерева себе вырубить!» – «Ну, нет! Такой не вырубишь! Ведь этой стоит сказать: “Дубинка, из мешка!” – и выскочит дубинка, и задаст ходу тому, кто мне недруг, и до тех пор не оставит в покое, пока тот наземь не свалится и не завопит о пощаде. Вот, видите ли, с этой дубинкой я сумел вернуть и диковинный столик, и диковинного осли, которые вороватым хозяином отняты были у моих братьев. Прикажете-ка их обоих позвать да пригласите всех родных: я их напою и накормлю досыта да еще набью им золотом полнешеньки карманы».

Старый портной не очень этому поверил, однако же созвал всех родных. Тогда токарь разостлал в комнате покрывало, ввел диковинного осли и сказал брату: «Ну-ка, братец, поговори с ним по-своему».

Мельник сказал: «Бриклебрит», – и в то же мгновение дождем посыпались на покрывало червонцы и сыпались до тех пор, пока все не набрали себе столько, сколько могли снести.

Затем токарь вынес столик и сказал: «Братец, поговори ты с ним по-своему».

И как только столяр проговорил: «Столик, накройся!» – столик накрылся, и явились на нем прекраснейшие блюда.

Тогда началось пиршество, какого старый добряк портной еще никогда не видывал в своем доме, и все родственники оставались в сборе до поздней ночи, и все веселились и были довольны.

Затем старый портной запер в шкаф свои иголки и нитки, аршин и утюг – и зажил со своими сыновьями припеваючи.

А куда же коза-то девалась, которая была виною того, что старый портной прогнал от себя своих троих сыновей?

А вот куда.

Устыдилась она того, что голова-то у ней была обрита, вбежала в лисью нору да и прихоронилась там. Когда вернулась лиса домой, видит – горят в темноте чьи-то большие глаза; испугалась лиса и прочь побежала.

Повстречался ей медведь, и так как лиса на вид была чем-то крепко смущена, то медведь и спросил ее: «Что это ты такую кислую рожу скроила?» – «Ах, – отвечала лиса, – какой-то страшный зверь забрался в мою нору, да так и вылупил на меня огненные глаза свои». – «О! Мы его сейчас турнем оттуда!» – сказал медведь, пошел вместе с лисою и заглянул в ее нору; но, увидев огненные глаза, светившиеся в темноте, медведь тоже струхнул: он не пожелал иметь никакого дела с укрывшимся в норе диким зверем и дал тягу от норы.

Повстречалась ему пчела, заметила, что медведю не по себе, и сказала: «Мишенька, чего ты пригорюнился и куда же девалась твоя веселость?» – «Хорошо тебе говорить! – сказал медведь. – А посмотрела бы ты, какой страшный зверь с огненными буркалами засел в норе лисицы, и выгнать мы его не можем».

Пчела сказала: «Жаль мне тебя, Мишенька! Я бедная, слабая тварь – вы меня и вниманием не достаиваете; а все же я думаю, что я могу вам помочь».

Влетела она в нору лисицы, села козе на бритую голову и ужалила ее так жестоко, что та вскочила с места, заблеяла: «Мэ! Мэ!» – и пустилась, как полоумная, со всех ног...

Так никто ее с той поры и не видывал!

«Столик-Сам-Накройся, золотой осел и дубинка из мешка. Волшебная дубинка напала на вороватого хозяина гостиницы».

Художник – Александр Зик. 1890-е гг.

«...И тотчас же дубинка выскочила из мешка, наскочила на хозяина и давай его по всем швам разделывать! Хозяин стал кричать и молить о пощаде; но чем громче он кричал, тем сильнее выбивала дубинка в такт этому крику дробь по его спине, пока наконец он не упал в совершенном изнеможении...»

Мальчик-С-Пальчик

Бедняк-крестьянин сидел однажды вечером у очага и подгребал уголья, а жена его рядом с ним сидела и пряла. И сказал он жене: «Как это жалко, что у нас детей нет! У нас в доме такая тишина, а в других-то домах и шумно, и весело». – «Да, – отвечала со вздохом жена, – хоть бы один был у нас ребенок, хоть бы самый малюсенький, вот с мизинчик – я была бы уже довольна; мы бы его как любили-то!»

Случилось вскоре после того, что жена затяжелела и родила ребенка, и ребенок родился здоровый и телом складный, но зато ростом был не больше пальца.

И отец с матерью сказали: «Мы такого точно себе и желали, и он должен быть нам милым дитятком!» И назвали они его за его рост Мальчик-с-пальчик.

Они кормили его, ничего не жалея, а ребенок все же не вырастал и оставался таким же маленьким, как родился; но глазенки у него светились разумом, и вскоре он выказал себя умным и правдивым малым, которому притом же была во всем удача.

Случилось однажды крестьянину в лес собраться для рубки дров, и он сказал про себя: «Хорошо было бы, кабы кто-нибудь потом, как нарублю дров, подъехал в лес с повозкой». – «Батюшка, – сказал Мальчик-с-пальчик, – повозку вам я возьмусь доставить; положитесь на меня, она будет в лесу вовремя».

Отец рассмеялся и сказал: «Где же тебе это сделать? Ты слишком мал и потому не можешь вести лошадь под уздцы». – «Это ничего не значит, батюшка! И если только матушка запряжет лошадей в повозку, я заберусь лошади в ухо и стану ей указывать, куда ей следует идти». – «Ну, что ж. Пожалуй, попробуем разок», – сказал отец.

Когда пришло время, мать запрягла лошадей в повозку и посадила сыночка лошади в ухо, и стал оттуда малютка править лошадью – покрикивать на нее, то понукая, то сдерживая. И все пошло как по маслу, и повозка направилась прямым путем в лес.

Случилось, между прочим, так, что в то время, как повозка заворачивала за угол и малютка кричал лошади: «Правей, правей!» – шли мимо каких-то два незнакомца. «Что бы это значило? – сказал один из них. – Вот идет повозка, и возчик покрикивает на лошадь, а самого его не видать». – «Тут нечисто дело, – сказал другой, – пойдем-ка за повозкой следом и посмотрим, где она остановится».

А повозка-то въехала в лес и подъехала как раз к тому месту, где отец рубил дрова.

Когда Мальчик-с-пальчик завидел своего отца, он крикнул: «Видишь ли, батюшка, вот я и приехал к тебе с повозкою; сними же меня и опусти наземь».

Отец левою рукою ухватил лошадь под уздцы, а правую вынул из уха лошади своего милого сыночка, который и опустился на землю веселый-превеселый, и уселся на соломинку.

Когда двое незнакомцев увидели малютку, то они не могли опомниться от изумления. Один из них отвел другого в сторону и сказал: «Послушай, ведь этот мальчик-крошка мог бы нас осчастливить, если бы мы стали его показывать за деньги в большом городе. Давай-ка купим его!»

Подошли они к крестьянину и говорят: «Продай-ка нам этого маленького человечка; ему у нас будет хорошо». – «Нет, – отвечал отец, – не продам: это дитя моего сердца, не возьму за него всего золота, что есть на свете». А Мальчик-с-пальчик, услышав разговор отца с незнакомцами, вскарабкался по складкам платья к отцу на плечо и шепнул ему на ухо: «Батюшка, продай ты меня, уж я вернусь к тебе!» Тогда отец и отдал его за крупную сумму денег этим незнакомцам.

«Куда нам тебя посадить?» – спросили они у него. «А вот посадите меня на поля вашей шляпы: там я могу и расхаживать, и местность кругом озирать, и не упаду оттуда». Они так и сделали, и когда Мальчик-с-пальчик простился с отцом, они пустились в путь.

Так шли они до самых сумерек, когда малютка сказал им: «Спустите-ка меня на минутку!» – «Зачем?» – «Нужно». – «Ну, стоит ли из-за этого слезать? – сказал человек, у которого малютка сидел на шляпе. – Не беспокойся ни о чем; ты ведь как птичка, а от них кому не попадает!» – «Нет!» – сказал Мальчик-с-пальчик. – Я знаю, как себя вести следует, поскорее спустите меня».

Делать нечего, пришлось незнакомцу снять шляпу и опустить малютку на придорожное поле; там он прыгнул разок-другой да пополз в сторону между комьями пашни, да скользнул в мышью норку, которую разыскал тут же, и со смехом крикнул незнакомцам: «Добрый вечер, господа, можете и без меня идти домой подобру-поздорову».

Те стали бегать и взад, и вперед и тыкать палкою в мышиную нору, но все было напрасно: Мальчик-с-пальчик все дальше и дальше забирался в нору, а так как вскоре совсем стемнело, то они должны были отправиться домой с досадою и с пустым кошельем.

Когда Мальчик-с-пальчик заметил, что они ушли, он снова вышел на свет Божий из своего подземелья. «По полю в темноте ходить опасно, – сказал он, – пожалуй, еще сломишь себе шею либо ногу!» После этого на пути ему попала пустая раковина улитки. «Ну, слава богу, – подумал он, – там я проведу ночь спокойно». И уселся в раковину.

Уж он собирался и заснуть, когда услышал, что мимо идут двое и разговаривают между собою: «Как бы нам ухитриться и стянуть у богатого пастора деньги и серебро его?» – «А я бы научил тебя!» – крикнул Мальчик-с-пальчик. «Что это? – спохватился в испуге один из воров. – Мне послышалось, что кто-то здесь говорит».

Они приостановились и стали прислушиваться; тогда малютка опять сказал им: «Возьмите меня с собою, так я вам помогу». – «Да где же ты?» – «А вот поищите на земле и заметьте, откуда голос выходит», – отвечал он.

Тут, наконец, воры его отыскали и подняли его. «Ты, маленькое дрянцо! Как же можешь ты нам помочь?» – сказали они. «А вот как: я пролезу между железными прутьями в кладовую пастора и оттуда буду вам подавать то, что вы укажете». – «Ну что же, посмотрим, что ты сможешь сделать».

Когда они подошли к дому пастора, Мальчик-с-пальчик залез в кладовую и тотчас стал кричать ворам во весь голос: «Все вам отсюда подавать, что здесь есть?» Воры испугались и сказали: «Говори тише, не то всех разбудишь». Но Мальчик-с-пальчик будто бы не понял их и закричал снова: «Вам что подавать-то? Все ли, что здесь есть?»

Это услышала кухарка, спавшая в соседней комнате, приподнялась на постели и стала прислушиваться. А воры тем временем со страха отбежали от дома и едва-едва могли опять ободриться настолько, что стали думать: «Маленький плутишка хочет просто подшутить над нами».

Они опять вернулись к кладовой и шепнули ему: «Полно тебе дурачиться, да подай ты нам хоть что-нибудь оттуда!» Тогда уж Мальчик-с-пальчик еще раз крикнул, как мог громче: «Я вам все готов подать – протяните сюда руки».

Кухарка расслышала эти слова совершенно ясно, вскочила с постели и распахнула дверь кладовой. Воры бросились бежать и улепетывали так, как будто за ними сам черт гнался по пятам; а кухарка, никого не видя, пошла зажечь свечу.

Как только она вошла в кладовую со свечой, так тотчас же Мальчик-с-пальчик юркнул незаметно за дверь и пробрался на сеновал; кухарка же, обшарив все уголки и ничего не отыскав, опять улеглась в постель и подумала, что слышанные ею голос и слова почудились ей во сне.

А Мальчик-с-пальчик залез в сено и выискал себе чудесное местечко; там он и думал проспать до рассвета и затем уж направиться обратно, в дом родительский.

Но ему суждено было еще многое испытать! Мало ли всяких бед на свете!..

Кухарка на рассвете поднялась с постели, чтобы снести корм скоту. Прежде всего пошла она на сеновал, где захватила полную охапку сена, и именно в том месте, где бедный Мальчик-с-пальчик спал.

Но спал он так крепко, что ничего не видел и не заметил, и проснулся уже только тогда, когда очутился во рту у коровы, которая и его захватила вместе с сеном. «Ах, Боже мой! Да как это я в валяльную мельницу попал?» – воскликнул он, однако же вскоре догадался, где находится.

И стал приноравливаться, как бы не попасть корове на зубы, и затем все же должен был вместе с пищей проникнуть в желудок коровы. «В этой комнатке позабыли, должно быть, пробить окошки, – сказал малютка, – да и солнышко сюда не светит, и свечи сюда не вносят!»

Вообще, помещение это не очень ему понравилось, а всего-то хуже было то, что сверху в желудок вваливались все новые и новые запасы сена и потому в желудке становилось все теснее и теснее. С перепугу Мальчик-с-пальчик и закричал что есть мочи: «Не давайте мне больше свежего корма, не давайте!»

Служанка как раз в это время доила корову, и когда услышала слова малютки и, никого не видя, сообразила, что это тот же самый голос, который слышался ей и ночью, то перепугалась так, что свалилась со скамеечки и молоко пролила.

Она побежала впопыхах к своему хозяину и крикнула: «Господи Боже мой, господин пастор, ведь корова-то у нас заговорила!» – «Ты, видно, с ума сошла?» – отвечал ей пастор; однако же сам сошел в хлев и захотел посмотреть, в чем дело.

Но чуть только он переступил порог хлева, Мальчик-с-пальчик опять закричал: «Не давайте вы мне больше свежего корма! Не давайте!» Тут уж и сам священник перепугался, подумал, что в корову вселился злой дух, и приказал ее заколоть.

Корову убили, а желудок ее, в котором сидел Мальчик-с-пальчик, выбросили на навозную кучу. Малютка с великим трудом стал из желудка выбираться и расчищать в нем место; но едва только он захотел из желудка выглянуть на свет Божий, пришла новая беда: набежал голодный волк и разом проглотил весь желудок.

Однако же Мальчик-с-пальчик не упал духом. «Может быть, – подумал он, – я с волком-то еще и сговорюсь». И закричал волку из брюха: «Милый волчок! Я знаю, где тебе найти лакомый кусок!» – «А где же бы это могло быть?» – сказал волк. «А вот в такой-то и такой-то дом можно пробраться через сточную трубу, и там найдешь ты сала, колбас и всякого печенья, сколько душе угодно», – и с величайшей точностью описал ему дом своего отца.

Волк не заставил себе это повторять дважды, залез в дом ночью через сточную трубу и нажрался в тамошней кладовой, насколько сил у него хватило. Когда же наелся, то хотел улизнуть, однако же никак не мог: так раздулось у него брюхо от пищи. На это-то Мальчик-с-пальчик и рассчитывал и поднял у волка в брюхе страшный шум и возню, стучал и кричал что было мочи. «Да уймешься ли ты? – сказал ему волк. – Ведь ты так всех в доме перебудишь!» – «Мало ли что! – отвечал ему малютка. – Ты, небось, наелся досыта, а я вот хочу повеселиться!» И опять стал кричать во все горло.

От этого крика проснулись, наконец, его отец и мать, прибежали в кладовую и стали смотреть в скважину. Увидев в кладовой волка, оба побежали и принесли: муж – топор, а жена – косу. «Стань позади, – сказал муж жене, когда они вошли в кладовую, – и, коли я ему нанесу удар, да он с него не подохнет, тогда ты на него накидывайся и распори ему брюхо косой».

Тогда услышал Мальчик-с-пальчик голос своего отца и воскликнул: «Батюшка, я здесь – сижу в брюхе у волка!» – «Слава богу, – воскликнул отец, – наше милое детище опять отыскалось!» – и велел жене убрать косу, чтобы ею как-нибудь не повредить малютке.

А затем размахнулся топором и нанес волку такой удар по голове, что тот сразу растянулся мертвый; после этого они сыскали нож и ножницы, взрезали зверю живот и снова вытащили малютку на свет Божий.

«Ах, – сказал отец, – какие мы тревоги из-за тебя вынесли!» – «Да, батюшка, много я побродил по свету; слава богу, что опять выбрался на свежий воздух!» – «Где же ты побывал?» – «Ах, батюшка, и в мышьей норе, и в коровьем желудке, и волчьем брюхе; теперь уж никуда от вас не уйду!» – «И мы тоже не продадим тебя больше никому, ни за какие богатства в мире!» – ответили малютке родители и целовали, и ласкали своего мальчика-крошку. Они его и напоили, и накормили, и даже новую пару платья ему сшили, потому что его одежонка во время странствий совсем была перепорчена.

Свадьба госпожи Лисицы

Первая сказка

Жил да был однажды старый лис о девяти хвостах; и покажись ему, что жена его, лисица, обманывает его; вот и задумал он ее испытать. Вытянулся под лавкой и прикинулся мертвым. Лисонька тотчас пошла к себе в комнату и заперлась в ней; а ее служанка, кисонька, сидела у очага и стряпала.

Когда разнеслась весть, что старый лис умер, явились и женихи. Служанка, заслышав, что кто-то в дверь стучится, пошла и отперла, и видит – стоит у дверей молодой лис и говорит:

Что ты, кисонька, творишь?
Спать легла или не спишь?
Она отвечала:
Видишь ты, что я не сплю.
Хочешь знать, что я творю?
Пиво я в горшке варю —
Гостя пивом угощу...

«Спасибо вам, кисонька, – сказал лис, – а что же поделывает госпожа лисичка?»
Служанка отвечала ему:

Сидит в своей каморке
И плачет, плачет горько,
Она безмерно тужит
О дорогом ей муже.

«Так скажите же ей, кисонька, что пришел, мол, молодой лис, который бы хотел за нее посвататься». – «Слушаю, господин лис!»

«Свадьба госпожи Лисицы».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Ты, киска, чище в доме сор мети, Да мужа старого с тем сором прихвати: Ведь был он жадным скрягою всегда И не делил со мной добычи никогда...»

И, взобравшись на лесенку, запела киска песенку:

- Сударыня-лисичка!
- Открой ты мне светличку.
- Зачем тебе, сестричка?
- Жених стоит у двери.
- Каков он? – Как все звери.

«А есть ли у него девять таких же пушистых хвостов, как у покойного моего мужа?» – «О нет, – отвечала кисонька, – у него только один хвост». – «Ну, так я не пойду за него».

Кисонька сошла вниз и отослала жениха. Вскоре после того постучались опять у дверей, и уж другой лис стоял у порога: пришел свататься за лисоньку. У этого жениха было два хвоста; но и он не имел удачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.